ОРЁЛ
литературный

2014

ББК 84(2р)6
О 91

Редакционный совет

Главный редактор Алексей Кондратенко
Геннадий Попов
Андрей Фролов
Елена Машукова

О 91 Орел литературный.
Ежегодник Орловской областной организации Союза писателей России.
Выпуск 10. — Орел: Издательский Дом «Орлик», 2014. — 195 с. Ил.

ISBN 978-5-91468-145-3

Альманах Орловской областной организации Союза писателей России «Орёл литературный» учреждён в 2004 году. Перед вами юбилейный, десятый выпуск.

Под одной обложкой собраны рассказы, поэмы и стихотворения, произведения публицистики и рецензии. В альманахе значительное место отведено памятным страницам литературной жизни края: опубликованы стихи Елены Благининой статьи Леонида Афонина, биографические материалы о Рустаме Агишеве, Леониде Моисееве, Владимире Перкине.

Отдельными рубриками представлены произведения участников Литературного объединения и гостей альманаха. На цветной вклейке воспроизведены работы орловских художников.

12+

ББК 84(2р)6

На цветной вклейке – работы орловских художников.

ISBN 978-5-91468-145-3

© БУКОО «Орловский Дом литераторов», 2014
© Издательский Дом «ОРЛИК», 2014

ИРИНА СЕМЁНОВА

27 июля 2012 года в Орле был открыт памятник герою Отечественной войны 1812 года генералу Ермолову, работы московского скульптора Равиля Юсупова.
Спустя два с небольшим месяца реставраторами было обнаружено, что могила героя, расположенная под стеной орловской Троицкой церкви, разорена и пуста.

ЕРМОЛОВ

Поэма

Il cavaliere di bronzo dritto sul cavallo caipesta il nemico

(Медный всадник верхом на коне топчет врага) (ит.)

«Я приказал вынести из города образ Смоленской Божией Матери, укрывая его от бесчинств и поругания святыни. Отслужен молебен, который произвел на войско полезное действие...»
А.П. Ермолов «Записки о войне 1812 года»

«Смирись, Кавказ, идет Ермолов!»
А.С. Пушкин, «Кавказский пленник»

Когда качает голый сад
Листвы увядшие подвески,
И тонким золотом закат,
Светясь, выкладывает фрески,
И незаметно темнота
Встаёт как бы со дна морского
Уже не видится с моста
Ажурный памятник Лескова.
Лишь там, где прячет перманент
Следы снесённого квартала,
Парит высокий монумент,
Как Марс, рожденный из металла.
Не рабский слепок с Фальконе,
Не призрак питерского бледный,
А, с некой тайной в глубине,
В седле застывший всадник медный!
Ермолов! Что ему война!
Он дух имел, как твердь алмаза,
Отважный лев Бородина,
Наместник дерзкого Кавказа.
Он римлянами был пленён,
И, заменяя трон грузинский,
Стал для метущихся племён
Примером стойкости латинской.
Как подавляет исполин!

Размеров камерных приличье,
Чтоб вспомнил каждый гражданин
Страны державное величье.

* * *

Чуть приоткрыв Европы дверь,
Где бьёт искусство из фонтанов,
У нас на улицах теперь
Глумливых ставят истуканов.
Но благо было бы смешно,
А то «шедевр» окинешь взглядом,
В глазах становится темно,
Как будто их промыли ядом.
Кому не знать, как тяжек том
Литературщины бульварной,
Но тяжелей металлолом
Карикатуры тротуарной.
Его не сдвинуть никуда,
Лишив квартал цветущей липы,
Он одурачил города,
Обезобразив прототипы.
Ненужность конусов и призм
Сменили гномом инфернальным,
И шутовской дилетантизм
Зовут искусством актуальным.

* * *

Простой церквей антаблемент
Особым кажется ночами,
Пока течет на монумент
Луна холодными лучами.
Герой, сакральная ли месть,
Что из родов струится в роды?
Но чтили мощь твою и честь
Страны полуденной народы.
К твоей харизме боевой
Заметив зависть Николая,
Я полюбила образ твой,
Как Пушкин полюбил Барклая.
И, всё ж, от смуты зимних дней
Твоя душа и руки чисты,
Пусть струны гордости твоей
Задеть успели декабристы.
Но есть дворцовая среда,
Что Грибоедова убила!
За что, Ермолов, и когда
Разорена твоя могила?
Молчат и Терек и Дарьял.
Ответь мне, в чём же мы не правы,
Что и посмертно, генерал,
Нам не прощают русской славы?
То полумесяцем ислам,
То крест мальтийский тускло блещет,
Герой, Россию дьявол сам
И ненавидит и трепещет!

* * *

Луна уходит в облака,
Но, чуть звеня, дрожат копыта,
И всадник лошадь бьет в бока,
Уздечку дёргая сердито.
И сотрясая монолит,
Толкая цоколь неудобный,
Сорвавшись с места, конь летит,
Стреле отпущенной подобный.
Кубанский тополь, дуб, самшит
Его касаются коленей,
Но грозен всадник – он спешит
Поля осматривать сражений.
И лишь на гребне, где не раз
Взирал на горные селенья,
Он осадил коня, Кавказ
Накрыв своей огромной тенью.
Что видит он?
Глаза князей,
Огнём сверкающие люто?
Иль диких жён и сыновей
В часы короткого уюта?
Обрывы, крепость, перевал,
С цепями войск перемещённых,
Иль города, что основал,
Иль как мечети открывал
Среди аулов разорённых?
Иль то, как бился атаман
За населённые станицы,
Иль путь в английский Тегеран
С турецкой пройденный границы?
Или оставленную дочь,
Свечу и локоны младенца,
Иль образ, обращенный в ночь
Вооруженного чеченца?

* * *

Смешно! Тщеславью славы нет!
Толпа ж и гения освищет,
Серьёзно мыслящий поэт
Пустой известности не ищет.
Уже не жаль ему едва
В скорбях на вечное закланье
С небес пришедшие слова
Толпе отдать на поруганье.
Он знает, недругов дразня,

Как много их, вторых и третьих,
Но далеки его друзья,
В других столицах и столетьях.
Есть благородство, как металл,
Лишь зеленеющий с веками.
Тщеславью снится пьедестал,
Поэт же попросту устал
Смотреть на рыльца с пятачками.

* * *

Прощай, Кавказская гряда!
Узреть лицо Буонапарта
В Амштеттен, в прошлое, туда,
Где войск союзных бита карта.
Дороги, скрипы колесниц,
Орудий рёв,
Столпотвореньем
В огне встаёт Аустерлиц
С неотвратимым пораженьем.
В трясинах тишь его болот
И ложь озёрных отражений.
Навеки в них остался тот,
Кто шёл путями отступлений.
Назад, на Клязьму, в тишину!
Вернуть похищенную славу,
Минуя Неман и Двину,
Тильзит и новую Варшаву.
Минуя город на пути –
Тяжёлый Кремль и храм Успенский,
Где образ приказал спасти
Он Одигитрии Смоленской.
Знакомый всем по образкам,
Хранит он таинство минуты,
Когда был вынесен к войскам
На Бородинские редуты.
Чтоб войска русского поток
К нему с надеждой устремился,
И даже автор этих строк
Спустя столетья, приложился.

* * *

Поэт, в стране твоей развал,
А ты к волненьям безучастен,
Ты, может, не подозревал,
Что к русской вечности причастен?
Шаги истории слышны
Почти за каждым поворотом,
Ищи мгновенье тишины...
А вы-то чем оглушены,
Боясь назваться патриотом?

* * *

Пространство дышит – вот оно!
Покрыто вьюжными волнами,
В ночных снегах Бородино
Под монастырскими стенами.
Он думал: «Дикая страна!
Я разорву её на части!»
Но до сих пор Березина
Французу памятна в напасти.
Наполеон, твои мечты
Давно развеяны молвою,
Всё то, что недогрезил ты,
Ушло в молчанье мировое.
Лишь здесь, над полем, дотемна,
Витает имя корсиканца,
Вплетаясь в смех Бородина
Над сбитой спесью иностранца.

* * *

Кто силуэты сквозь пургу
Проносит всадников летящих,
Как будто заново врагу,
Давно поверженному, мстящих?
Чтобы пропав на полпути,
Они в метели скрылись грозной
И развернулось впереди
Виденье битвы грандиозной.

* * *

Штыки, шрапнели, взрыв ядра,
Картечи свист над киверами...
И где-то слышится: «Ура-а-а...»
Но тихо, словно за горами.
Траншей минуя череду,
Обнять Раевского скорее
Спешит Ермолов на ходу,
Врага сметая с батареи.
Отважный Марс, как бьёшься ты!
Недаром с римлянами дружен,
Но, уносимый с высоты,
Ты без сознанья, ты контужен.
Конём понурым принесён
Кутайсов, и на возвышенье
В траве лежит Багратион,
И войско армии в смятенье.
Скорей же, Платов!
Бой таков,
Что русским в праведность вменится.
Ура, Давыдов! Фланг, Тучков!
Как оборона, Коновницын?
Бьёт артиллерии прибой,

Целуй же, братец, крест наперстный.
Кто Бородинский видел бой,
Тот видел въяве ад разверстый.
Но, предрешив исход борьбы,
Москвы предвидя пепелище,
На бой в цветной глазок трубы
Светлейший смотрит Голенищев.
Плывут в медлительном дыму
Позиций наших укрепленья
И всё понятней, почему
Уже не будет пораженья.
Там всё легчает на весах
Противник с гаснущим напором,
И Божья Матерь в небесах
Стоит, сияя омофором.

* * *

Что, неприятель, не смешно?
Пусть не отбить назад люфета,
Ты получил Бородино?
Нам жертва славная оно,
Тебе лишь Пиррова победа.

* * *

Мой всадник, стоит натянуть
Уздечку и близки планеты;
Созвездья, освещая путь,
Тебе легли на эполеты.
А ночи осени темны,
Не разглядеть и речки узкой,
Но там, во льдах Березины,
Величье армии французской.
Топча промёрзшую траву
И утопая в снежной жиже,
Пусть недруг тащится в Литву –
Мы будем гнать их до Парижа.
А конь?
Арабский, боевой,
Поджарый, чуткий, как виола,
Врага подарок роковой
Владельцу русского престола.
Пусть он и дерзок и бесстыж,
Смахнув пушинку с бакенбарда,
Царь Александр войдёт в Париж
На скакуне Буонапарта.
Ермолов, Франция, Версаль!
Но, вспомнив русские окопы,
Он, приподняв её вуаль,
– Мадам, – сказал, – мне очень жаль!
И отвернулся от Европы.

* * *

Именье!
Нужен глаз да глаз.
Сюда, сквозь рощи и опушки,
Свернув с дороги, как-то раз
Примчался лучезарный Пушкин.
Даря то саблю, то кинжал,
А, может быть, портрет овальный,
Летя с Кавказа, наезжал
Поручик Лермонтов опальный.
Потом, накинув епанчу,
Вдыхая запахи полыни,
Скучал хозяин, жег свечу,
Стихи переводя с латыни.
Зачем не предал он перу
Широколобых Альп вершины,
Варшавский бой, где на ветру
Дрожат Суворова седины?
Он помнил с грустных именин,
Среди осеннего ненастья,
К нему бегущую Надин –
Его утерянное счастье.
Что человек? Он лишь родник –
Порою чист, порою в тине,
Но тем он, может, и велик,
Что бережет свои святыни.
Гадают – ветвь ли он корней
Монголов, въехавших из ханства?
Чем скрасить, Господу видней,
Породу русского дворянства.
Пусть что-то в древе родовом
Творится странное порою,
Фамильный герб с могучим львом
Не зря так нравился герою.

Под инеем витиеват
Узор ветвей, а холод круче,
Но убывающий закат
Внезапно вспыхнул из-за тучи.
И, словно огненной зари,
Коснувшись солнечным сплетеньем,
Зажёгся всадник изнутри
Её оранжевым свеченьем.
Паря над зданьями в лесах,
Переливая жар сиянья,
Горит не медное в глазах,
А золотое изваянье.
Роняет звоны в стороне
Собор Архангела святого.
О чём сказать он хочет мне,
Взлетевший в небо на коне,
Посланец века золотого?

26 декабря 2012 года

ЮРИЙ ОНОПРИЕНКО

АНИСИМ
рассказ

Анисиму сверкнуло шестьдесят, когда он похоронил жену.

Без нее долго протянуть не думал. Время пришло судорожное, знобкое, сберкнижки за год будто в печке погорели; денег ни у кого не стало, цены так росли, что ни одной не упомнить.

Решил Анисим разом с могилкой жены и собственную обозначить, загодя, пока хоть какая копеюшка есть. Памятник супруге поставил — рядом и себе тоже.

Портрет с надписью ей прикрепил, надо вроде и себе вешать, чтобы сторонний глаз безымянностью не влечь. Памятник без надписи, как паспорт без печати.

Так и обиходились обе могилы, покрашены, в оградке стройной алюминиевой.

Анисим на кладбище заглядывал часто. Чуток диковато на свою-то, как говорил, «смертную одру» глядеть, так ведь год-другой — и всё, бывайте. А вечный домик готов, ждёт.

Кроме самого Анисима, никто бы ему его не поставил, нет наследника; а село уж нищее, безденежных бабок в простынях хоронят, куда ещё тебе портрет с оградкой.

Так что поглядели-поглядели односельцы на анисимов дальний расчёт, да и одобрили.

Одна загвоздка: не умирает старый хрыч. Десять лет на своё пустое надгробье ходит, ругается всё лиловей, аж до черноты: покраска идет в двойную трату.

И вообще — десять лет не два, пошучивать улица стала, глупо Анисим глядится у своей могилы, особо на общих поминальных днях, когда всё село тут.

Детвора повадилась: то бороду, то бородавку на фотке дорисуют. А что, когда живой.

Потом и шутки в сторону, одна грусть пошла. Стали повально красть вздорожавший цветной металл, провода прямо под током выкусывать, святые бронзовые надгробья снимать, походя, будто закупорки винные.

Выломали вот так и анисимову оградку.

Дед во зле отнёс в милицию заявление, длинное, как мемуар. Райцентр сидел под боком, через речку, и участковый в село явился скоро.

Смешливый без повода, он мельком оглядел выцветшее фото, блаженно растянул губы, прищурился на сутулого, коряжистого старика:

— Анисим Чумихин это покойник или заявитель?

— Я, я и заявитель, и… этот, — деду давно надоело отвечать на всякие-такие вопросы. — Какая тебе разница, ты люминий давай ищи.

В сумрачном, или, как он говорил, лиловом настрое Анисим всегда грубил до хамства, а этот сержант-дурносмех был его моложе втрое, и уже с бабьим любопытством.

В общем, они разругались в крошево прямо на погосте; милиционер убрался, ничего не обещая, но всё такой же непробиваемо-веселый, а Анисим раскачал свой печальный обелиск, с рыком взвалил на квадратное плечо и уволок домой, в курятник.

Было это в масленом феврале, а в постном апреле Чумихин обнаружил, что его не взяли на концерт.

Надо сказать, он с ума сходил по гармошкам, сам ладил, сам играл на них сутками; гулял с гармонью по двору в полночь, буд-

то лунатик, особенно теперь, вдовцом. Норовил быть душою всех клубных вечеров и жидких нынешних свадеб.

Правда, в самостоятельность его пускали с неохотой, потому как Анисим любил покучерявить, то бишь без спросу спеть со сцены неприличную частушку.

Вот и теперь клубники уехали в райцентр без Анисима, обманули, смылись тишком, словно от мальца пушистого.

Но с ним этого нельзя. Он справедливо обижается и делает наперекор.

Так что схватил Анисим гармонь за самую большую заплатку – и бегом к залитому дубовому мостку. Пока они семь километров кругаля на большой мост дадут, Анисим через умирающий паводок в минуту перешагнёт и на концерт раньше тех поспеет.

Паводок и вправду сходил; выныривали чёрные берега, река была в жирной илистой кайме, отвратительной, будто крашеная бровь старой цыганки.

Но переправу вода еще не открыла, шла верхом через узкий полуметровый настил без поручень. Так что вместо настила — певучий пенный вал сквозь всю реку.

По этому валу, бьющему выше колен, и двинул азартный старикан. Клееные сапоги с портами были скинуты и в страхе лежали на гармони, а гармонь — на горбу.

Главное было не стать на какой-нибудь подводный дощатый сучок и не шатнуться — иначе как соринку в реку смоет. И на перекат, по которому идёшь, лучше не глядеть: шныряющие перед глазом бурунчики кружат башку хуже телевизорной рекламы.

Ноги зажглись до самых корней, но скоро облегченно ступили из воды в липкий ил, показавшийся парным. Анисим кое-как оскреб пятки сухим прибрежным быльем, облачился — и рысью в РДК.

Показывало без трёх минут шесть; как раз впору первым выпрыгнуть на сцену, сделать им негладко. Будет хохоту.

Он и выпрыгнул: колдобистый, красный. Развернул мехи, разинул рот… А голоса-то и нет.

Вода леденющая съела голос, посадила горло намертво. Не то что слово сказать — мокрецу прокашлять не выходит.

Сыграл Анисим переборов пять, да и слез молча, дурак дураком. Не вышла колдобина. Стоящий у занавеса язвенный завклуб Иван даже лаяться не стал, понял: какой -то промах у вредного деда.

Привычно завели селяне свои пляски волынистые, почти подневольные, а Анисим из РДК уполз в магазин.

Мимо бесшумно и упруго просеменила собачья свадьба; у псин были одинаково раскрыты пасти, из которых одинаково свисали языки.

Стакан душистой водки оттяжки ни горлу, ни настроению не дал. В Анисиме и в трезвом энергия всегда вот такой живою шавкой наружу рвалась — а уж после спиртного прямо как гиена лютая нутро грызла и ждала чего-то немедля слопать.

Давать пеший семикилометровый круг к дому желанья не было, а вновь форсировать взятый пеной мосток уж и думать нельзя.

Тут вспомнил старик про своё до сих пор безответное заявление в милицию и решил опять обидеть участкового — всё легче станет.

Отправился в райотдел. Но наводить правду там уже было не с кем — день кончился, в милиции сидел только волохатый дежурный, сказавший, чтоб приходил завтра.

— Куда завтра? — злобно засипел Анисим. — Я из деревни, мне вёрсты мотать сил нету… Оставляй меня ночевать в кутузке!

Дежурный потёр свою обросшую волоснёй шею и посмотрел с большим напряжением.

Пару месяцев назад этот лейтенант вернулся из чеченской командировки, где на него от взрыва упали человечьи ошмётки. Теперь на него часто валится багровое мясо. Он никому не говорит, не хочет в дурдом; однако рваной человечины с каждым днём становится больше, она лепит в лицо и бьёт с ног.

— Не положено, — трудно сказал дежурный, отстранясь от стола и гадая, правильно ли поступает.

— В штаны наложено, — передразнил сипучий Анисим. — Я простудный, мне надо огреться. А то вымру, а из-за участкового мой памятник куры засидели.

Дежурный удивился, зачем мясу памятник. Однако испугался такой мысли и очень

медленно, будто читая словарь иностранных слов, произнёс:

— В КПЗ сажают нарушителей общественного порядка.

— Так я же пьяный, — Анисим обрадованно дохнул на милиционера.

— Ерунда, — сказал лейтенант, с усилием стирая ладонью, отлепляя от лица дедов ароматный дых, и опять пугаясь этого своего движенья. — Дедуль, иди домой от греха.

Сейчас откуда-то с потолка ему на стол должна была упасть дымящаяся рука с проволочным обрывком вены, и дежурный не имел права показать, что он увидел эту руку, жутко побелевшую в ногтях.

— Тебе нарушение надо? Будет, — сказал между тем Анисим, раздёрнул гармонь и безобразно закричал, перемогая сип: — Мой милёнок от тоски! Выбил хреном две доски! Возрастает год от года. Мощь советского народа!

Передохнул, завершил победно:

— Понял? Любимая частушка моей покойницы. Пускай в камеру! Нечего мне дома делать.

Из солидно, как-то мраморно лязгнувшей боковушки на шум с интересом вышли четверо в пухлых бронежилетах и с короткими, будто фига, автоматами.

— Ёшь моёшь, — изумился таким силам Анисим. —Чего ж вы, герои, в Чечении-то увязли?

Лейтенант хотел ткнуть нахала в рыхлую морщинистую челюсть, но от гнева пришёл в себя и увидел вместо ошкуренной мясной туши обычного старика, избитого одиночеством.

— Отвезите его к дому, — устало и внятно сказал он бронежилетам. — Тут близко, за речкой. Да растирки ему купите, что ли… А то он уже про памятники что-то бредит.

ЛАСКОВЫЙ ЗИНА

Рассказ

Камень лежал косматый и насквозь больной. За двести неподвижных лет его нутро проели трещины и по трещинам тем сейчас ползала разная мягкая мышва.

Пришел новый апрель, новое солнце ударило в луч, и из камня глянула бело-рыжая ласка-подросток. Две брезентовые ящерки пробежали по камню наперегонки и ленточками упали в трехдневную траву.

Ласка худа и любопытна. Нырнувши внутрь, шмыгнула по больным каменным потрохам, высунулась уже внизу — ловко, сторожко, вполголовы. Тут сидел лимонный мотылек и мерно вздыхал крыльями. Раскрыл их — будто бы вдох, закрыл — выдох. И весь свет дышал в такт этим невесомым крыльцам.

Здесь семипудовый валун дрогнул и поднялся на воздух. Человек, ступивший сзади, нес его в обхват, медленно, с динозавровой силой сжав пальцами камню бока. Ухнул, кинул под откос — вековой старик покатился, теряя куски.

Валун был последним, что мешало человеку на этом склоне. Человека зовут Зиновий.

Никто не ведает, откуда он. Говорят, в порту такелажил, да сорвал канат кораблю. Тут уже пятый год, взял у власти пустой недальний лог и устроил в нем царство. Сначала извел весь бурьян, каждый корень рыл пальцами, они у него тверже копалки. На спине носил от города мотищи железной сетки — из нее стал по склонам забор.

В одно лето лог сделался сладким куском голландского сыра. Вверху бычочки пасутся, низ весь лопатой — не плугом — вспушён, и на нем помидоры вот такие: всего два в ведро влазят.

Местный мужик врага учуял сразу. Прежде чем пакостить по-крупному, своровать ту же сетку или стог поджечь, деревенские сделали разведку: подпустили двух своих телок попастись у Зиновия на сдобной безбурьянной травке.

Бурёны к домам не воротились. Нашли их на краю лога целехоньких, но мертвых; что с ними сделалось — не поняли.

А Зиновий просто хлопнул каждую кулаком по лбу, сверху вниз, по пушистой звездочке. Животинки тотчас пали от сотрясенья коровьего мозга; а на звездочках ни вмятины, ни красного следа — не молотом же бил.

Зиновия сразу оставили в покое. Его угрюмое бирюковство и нечеловечьи размеры — ладонь в сковородку — пугали всерьез. Но еще страшней была его работящность.

Он постоянно что-то делал. Движения его были медленны, но неостановимы. Если даже он и садился на минутку, то держал в руке топор, скребок, шило, гвоздь, либо просто щепу, которую сейчас надо кинуть в огонь иль мусор.

Природа его не занимала. Над апрельским полем серебрился жаворонок, он кружился и журчал, и вместе со своей песенкой взбирался — словно по ступеням винтовой лестницы — всё выше в небо; потом крылышки его замирали, распластавшаяся птаха журчащим парашютиком спускалась по прямой. В самый момент посадки журчанье обрывалось — приходила целебная пауза, нужная и полю, и жаворонку; пауза, чтобы подивиться миру, самому себе, вдохнуть воздуха для новой песни и нового полета в жизнь.

Зиновию таких передышек не требовалось, и в этом крылась какая-то болезнь, какая-то боль и беда. Работал он — сразу было видно — не для богатств, потому что лишнего не строил, копался во всем без машин и механики, первобытно, видать, его само занятие грело.

Невест к нему не подпускали; хоть видный и на дело, и на облик, а дико с ним рядом, как в клети с волком. В разговор ни с кем не идет, смотрит вглубь себя.

Сошелся с ним бродячий городской художник. Как-то рисовал тутошние репьи на продажу и подивился его логу.

— Я и во Франциях такого порядка не видел, — поздоровался через сетку. — Давайте вас нарисую.

Малевал он плохо, но ярко. Лицо хозяина в картине вышло в один цвет с его сортовым помидором, Зиновий тому умилился и сказал художнику приходить, когда хочет.

Пухлый живописец, его звали Редникин, стал и вправду навещать бирюка. Невкусный свой дар он сдабривал сладким говором. Будто соусом, обильно поливал он восторгами и закат, и деревья, и воздух — и Зиновий вслед за гостем тоже удивленно смотрел на закат, деревья и воздух.

— Это же краса, краса... — тонко повторял художник слюдяным облакам, кленовым венчикам и томному ручью. — Это же в километре от города такая краса.

Он до полдня сидел где-нибудь в травах, поклёвывая кистью холст; вечером приносил готовый пейзаж, такой же яростно яркий, как прочие.

— А чего ты вон ровчик не рисуешь? — спрашивал Зиновий. — Густое место. Головой прыгнуть хочется.

— Нет, Зина, свет не тот, — отвечал Редникин. — Да и кто купит обрыв? Глина... Нет, краса нужна.

За прошлое лето он наведывался вот так раза три, однажды даже с ночевкой. И в этом году явился уже в апреле, такой же приветливый, с редкой кружавчатой бородкой — известно, творцам без бороды не творенье.

Вчера деревенские пустили по бросовым лугам обычный свой весенний пал. Сухая путань былья горела трескучим фронтом, зачернила пустоши до тоски. Фронт угас только у Зиновьева лога, потому что дальше шло не перезимовавшее горючее былье, а ребёночья зелень, ухоженность.

— Ну, Зина, ты трудяга, — сказал привычное Редникин, явившись.

— Это не труд, а так... возца, — ответил Зиновий, тоже привычно и ровно.

— Нет, не возня. Надо тебя покрупней нарисовать, оставить для истории.

— И это возца.

— Что, не хочешь для вечности остаться?

— Какая там увечность, один сор. Зачем все после себя хотят следы оставить? Живи почтенно, не мусорь. Уходишь — убери бумажки, оставь полянку, как была... На ней еще другим жить и в солнце глядеть.

Тирада была длинной для Зиновия, да и некстати. Редникин махнул коротенькой ручкой и обернулся: он привел двух спутниц.

Этих пятнадцатилетних девчушек Зиновий осенью видал на селе, но не особо запомнил; он не любил смотреть на чужое.

Сейчас глаза не спрячешь: гостьи ждали. Одна была обычный подросток, травинка-пылинка; а вот вторая чем-то брала — то ль худобой светлой, то ли взглядом светящим.

— Видишь, какие ангелки у тебя в соседях. Привел вот порисовать их. Можно на твоей зелени?

Зиновий кивнул и пошел по делам.

Работа его была все так же проста и бездумна. Он обрубал на пробуждающихся придорожных яблонях-дичках отжившие ветки, крошил их в мелкую растопку и, завернув пятиметровой полотняниной, сносил огромными скрипучими кипами к себе под навес, где складывал ровно, край в край. Потом черпал скоту питьё в низине, в старчески ворчливом ключе, выливал в большой железный короб, и вода из ведер падала на рыжее дно так же ровно, с одинаковым глухим плеском.

Движения и само лицо Зиновия были будто в дрёме, но и вниз к роднику, и обратно в гору он шел одним спокойным шагом, не чуя ни тяжести, ни скуки. К полудню навес забился высокими стопами хвороста, спичечные концы рубленых веток торчали в лад, как щетинка; а короб раздул бока и взялся росой.

Редникин все это время прыскал по склону, усаживал девчонок на траву то там, то здесь — и торопливо малевал у себя в фанерке. Подбегал, трепал за щеки ловкой ладошкой, поворачивал покорные головки, прося показать лицом мечтанья.

Девочки издали виделись Зиновию цветными карамельками, а рисовальщик — хлопотливым блескучим жучком, обалдевшим от столь сахарной находки.

Потом они поднялись ко двору. Редникин нес в руке свою скомканную куртку, у крыльца тряхнул ею — наземь упал зверек с белой мордкой и злым отчаянным взглядом.

— Не убежит, лапа разбита. Под камнем лежал, хорек вредный.

— Это не хорь, это ласковая, — ответил художнику Зиновий. — Пусть они домой возьмут, коту.

— Кот с ней не сладит, — торопливо сказала травинка-пылинка и отвела синие глазенки; видно, Зиновий ее страшил своими размерами.

— У нас ее сразу поросенку кинут, чтоб затоптал, — добавила вторая; эта смотрела прямо и доверчиво, и Зиновию отчего-то стало хорошо. — Посадите ее тут где-нибудь, а то жалко. Мы к ней приходить будем.

— Да и посади, что ли, — поддержал Редникин.

Зиновий с той же дремой на лице взял изогнувшуюся кольцом ласку и мягко бросил в пустую молочную флягу; а кровь, до которой зверь в эти секунды крепко достал всеми своими клычками, стряхнул ленивым взмахом руки, словно это была не его родная кровь, а так, привычный телячий пот.

Гости чуть вздрогнули от того, что хозяин даже не поморщился на боль. Рисовальщик быстро перевел к более нужному:

— Ну ладно, девы, а красить ваши портретики я буду у себя. Вы должны и там попозировать. Вон где моя мастерская...

Он достал из сумаря черный бинокль, при виде которого деревенские подружки вмиг забыли о раненом Зиновии, навел его на город и дал каждой глянуть в окуляры:

— Вон та зеленая трехэтажка, ближний подъезд. Час ходу. Жду на той неделе.

И они ушли. А Зиновий, не умевший отдохнуть, стал рыть ненужный пень.

Шагнул на землю май, вспушил округу. Поплыли теплые дни. Лез могучий и смелый сорняк, но ему не было жизни: хозяин рвал его в хруст, где только видел, и на грядке, и сбоку по тропе. Бычок с козой пошли на выпас, ласка во фляге поправила лапку и тоже затосковала по воле.

Зиновию эта хищная тварь нужна была не больше, чем сорняк, однако ходил он к ней, как к другой живности, — спокойно и в срок; кидал обильно пожевать вареный куриный желток, отнимал для нее у кошки придушенную полевку, плескал молочного питва. А увидав ласкину тоску, опустошил водный короб, выстелил свежей косовицей и посадил зверька туда.

Вечерами оба несколько минут смотрели друг на друга. Глаза у ласки при виде своего тюремщика тревожно тускнели, и она грызла угол; а Зиновий лапищей тёр по стенке, рубчатое лицо его становилось сладко-бессмысленным, как у младенца, сосущего палец, и он ронял сверху вниз:

— Сиди. А то придут, тебя нет. Жалковать девка будет, нельзя.

Дни плыли, как кораблики; никто не шел. Зверь успокоился и стал делать столба — стоять у железной стены на задних и тянуть к Зиновию белые передние коготки-пальчики. Медуница ударила в запах, трава пошла колосить. Поспело везти перекупщику первые укропы — и Зиновий отправился в город.

Там управился скоро, у него все получалось быстро, потому что не суетился. Налегке выходя из города, увидел пузатый и зеленый, в цвет листвы, дом — тот, когда-то промаячивший в окуляре. Зиновий без особых мыслей глянул в крайний подъезд; там сбоку мелькнула дверь, вымазанная знакомыми яркими красками, отчего сама напоминала редникинскую картину.

Зиновий ткнул дверь пальцем — она разинулась, впустила вниз, в долгий подвальный коридор, пахнущий не по-подвальному сухо и даже вкусновато. Где-то в последнем углу торчала еще дверца, покрепче, пофигурнее, с буквами и ладным замком; но и тут замок разом отщелкнулся, вежливо пуская Зиновия прямиком в гнездо приятеля.

Художник был и точно здесь. Он стоял вполоборота, голый и студенистый опарыш. Коленки его были белы, как вываривашаяся кость. На уровне этих своих гнусных колен он держал блюдце с большими яркими черешнями и нежно бубнил кому-то:

— Ну-ка, деточка, возьми сладенького...

Перед ним и перед пустой бутылью марочного портвейна сидели сразу три полуодетых ребенка с испуганно-веселыми, красно-круглыми и бестолковыми глазками. Редникин, дряблый и мясной, заторможенно обернулся на стук двери, поперхнулся словом и взвизгнул:

— Сашка, чего дверь не заперта!

Из-за шторок, мольбертов и исклеванных грязной кистью холстов пьяно выскочил какой-то Сашка без подштанников, увидел громадного Зиновия — и ужас тотчас колыхнул его обратно. У Редникина на рожице тоже мелькнуло дикое, предсмертное — как у оглушенного кабанчика.

— Ой, Зина ласковый пришел, заходи, Зина...— мямлил он, но Зиновий в ответ повернулся и вышел; и пошел к себе в лог тем же нескорым и неостановимым шагом.

На полдороге с него вдруг закапал пот; это Зиновий только сейчас осознал, что из тех трех напоенных девчонок две были его знакомые малолетки, для которых жила у него ласка.

Когда Зиновий пришел к подворью, испарина уже слетела с его дубленого морщинного лба. Зиновий взял секиру, подошел к ручной своей козе и одним коротким взмахом отшиб ее рогатую головку.

Бычок, увидевший это, сразу зарыдал, крупная слеза выкатилась из-под его белых ресниц и все четыре ноги пошли дрожью. Зиновий убил его мгновенно, без мук; потом зашел в свой крепчайший дом и стал размеренно таранить печку и стены.

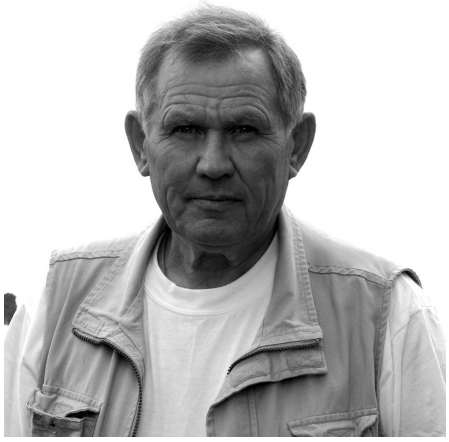
Матица упала ему на плечо, он ее сбросил, облил все из канистры и поджег. Пламя взревело, Зиновий вышел и впервые оцепенел на целых полчаса, тупо глядя, как все сильнее бесится пожар.

— След оставить... Нет, все чисто будет, без сору... — говорил, как бредил.

Кинул за пазуху ласку и сгинул.

В логу сейчас вправду чисто. Если не считать радостных мужиков, валяющихся в сизом бурьяне.

ГЕННАДИЙ ПОПОВ



ПОЭЗИЯ НАШИХ ДНЕЙ

(ЛИТЕРАТУРА, ПОЭТ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ)

1. «Бермудский треугольник»

*Творчество профессионального писателя и, **на мой взгляд, поэта особенно,** всегда, т.е. вневременно, находилось, находится и будет находиться, по моему разумению, в некоем «бермудском треугольнике», пусть эта предложенная модель и может показаться игрой слов. Но для начала уточним, как говорится, сами «правила игры».*

Итак – «профессиональный писатель (поэт)»? Еще недавно понятие простое и однозначное – это тот, кто имел профессиональный статус (членство в профессиональном творческом союзе) и обязательно получавший за свой реализованный (опубликованный) литературный труд материальную отдачу, проще – гонорар. Сегодня осталась только оболочка, вернее, видимость ее, то бишь «членство» в профессиональном союзе (правда, со значительно сниженными требованиями к уровню мастерства при приеме в этот союз). А что еще было ожидать? Союз писателей СССР по статусу и возможностям, по крайней мере, был не ниже, а фактически по общественной значимости выше Министерства культуры. Сегодня же его юридический правопреемник в России – Союз писателей России, в отсутствие закона о творческих союзах, носит ограничительно-уравнительную приставку «всероссийской общественной организации» со всеми вытекающими. Гонорары, если и есть, то несоразмерны (в десятки раз ниже по покупательной способности) прежних и абсолютно не гарантированы. Авторское право фактически реально не защищено, если у него, бедного автора, нет серьезного партнера (издательства, спонсора и т п.), кровно, т.е. ныне, читай, финансово заинтересованного в исключительном праве на интеллектуальную собственность того или иного писателя. О том, кто сегодня имеет таких партнеров по литературному творчеству (и опять же, если быть сегодня точным, то надо сказать - по литературному бизнесу), поговорим потом. Так кто тогда сегодня «профессиональный писатель», кого я ввожу в «правила игры»? Извольте: это литератор, имеющий определенное профессиональное и читательское признание, с билетом члена Союза писателей и умеющий трезво оценивать собственный талант. Последнее, разумеется, очень субъективно, но всё в главном зависит от объективного – собственно таланта и совести, которую, при всем при том, от людей не спрячешь, как шило в мешке (правда, здесь «шило» как бы наоборот: чем меньше совести, тем более это всем заметно).

Теперь – о «бермудском треугольнике». Здесь имею в виду, что творчество любого писателя невольно замкнуто в условном треугольном, где вершинами являются:

- **Вершина первая** - Те, от кого писатель объективно зависим социально и общественно: власть, спонсоры, критики (коллеги и

читатели), доброжелатели и недоброжелатели, друзья и враги и т.д.

- **Вершина вторая** - Те, кто зависит в той или иной степени от самого писателя: родные и близкие, критики (коллеги и читатели), доброжелатели и недоброжелатели, друзья и враги, спонсоры и т. п.

По моему представлению, эти две вершины довольно сходны, разве что акценты в них (приоритеты зависимости) несколько отличаются и означают не что иное, как действительность, в которой живет и работает писатель.

- **И, наконец, как вершина третья** - независимый от писателя объективный мир: земная природа, космос. Хотя и здесь, разумеется, есть некоторая условность. Но, в первом приближении, как говорят математики, это всё же, наверное, приемлемо без особых оговорок и пояснений.

Понятно, что «треугольник» не плоский, поскольку его, так сказать, объём есть не что иное, как время, если угодно – исторический период, эпоха. Но дело-то в том, что истинная литература, признание настоящего писателя (по своему призванию, предназначению земному) не очень-то от этого времени и зависит, как это ни парадоксально на первый взгляд. А вот погибнуть в нём любому таланту можно, как говорится, запросто. Но подробнее об этом - ниже.

Здесь выскажу только то, зачем я затеял эту «игру», т.е. почему «бермудский треугольник»? Считаю, что в идеале писатель должен своим творчеством служить не «кому», а «чему», т.е. быть абсолютно независимым от житейских обстоятельств: ни экономически, ни морально. Но – это утопия чистой воды. Увы, башня из слоновой кости – только миф. А вот любые, даже положительные «взаимосвязи» неизбежно ограничивают свободу творчества, засасывают писателя в рутину бытия. И в самом трагическом варианте – талант может погибнуть, так и не раскрывшись, как те несчастные мореплаватели, сгинувшие и продолжающие таинственно исчезать в Карибском море. От более пространных объяснений, полагаю, можно воздержаться.

Далее буду идти только к вопросу «поэт (писатель) и власть» - может, одному из самых сегодня болезненно-интересных для всех литераторов России.

2. Действительность

«Перестроившись», родное государство наше практически отреклось от реальной поддержки писательского труда (и опять оговорюсь - особенно поэтического труда без объяснений очевидных причин этого акцента), предоставив его плоды молодому, посему по-юношески недальновидному российскому рынку. А ведь литература только косвенным планом – товар, но и, прежде всего, – мощное идеологическое оружие, средство пропаганды тех или иных воззрений, интересов как отдельных людей, так и различных человеческих сообществ, объединенных некой целью (в том числе и целями, далекими от нравственно-духовных наших традиционных ценностей, без веры в добро, воистину демоническими целями).

Должен здесь сказать, что далее буду во многом ссылаться на материалы семинара по современным проблемам воспитания книгой, в котором принимали участие литературные редакторы, писатели, социологи и педагоги из Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода (Современные проблемы духовно-просветительской литературы по православию: воспитание книгой: сб. материалов православного семинара. - М.: Лепта, 2005.- 64 с.)

Сегодня наш книжный рынок отнюдь не озабочен этим обстоятельством, и стараясь максимально выжать прибыль, стимулирует и тиражирует на потребу дня произведения, идущие в фарватере глобализма культуры. Сами издатели согласны с тем, что книгоиздание в России сегодня ориентировано исключительно на коммерческие проекты. На пути истинной литературы ныне стоят непреодолимые коммерческие барьеры, вне книжного и информационного бизнеса оказались те, кто не укладывается в уста-

новленный ими формат. Что это за формат? Формат глобализма прост – все во имя идеологии потребления. Глобализация культуры предполагает уничтожение традиционных культур, традиционных религий, традиционных отношений между людьми, традиционных представлений о жизни, терпимость ко всем видам греха и порока. Промежуточный этап – развитие культуры постмодерна, сопровождаемое «размытием ценностей» (социологи уже ввели соответствующий термин - «ценностный релятивизм»), дегероизация русской истории. В результате утрачивается старая (традиционная) национальная идентичность, а новая еще не обретена, но активно, даже агрессивно формируется. И «рыночные» литература, телевидение и радио, надо отдать печальное должное, здесь играют, пожалуй, главенствующую роль. Что же они формируют? Прежде всего, их усилиями наше общество вступило сегодня в так называемый «кризис чтения», который уже был преодолен во всех уважающих себя странах, выработавших у себя национальную политику в области поддержки чтения и книжной культуры, поощряя издание книг высокого художественного уровня. Такие государственные программы действуют в Германии, Франции, Швеции, причем особенно для поддержки изданий лучшей литературы для детей и юношества. Мы же налицо имеем картину как раз наоборот. Главный вопрос – что и кого воспитывает книга сегодня, вернее, та книга, которая навязывается читателю всех поколений вакханалией книжного рынка? Что она, эта книга глянцевой поросли (уж больно модными для нее стали глянцевые переплеты) формирует: какой характер, какие навыки, каким правилам поведения учит, что внушает, что прививает? Служит ли продолжению и развитию высоких традиций наших классиков, русской литературы, безоговорочно признанной просвещенным миром Великой ?

Наше общество секулярно: Церковь отделена от государства. Коммунистическая мораль, невольно опиравшаяся на православные устои (помним ведь «Моральный кодекс строителя коммунизма»), во многом оболгана и предана анафеме. Новой национальной идеи пока и в помине нет (нельзя же всерьез воспринимать неловкие попытки косвенно выдать за нее вхождение в «цивилизованный рынок»). Нормы поведения, нравственности и морали размыты понятием «общепринятой» гуманистической этики, неких «общечеловеческих» ценностей, которые де-юре якобы обеспечиваются гражданским, уголовным и конституционным законодательством. Что имеем де-факто? Система объявленных внешних свобод и запретов отнюдь не обеспечивает ни высокой нравственности, ни личной безопасности, ни истинной свободы (в первую очередь, свободы экономической). Невиданный в новейшей истории человечества разрыв доходов горстки «новых русских» и подавляющей части населения (фактически нищий «народ» неизбежно перерождается в «население»), по сути, непримиримо расколол страну и нацию. За новыми пределами исторической родины невинно прозябают более 20 млн. русских – такого тоже в нашей истории еще не бывало. Наконец, ежегодно нас более миллиона незримо гибнет под сенью зловещего демографического «русского креста»: превышение смертности над рождаемостью. Чем не апокалипсис? А что же отечественная литература? И, ТЕМ БОЛЕЕ – ПОЭЗИЯ НАШИХ ДНЕЙ?!

Об истинной современной русской литературе (даже и не говоря уже о поэзии) к сказанному выше добавлю только: она буквально отсечена от народа книжным бизнесом и средствами массовой информации. МНОГО ЛИ СЛЫШИМ СЕГОДНЯ ПИСАТЕЛЕЙ на ТВ? Ещё более «много» - ПОЭТОВ?

Книжный бизнес и телебизнес усердно работают на всё более господствующую идеологию потребления, изнанкой которой являются культивируемые ею явления: обогащение любой ценой, агрессивность, неудовлетворенность собой и своей социальной ролью, депрессия, эротизация сознания. Перечень феноменов деградации личности можно продолжить до ее уголовного пере-

рождения. А что? Кто ныне «герой нашего времени»? «Благородные» братки из фильма «Бригада» и пр. нечисть телесериалов и фильмов (производных литературного процесса), книжных серий раскрученных авторов, где воры в законе прежних времен (и царских, и советских) и то выглядят этакими принцами крови. Уголовный сленг, уголовная мораль, уголовные принципы типа «не проси, не верь, не бойся» вот-вот станут национальной моралью, а постулат «человек человеку волк» низведет нас до уровня зверства.

Если для кого-то нет пророков в своем отечестве (для пересмешников - говорю о наших классиках), то далеко ходить не надо. Вот вам американец Рэй Бредбери (из «451»по Фаренгейту): «…Содержание фильмов, радиопередач, журналов, книг снизилось до известного стандарта. Этакая универсальная жвачка…Книги уменьшаются в объеме. Сокращенное издание. Пересказ. Экстракт. Не размазывать! Скорее к развязке! Произведения классиков сокращаются до пятнадцатиминутной радиопередачи. Потом еще больше: одна колонка текста, которую можно пробежать за две минуты, потом еще: десять-двадцать строк для энциклопедического словаря…» А далее – мрачная картина общества, где над сознанием господствует материальный комфорт, и как следствие – черствость и пустота бездуховной личности, лишенной памяти прошлого, не знающей цену настоящего и не задумывающейся о будущем. Общества примитивного, пугающего своей стандартностью.

Абсолютно сегодняшняя **наша действительность:** современные медиа-проекты настраивают волны моды на сомнительных, пусть даже и талантливых авторов, но пропагандирующих в душах читателей плевелы своего эго, личного ложного мировоззрения… Рынок не озаботится, каким человечество станет завтра: потребитель просит – рынок дает. И книга становится продуктом широкого потребления – как обувь, одежда, парфюм, пища, бытовая техника… Рекомендуя писателям, навязывая им волю подстраиваться под издательскую индустрию и писать «для народа», тиражируя литературные поделки всех мастей, времен и народов, книжный рынок (точнее, его заправилы) напрямую способствует, если не управляет, низведению интеллекта россиян на все более и более низкие ступени. Их усилиями наиболее читаемые (т.е. наиболее раскрученные) книги, продолжая оставаться главенствующим фактором духовного здоровья нации, сегодня из пастыря и лекаря становятся оборотнями с нечеловеческим оскалом, пусть и красиво упакованными в шикарные суперобложки, глянец и прочие прелести новейших технологий полиграфии.

А ПОЭЗИИ и ВОВСЕ просто и МЕСТА не остаётся, поскольку даже «ПРОДАТЬ РУКОПИСЬ» Поэту сегодня «НЕ МОЖНО»!!! Любую: левую, правую, традиционную, модернистскую… Любую!!!

Но самое страшное, что - с детским читателем, где «кризис чтения» сказывается особенно остро и губительно, а завтра может аукнуться куда более серьезно для общества. Часто в разговорах слышишь, что многие дети перестали читать или читают очень мало. На самом деле дело обстоит несколько иначе: специалисты назвали это сменой «модели чтения детей и подростков». По данным международных исследований, в России происходит резкий процесс «ухудшения детского чтения». Что имеется в виду? «Уходит» литературная преемственность: практически ушла традиция семейного чтения, уменьшилось поколение (число) родителей, передающих свои ценности в области литературы детям (свое отношение к книге, любимым книгам, писателям и литературным героям), а новое поколение родителей уже вошло в период «кризиса чтения» и передает (если и передает) совсем другую картину чтения. В итоге - резко падает качество детского чтения, художественный уровень читаемых книг, доброго воспитательного следа от прочитанного.

При этом накладывается процесс бурного развития информационных каналов (те-

левидения и Интернет, в частности), когда резко встает проблема выбора информации (ведь в сутках те же 24 часа) и сохранения потребительской культуры на эту информацию (в рынке информации и взрослые сегодня вольно и невольно читают, смотрят, слушают далеко не то, что просвещает и одухотворяет). В результате формируется «новая модель» детского чтения.

К счастью, пока для детей и школьников младшего возраста достаточно книг хорошей русской и советской традиции: сказки, познавательная литература. Но в круге чтения большинства подростков уже нет книг, которые в их возрасте читало еще поколение ныне сорокалетних: из него фактически «ушли» даже благородные «классические» герои захватывающих приключенческих книг - Жюль Верна, Джека Лондона, А.К. Дойля, Ф.Купера, А. Дюма, В.Гюго, И.Ефремова и др., не говоря уже о творчестве Диккенса, Достоевского, Чехова, Короленко, Цвейга, Фейхтфагнера…, а тем более, о любимых нами книгах и достойных (из «песни слова не выкинешь»!) героях советского времени. Да что там: боюсь, что наши правнуки в большинстве своём уже и знать перестанут и слухом не услышат, кто такие Чуковский, Маршак, Благинина, Михалков и т.д., какие-такие прекрасные стихи они для них написали!

Сегодня один из опросов русских сельских подростков (каких героев они любят, какие книги читают) показал, что:

- половина подростков героев не имеет;

- другая половина называла литературных героев либо только из школьной программы (к разговору о школьных программах по литературе пригласить бы учителей и преподавателей вузов), либо героев раскрученных книг Марининой, Донцовой и иже с ними, либо героев «телеужастиков», либо вообще не из книг(?).

Кстати, о раскрутке книг для детей. Гарри Поттер стал популярен среди детей во всем мире и, увы, у нас тоже благодаря телевидению и потому, что, повторюсь, в подростковой всемирной литературе, видимо, образовалась пустота. Механизм тот же, что и во «взрослой» - законы книжного бизнеса не в пользу хороших даже популярных «старых» детских писателей, а о новых неизвестных и говорить не приходится. Причем Гарри Поттер – сам по себе далеко не худший вариант: раскручиваются уже авторы, которые в открытую занимаются растлением детской морали и нравственности, шизофренизируют и демонизируют детское сознание, заряжая его энергией зла. Не стану делать таким авторам рекламу, но скажу, что именно книга «Гарри Поттер» пробила в нашем детском чтении и книгоиздании брешь, куда рвется поток психологически, духовно и интеллектуально отравленного псевдолитературного пойла для детей. И только призывами, статьями, словом здесь уже не помочь. Детское печатное Зло вышло с открытым забралом, обнаглело и жирует на бешеные деньги литературных дельцов, калеча наше будущее на корню. Правда, в Государственную Думу РФ внесен законопроект по информационной безопасности детей и подростков. Не будет ли он отклонен, как это случилось недавно с законом о защите государственного русского языка – государственного языка?

Мифический гигантский спрут, утаскивающий корабли на дно Карибского моря, является нам вполне реальным монстром литературного «бермудского треугольника» в лице сегодняшнего российского книжного бизнеса.

Но как не все морские суда исчезают в «проклятом треугольнике», так и не все рукописи горят. К сожалению, известное утверждение Михаила Булгакова излишне категорично трактуется в обиходе: ибо «не горят» только, если хотите, гениальные произведения. Да и то – при счастливых обстоятельствах. Остальные, увы, безжалостно сжигает время в памяти человечества. Но и талантам надо помогать. И здесь пора перейти к вопросу «поэт(писатель) и власть, поэт (писатель) и политика».

3. ПОЭТ (писатель) и Власть, ПОЭТ (писатель) и Политика

«Слово – сила. Увековеченное в письме, оно обретает власть над мыслью и мечтой людей, и границ этой власти нельзя измерить и представить. Слово господствует над временем, пространством»

Ян Парандовский

«Всякий писатель, который становится под партийные знамёна, рано или поздно оказывается перед выбором: либо подчиниться, либо заткнуться»

Джордж Оруэлл

«Писатели всегда что-то делают, даже если они не делают ничего»

Альфредо Конде

«Национальность писателя определяет язык. Язык, на котором он пишет»

Сергей Довлатов

«Писатель всегда будет в оппозиции к политике, пока сама политика будет в оппозиции к культуре»

Михаил Булгаков

Привожу эти цитаты как постулат для краткости полностью разделяемого мною следующего обобщённого мнения:

- писатель всегда находится в определённой оппозиции к власти (режиму) и политике власти (режима), хотя, в принципе, эти два понятия практически неразделимы (всегда, поскольку идеальной власти для культуры и народа в истории человечества как-то не наблюдалось)

- политика (т.е. равнозначно, словесное обслуживание власти) гибельна для свободы творчества (и не только писателя),

- истинно писательский труд по большому счёту нельзя оценивать (измерять и т.п.) экономическим эквивалентом (разве что – продажный результат писательского труда),

- русская литература – литература всех народов России.

Если бы меня спросили, как относятся мои друзья-писатели (именно - друзья) к власти в России начла 90-х прошлого века, то ответил бы не задумываясь: как к оккупационному режиму по отношению к русской литературе (а по-русски тогда говорила с миром литература почти ста национальностей, народов и народностей СССР), к народу России. Сегодня мы тоже в оппозиции, но не к власти, пожалуй, а к политико-экономическо-демографической ситуации, с которой должна теперь справляться нынешняя власть, получившая трагическое наследство от предыдущих властей предержащих: почти утраченный Россией статус великой державы и «горячие точки», бедность подавляющего числа народа и, повторюсь. «русский крест» - катастрофическую убыль населения, в результате которой за последние 15 лет страна потеряла 15 миллионов человек (не считая 20 миллионов русских, в одночасье оказавшихся «за рубежом»).

Последние шаги власти: независимые внешнеполитические инициативы, национальные социальные программы и программы повышения обороноспособности страны, некоторые патриотические начинания в области культуры позволяют хотя бы надеяться на улучшение ситуации. Вот почему я оговорился в отношении направленности сегодняшней писательской оппозиции.

Но – писатели по-прежнему вне государственного внимания. Если бы не власти на местах, то сегодня уже, по-видимому, и говорить о профессиональной русской литературе в России и не пришлось бы, а только о её некоторых удачливых отпрысках заграничной антисоветской закваски (зачастую, почти одно и тоже, что антирусской) и поддержки. Я говорю, в первую очередь, об Орловщине, которая с памятного «восстановительного» выездного Пленума Союза писателей в Орле (1994 г.) олицетворяется и посегодня писателями этого нашего профессионального сообщества с державным отношением к литературе, писательскому труду и лично к писателям. Именно местным орловским властям принадлежат многие инициативы, ставшие воистину спасительными для русских литераторов, предвосхитившими сегодняшние ростки собирания утраченного литературного пространства:

поддержка книгоиздания, творческие писательские стипендии, совместные с Союзом писателей Всероссийские литературные премии, поддержка различных межрегиональных писательских форумов и т.д. При этом должен заметить, – оказывая всестороннюю поддержку современному литературному процессу на месте и во всероссийском масштабе, орловские власти ни разу не выдвинули никаких требований, не оговаривали никаких условий оказания этой поддержки. Сегодня уже такой подход стал нормой отношений «власть и писатель» во многих российских областях, регионах и республиках.

Но, пока нет Закона о профессиональных творческих союзах, взаимоотношения власти и писателя так и будут строиться, исходя из субъективных условий: личностей местного руководства исполнительной и законодательной ветвей власти и руководства Союза писателей России в Москве и на местах.

Но даже в самых идеальных случаях при этом нельзя забывать о приведённой выше мысли Д.Оруэлла.

Ибо Слово ПОЭТА и есть высшая власть.

P.S.

Статья была написана три года назад для выступления на конференции (не помню какой-?), которая состоялась тогда в Госуниверситете. Она вовсе не предназначалась для печати, поскольку, в принципе, не несла ничего нового: всё уже давно было сказано и хорошо известно заинтересованному читателю. Эта публикация – как иллюстрация того состояния литературного процесса, предшествовавшего недавним инициативам Президента РФ В. Путина, предпринятым по результатам его встречи с писателями России (Литературное собрание, ноябрь 2013, Москва).

Прежде всего, хочется заметить, что эта встреча сама по себе знаменательна: думается, что и первые руководители регионов страны не замедлят последовать примеру Президента. Кстати, первым в этом ряду оказался Губернатор Курской области, после встречи которого с курскими писателями в начале 2013 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве исполнительной власти области с писательской организацией.

Среди инициатив Президента РФ поручения Правительству РФ, Администрации президента и МИДу России - организация Фонда поддержки литературы и Года литературы в 2015 г., а также учреждение грантов и организация других видов поддержки отечественной литературы: оживление переводческого дела, продвижение русского языка и языков народов России за рубежом, развитие интереса к чтению и т.д.

В общем, появилась не только надежда, но и определённая уверенность, что период отчуждения государства от русской литературы наконец-то скоро закончится.

7 декабря 2010 – 15 марта 2014

ЕЛЕНА МАШУКОВА

ГДЕ СУМЕРКИ ПАХНУТ МЯТОЙ...

* * *

Я слушаю – ты говоришь,
И кажется – времени много
У нас. Осмелевший стриж
Так низко мелькнул над дорогой,
Над глиной, размытой дождём,
Ногами трава примята.
Мы вместе домой придём,
Где сумерки пахнут мятой…
Кто словари любви
Сжёг и развеял пепел,
Тот и себе не верил,
Когда о любви говорил.

ДЕРЕВНИ

А где-то
за деревьями
цветущими,
дикими –
деревни древние,
деревни тихие
нанизаны на леса-перелески,
деревни – колыбельные песни…

Где, мил-человек, твоя родина?
В деревне, не в городе.

Города ревут.
Но они к городам не ревнуют.
Им своё – то баюкают,
то ведуют…

За какими ветрами,
за какими деревьями,
где, реви - не реви,
настоящие, вы, деревни?
В землю-матушку вросшие,
светлые днём и ночью,
с подсолнухами
вдоль изгородей лубочных,
с королевнами и дураками Иванами,
с бесшабашными пастухами
и плетуханами,
деревни русские,
босые, пряные,
от сеновалов и браги пьяные,
с васильками и василисками
во ржаных полях,
не далёкие, не близкие,
не высокие, не низкие,
с небесами в журавлях…
Разливаются мёды липовые,
ставенки скрипят-поскрипывают,
бурьянами пронзённые,
дряхлеют, корёжатся
деревни тихие
в садах заброшенных….

Где, мил-человек, твоя родина?
В деревне, не в городе.

КРЫЛЬЯ

На снегу, на песке, на доске,
на вуали трёхдневной пыли,
на окошке замёрзшем, в сквер, -
единение полусфер
я тебе нарисую –

крылья –
распахнутые,
чтобы цвели,
поднимали, парили, вели,
реяли,
воздухоплыли,
от темноты укрыли,
от любопытных глаз,
от неискренних фраз,
от грохота города –
до свечения в вышине –
к тишине.
Чтобы в час роковой –
спасли.
Чтобы вместе с тобой –
росли.

* * *

Лето разбито в хлам, в прах:
под сапогами и на зубах –
хрустит песок.
Стучит висок.

Листья простёрла к небу крапива,
а там – огонь.
Трепетна и терпелива
ладонь, просящая
дождя,
пусть моросящего,
капельного пусть –
на удачу, на лёгкий путь –
вослед уходящему
в пекло, в зной,
вступающему в ад земной,
вдыхающему кровавый смрад,
вне времён,
вне наград,
удаляющемуся во свет –
закатный,
откуда многим дороги нет
обратной.

ВЕТЛА

В белом небе синие ветра.
В белом поле чёрная дорога.
На пригорке старая ветла
Показалась странницей убогой.

Оголились руки до локтей,
Растрепались волосы седые.
Уходила будто от людей,
Не принявших истины простые.

В белом поле мёртвая трава
К старице протягивает тени.
Облетят ненужные слова
И погаснут в сумраке метельном.

ПЕРЕКРЁСТОК

Верно, спуталось время - ты сегодня
не спишь...
На каком перекрёстке в темноте
ты стоишь?
И надеешься: где-то над зелёным прудом
Есть просторный и светлый
твой бревенчатый дом.
В нём распахнуты ставни,
есть и лавки, и стол,
Янтарём отливает в тёплой горнице пол.
Рушники. Занавески. А в углу - образа.
Словно век утомился, оглянулся назад.
Сочно падают вишни
сладким жаром в ладонь.
Станет грустно - сыграешь
(есть под лавкой гармонь).
Тени дум не тревожат и на сердце легко;
Если вдруг занеможешь
- грей в печи молоко.

Осыпаются блёстки, обрамляя камыш...
На каком перекрёстке
в темноте ты стоишь?
Может, спутались даты?
Может, жизнь не твоя?
В непостроенной хате не раздуешь огня.

НОТА

Голову наклонив,
слушает рыжий кот,
о чём поёт и поёт
синяя дудочка вазы.
Много тысяч
веков-
который по счёту год ? -

нота звучит.
Нашли её водолазы
где-то на самом дне
воспоминаний и снов,
в белом песке цветов,
таявших здесь когда-то,
до, может быть, и раньше…
Нота звучит, презрев
конкретность жестов и слов,
вне
очертаний и фальши,
раскрывается, как цветок,
вне тональностей,
ритмов,
гамм,
непобедима, как мир,
который она наполняет.
Уносит ветер её к сияющим берегам,
и каждым изгибом волна
её повторяет.

День сегодня такой.
Дождь по жестянке бьёт,
и среди звуков и нот
главную слышно не сразу.
Лужи уже рекой.
Ловит такси пешеход.
Слушает рыжий кот синюю вазу.

ЗИМНИЕ ОКРАИНЫ

Кристально-нордический
окрик окраины ранит.
Под тяжестью инея гнутся,
кряхтя, провода;
И так неожиданны
жаркие вспышки гераней
Сквозь мутную толщу
оконного тёмного льда.

Лилейные дымы,
подобно волшебным растеньям,
Над стылыми крышами вьются,
творя полусвет;
А время крадётся по скользким,
скрипучим ступеням, -
Колючей позёмке
не вытравить угольный след.
Становится зримым,
молочно клубится дыханье.
Старик закурил и глядит
из-под белых ресниц.
И пёс рыжеухий, зевнув,
с упоеньем облаял
Величье холодное высокомерных столиц.

АВТОБУС

В автобусе, заиндевевшем
от лет и странствий,
потемневшем
от ожиданий,
встреч,
разлук,
уставшем от уставших рук,
хватающихся за перила,
от окриков,
надежд,
потерь, -
нет никого.
Открыта дверь.
Мотор урчит нетерпеливо.
Метель бросает снег в салон.
И в темноте протяжный стон
гудка,
и белый пар, как грива,
и матовый из окон свет –
распахнуты сквозные крылья…

Оттуда, где когда-то были,
он увезёт туда, где – нет
разлук, где искренне любили,
где верили и берегли.
О, Боже, что мы натворили! –
Простить друг друга не смогли.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Собака бегала по снегу
И снег ловила языком:
Её восторженному бегу
Характер снежный был знаком.
И восклицательнейшим знаком
Светился столбик фонаря!
Румяный мальчик с аргамаком

Смотрел в окошко января
На то волшебное круженье
Божественного естества,
На бесконечное движенье
От Рождества до Рождества.

Кто в небе крыльями прохлопал
И, разбивая зимний мрак,
Из тучи выдувает хлопья,
К великой радости собак?

ЗИМНИЙ КОСТЁР

Когда на дровах заискрится
Живая, текучая медь –
Прищуриться и сквозь ресницы
На острое пламя смотреть,
На злые, шипящие стрелки
В оправе вечернего льда:
На кобальтовой тарелке
Танцует морская звезда.
Мелькающий, жадный, быстрый
Рассержен осиный рой –
Взметнутся слепящие искры
В туманность за «чёрной дырой»,
В седые, горбатые льдины,
Во тьму, за которой дымы
Неслышно и неотвратимо
Медведем встают на дыбы.

АМНЕЗИЯ

Профессор рад, что дочитал букварь.
рассеянный склероз – диагноз века.
Раскачивает в забытьи февраль
фонарь на улице, над вывеской «Аптека».
Скрипящий маятник, светящийся колпак, -
кивает, но едва ли понимает,
что освещать ему, когда, зачем и как.
Идёт по улице в китайской куртке Гамлет.
Он потерял часы – который век? –
сбивается в начале монолога:
быть или… пусть, не быть и кануть в снег
замёрзшим у аптечного порога…
Но вспомнит всё и будет долго жить.
Ночь кончится, и он проснётся дома.
Его спасёт случайно Дездемона,
которую забыли задушить.

С ГОРЫ

Как радостно с горы катиться,
Разбрызгивать осколки льдин,
Как сладко сердцу колотиться
И замирать на миг в груди!

Слились в потоке декораций,
Мелькают мимо, мимо, вверх
Пеньки, дубки, кусты акаций
И падающий с ёлок снег.

Морозцем обжигает щёки.
Весь из невидимых пружин,
Скользишь, непостижимо лёгкий,
Беспечным счастьем одержим…

Склон дальше повернёт в распадок
По снежным далям колесить,
И бесконечно жаль, что надо
Когда-нибудь затормозить.

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ, г. Воронеж

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛЬ

(Юрий Кузнецов и христианство)

Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.

Юрий Кузнецов

Перед каждым исследователем, который с тревогой всматривается в образ русского человека, разительно изменившийся на протяжении последнего столетия, сегодня с особенной остротой возникает проблема русской духовной преемственности. Так случилось, что художественный и идейный мир стихотворений Юрия Кузнецова оказался той ментальной территорией, где эта проблема рассматривается поэтом с самых разных сторон – без противопоставления прошлого и настоящего, русского и советского, без жёсткого, непримиримого конфликта родового и православного начал.

Творческий путь Кузнецова, в каком-то самом общем смысле, повторяет духовный путь русского народа. Первоначально погружённый в мистическое пространство родовой стихии, с течением времени поэт всей душой воспринял православную картину мира. Однако, как и в народной вере, живое прошлое в его поэзии неразрывно соединялось с трепещущим настоящим, мир славянской природы причудливо сочетался с христианством.

Народный мистицизм в церковной публицистике получил название «двоеверия». В нём содержится определённый элемент духовного осуждения, по бытовому примеру – некая попытка усидеть на двух стульях. Между тем, всякое новое укореняется в нравственном и бытовом укладе лишь тогда, когда оно развивает уже сложившийся распорядок, вычленяет в нём главное, кристаллизует ещё только нарождающееся, освещает реальность и придает ей внутренний импульс к развитию.

Разумеется, прежний уклад в этом контексте не должен быть порочным, по сути – безверным, требующим отречения и покаяния. К слову, именно таким мы представляем римское общество времён его языческого упадка.

Православная вера врастала в славянское миропонимание, отчасти переплеталась с ним и проясняла христианские координаты, в соответствии с которыми русский человек теперь старался жить и верить во Христа и своё Спасение. Очевидно, с теми или иными отличиями, так происходило везде, где была проповедана евангельская Истина. Но на Руси взаимопроникновение христианского и древнеславянского обретало свои пропорции, не похожие ни на что другое. По прошествии веков, таким образом, сложились два взгляда на русскую православную веру.

Один – строгий церковный, догматически правильный и непримиримый к народным приметам, исток которых теряется в глубокой древности. Другой – сугубо народный, бережно сохраняющий осколки мистики архаических времён. Причём сухой церковной «букве» часто сопутствовала «неправильная» христианская доброта простых мирян.

И напротив, жестокие нравы селян порой смиряла истинно апостольская последовательность деревенского батюшки. Здесь важно отметить, что «двоеверные» приметы во всей своей полноте проявляются в существовании «на земле», в городе они угасают, вырождаются и подвергаются самым разным вольным искажениям.

Между тем родовая славянская мистика для русской культуры имеет исключительно важное художественное значение. Не случайно А. Афанасьев назвал древние воззрения славян на природу «поэтическими». Также и всё христианское удивительно преображает русское литературное и фольклорное слово. И потому стоит говорить о «двоеверии» русского народа не как о досадном недостатке, который с веками почему-то не исправляется и не исчезает, но как о корневом народном свойстве. Его стоит изучать, а попутно создавать художественные образы, которые будут утверждать то главное, что способно удержать и укрепить русскую жизнь – её родовое начало. Потому что другого русского народа – «правильного», соответствующего догматическим «прописям», христиански стерильного – у нас нет. А тот, к которому мы принадлежим, обладает рядом особенностей, и они сообщают его облику удивительное обаяние и глубину.

Так художественный мир Юрия Кузнецова оказывается в эпицентре дискуссий о народном русском характере и о духовной принадлежности русского человека.

Известно, что, приступая к созданию поэм о Христе, Кузнецов стремился показать живого Спасителя. В этом намерении нет авторского желания представить Сына Человеческого «плотью и кровью» (к чему тяготеет, скорее, западное католическое сознание) – в противовес Его исключительно книжному облику. Главным в творческой задаче было другое: нарисовать «словесную икону», которая явила бы читателю живой характер Иисуса: Его грусть, смех, жалость, гнев, задумчивость, принадлежность к бытовому человеческому миру и одновременно – высоту Божественного парения над этой обителью страданий и горечи, лжи и минутного торжества.

Поэмы полны скрытых знаков и предзнаменований, смыслы множатся и никогда не превращаются в плоскую дидактику, что так свойственно протестантской литературе. Повествование же отличается определённой русификацией Предания, – она сказывается очень часто в бытовых наблюдениях автора, в движениях характера главного героя, в стиле авторской речи. И здесь строгие евангельские сюжеты отчётливо сближаются с фольклорными русскими духовными стихами.

В евангельских текстах крайне мало знакомых каждому по обыденной жизни мимических и душевно-психологических черт Христа. Погружённый в бытовую среду человеческого существования, Сын Божий, по логике земных событий, должен уставать, радоваться, проявлять нежность, быть молчаливым, шутить, сокрушаться...

Народ восполняет этот информационный пробел в духовных стихах, приближая Бога к каждому маленькому человеку, прекрасно владея чувством меры и не скрадывая дистанцию между погружённым в суету обычным смертным – и Победившим смерть. Небо оказывается рядом с простолюдином, ангел может разговаривать как-то по-житейски, демоны являют свою злобу в узнаваемых земных формах, предметы полны скрытых до времени значений. И всё это связано воедино лиризмом повествования, разговорностью ритма и, практически, полным отсутствием высокопарности.

В такую христианскую канву вплетается таинственный мир старой славянской мистики, которая связана с природными явлениями и прежним укладом, на протяжении веков сохранявшим связь человека с землёй, водой, огнём и воздухом. Однако это причудливое духовное соединение родового и христианского лишено всякого упоминания о старом языческом пантеоне славянских богов. Удивительным образом народное сознание переустроило образ Вселенной, срастив органическое присутствие человека в мире с нравственной иерархией бытия.

Сегодня, говоря о народной вере и Православии, необходимо ценить их взаимное

присутствие в русском ментальном пространстве.

Приближаясь к земле, всё небесное испытывает её тягу, появляются тонкие корневые нити, которые нельзя предусмотреть заранее. В свою очередь, всё земное, устремляясь к небу, освобождается от второстепенного – в самом последнем, апокалипсическом смысле такого определения. Это напоминает контур рождественской ели: нижние ветви стелются по земле, растут по-над почвой, а вершина, будто стрела, оттолкнувшись от земли, смотрит в небо. Подобный образ похож на русское родовое древо, к которому привито Православие.

Юрий Кузнецов первым осознал смысловую широту и художественное богатство целостного восприятия славянской традиции и христианской веры. Ещё звучат запальчивые обвинения поэта в кощунстве, в нарушении «буквы» Предания. Однако с каждым годом читатель всё более понимает: трагическая сложность русской жизни, загадочный космос русской мистики, простота и искренность русской православной веры – были поняты и художественно воссозданы Кузнецовым как никем другим в отечественной литературе.

Русское бытие в его безбрежности и русский характер в его теплоте, удали и стоицизме – вот два важнейших вектора поэзии Юрия Кузнецова и одновременно – никем и никогда не отменяемая задача нашей великой литературы: вчера, сегодня и завтра.

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ И ЕГО КНИГА ОБ ОРЛЕ

Его имя – в ряду летописцев старинного русского города Орла. Он ушёл из жизни в 37 лет, многого из задуманного ещё не написав, не успев сделать… Но даже то, что оставил Сергей Беляков людям, - очень ценное наследие, о котором мы не должны забывать.

Сергей Лукич Беляков родился в Орле в 1908 году. В 1925 году окончил школу-девятилетку № 8 (здание школы находилось в районе современного «Трансагентства» у Красного моста). Воспитанный уже в духе комсомольской активности и боевитости, он «пришёлся ко двору» в губернской газете «Орловская правда», где как раз требовались молодые беспокойные репортёры. Писал статьи, очерки и репортажи. Журналисты тогда были не просто фиксаторы событий, они непременно хотели находиться в центре событий, на переднем крае. 26 августа 1929 года в «Орловской правде» было напечатано открытое письмо «В ответ на провокацию китайской военщины – вступаем добровольцами в Красную Армию»:

«Молодежь, работающая в редакции газеты «Орловская правда», глубоко возмущена дерзким налётом китайских бандитов на нашу границу. Этот налёт – звено в большой цепи международных интриг и желаний империалистов задушить Союз Советских Социалистических республик. В ответ на бандитский налет, в ответ на убийство наших братьев – защитников СССР, в ответ на наглую провокацию китайской военщины и в ответ на всё усиливающуюся опасность войны – мы вступаем добровольцами в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Мы просим командование Орловской Краснознаменной дивизии зачислить нас добровольцами, в случае войны с Китаем, в ряды красных бойцов. Мы обещаем по первому зову партии и Советского правительства сменить перо на винтовку и стать в передовые колонны защитников пролетарского отечества.

С. Беляков, М. Воронович, Г. Евсеев, М. Киреев, А. Лунин, А. Мищенко, Р. Черняк, Л. Чудаков».

Однако вместо службы в армии Сергею Белякову предстояло покинуть родной город совсем по другим причинам. В Орле начинались мощные кадровые чистки по печально известному «Орловскому делу» конца 1929 – начала 1930 года. Под прицелом оказалась и редакция «Орловской правды» - партийное руководство особо боялось крамолы в журналистской среде, начались частые смены редакторов и других сотрудников. А у Сергея как раз тогда появилась возможность попробовать себя в журналистском деле на Севере…

С начала 1930-х годов он работал в архангельских и вологодских газетах. В Архангельске трудился в редакции в одно время с тогда ещё не очень широко известным писателем Аркадием Гайдаром. Суровые условия Севера, судьбы людей, живущих здесь, рождали новые и новые творческие замыслы, тем более что Беляков в совершенно незнакомом крае показал себя очень способным журналистом. Уже в 23 года он издал свою первую книгу «Лес идёт…»[1] (1931),

[1] *Беляков С. Лес идёт… Очерки. – Архангельск: ОГИЗ РСФСР – Северное краевое издательство, 1931. – 72 с.*

затем были «Лесная хозрасчётная»[2] (1932), «Святой Фока» и «Челюскин»[3] (1934).

Сергей Беляков не привык подолгу оставаться на одном месте. Летом 1934 года, когда была образована Курская область, приехал в Курск, ближе к родным местам (Орёл тогда входил в состав Курской области). Работал в областной комсомольской газете «Молодая гвардия», но писал не только газетные материалы. В первом выпуске литературного альманаха «Утро» (Курск, 1935) был напечатан рассказ Сергея Белякова «Сын»[4] - житейская история «отцов и детей» начала 1930-х годов (любопытно, что в конце рассказа был указан адрес: «город Орёл»). Во втором выпуске альманаха «Утро» (Курск, 1936) был рассказ Белякова «Музыкант»…

Журналист Михаил Шибалис вспоминал о совместной работе в «Молодой гвардии»: «Серёжа был старше и опытнее, успел поработать в газетах на Севере, писал интересные очерки и рассказы. Несколько месяцев мы квартировали у одной хозяйки. Жили, что называется, душа в душу. И работали в одном кабинете. Я учился у него взвешивать каждое слово. Стилист он был отменный. Не любил Сергей всякие кампании, агитки, скоротечные поделки. Упорно отстаивал своё право писать не спеша, описывать людей, а не мероприятия. Ему прощали это, так как любили его мягкий характер, добрую усмешку. Люди, их труд, их судьбы – о них писал тепло и вдумчиво»[5].

С симпатией относился к Белякову и редактор «Молодой гвардии» Алексей Ильич Овсянников. Когда его «перебросили» на аналогичную должность в ярославскую молодёжную газету, позвал с собой Сергея. В 1938 году Беляков вернулся в Орёл (в сентябре 1937 года была создана Орловская область, соответственно в Орле появилось много вакансий для творческих людей: расширились штаты «Орловской правды», были организованы новые газеты, книжное издательство и т.д.). Сергей Лукич работал инспектором в областном отделе по делам искусств (аналог современного управления культуры), напечатал новеллу «Беломорская девушка» и рассказ «Однажды в полёте» в сборнике «Юность» (Орёл, 1938).

С первых дней в Орле он увлечённо собирал сведения об истории города. Михаил Шибалис вспоминал: «В летние воскресные дни мы с Сергеем Беляковым любили побродить в тех местах, где, как считают орловцы, находилось описанное Тургеневым «Дворянское гнездо», посидеть на высокой круче, поднимающейся над Орликом. Напротив, через речку, неожиданно для себя обнаружили окраинную улочку с любопытным названием – Новый Вавилон. «Дворянское гнездо» и Новый Вавилон – удивительное соседство! Иногда, завидев возле тургеневского музея согбенную старушку в чёрном салопе, Сергей восклицал: «Как она состарилась, Лиза Калитина!»[6].

Однажды Беляков зашёл на Речной переулок в дом печатника типографии Фёдора Студенникова, который снабдил молодого краеведа книгами Г.М. Пясецкого, А.Н. Шульгина, П.С. Ткачевского, И.И. Лебедева. Несколько десятилетий спустя Фёдор Михайлович расскажет об этом орловскому писателю В.М. Катанову и покажет книгу самого Белякова с дарственной надписью: «Спасибо за книги». А пока новая история Орла была только в замыслах. Он щедро делился планами с друзьями, рассказывал им о знаменитых земляках – Тургеневе, Грановском, Лескове, Андрееве, о Владимире Русанове, об Иосифе Дубровинском. Несколько раз бывал с орловскими газетчиками в Спасском-Лутовинове, сидели у тургеневского дуба, в рудинской беседке…

Сергей Лукич жил тогда на Монастырке, его путь с работы домой лежал по маршруту: мост через Орлик, Ленинская улица, улица Максима Горького… С каждым днём узнавал всё больше и больше о каждой улице и переулке, о старинных домах и скверах. Ещё совсем недавно об Орле и его прошлом пресса писала в основном в мрачных кра-

[2] *Беляков С. Лесная хозрасчётная. Очерки. – Архангельск: Северное краевое издательство, 1932. – 24 с.*

[3] *Беляков С. «Святой Фока» и «Челюскин»: Рассказ о трагедии и триумфе. – Архангельск: Севкрайгиз, 1934. – 69 с.*

[4] *Беляков С. Сын // Утро. Вып. 1. – Курск, 1935. – С. 91 – 96.*

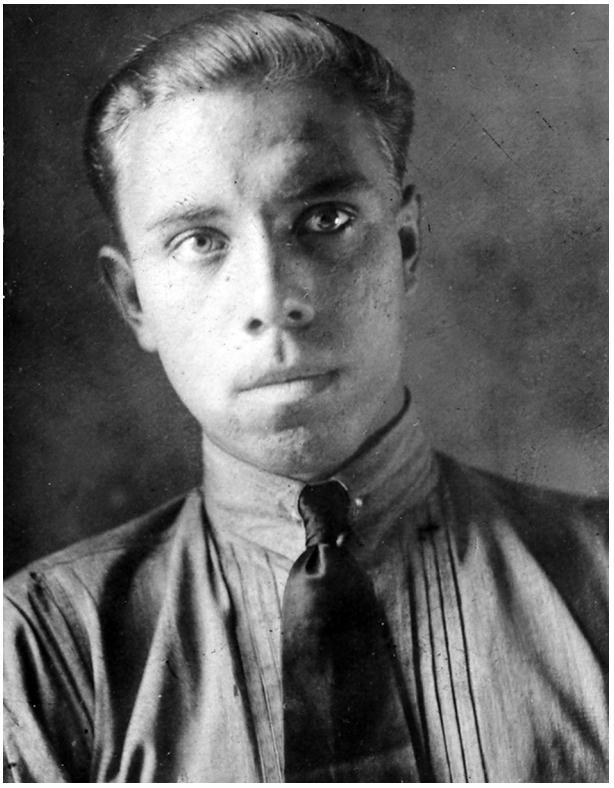
[5] *Шибалис М. Такие нам выпали годы: Записки журналиста. – Минск: Беларусь, 1979. – С. 22; Шибалис М. Нет, не сдаём мы молодость в архив // Орловская правда, 2005, 5 мая.*

[6] *Шибалис М. Такие нам выпали годы… – С. 40.*

ских: мол, обветшалый город дворян, купцов и чиновников. Молодёжь настойчиво звали уезжать на большие стройки, идти служить в авиацию, на границу, на море, работать на индустриальных гигантах. В журнале ЦЧО «Работа Советов» некий автор, укрывшийся за псевдонимом Чернозёмный, весьма живописно давал портрет Орла: «Отсутствие канализации, водопровод, подающий воду только в центральные районы, баня с ничтожной пропускной способностью, незамощённые улицы, отсутствие зелёных насаждений и тротуаров в тех районах, где ютилась городская беднота, - вот наследие дореволюционного прошлого <…> Для освещения квартир электроэнергия подаётся с большими перебоями <…> Трамвайное движение страдает от недостатка вагонов и частых аварий. Рабочий городок (б. монастырь) до сих пор не связан трамвайным сообщением с центром, хотя ещё бывш. городская управа туда проложила трамвайную линию. Однако за 14 лет революции никто не позаботился восстановить её и дать возможность рабочему шире пользоваться культурными учреждениями в центральной части города»[7].

Может быть, останься Беляков в 1929 году в Орле, его взгляд на родной город был бы схож с общепринятым. Но вернувшийся на родину журналист уже многое повидал, было с чем сравнить. Да и Орёл в это время (после создания области) стремительно благоустраивался. В декабре 1937 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР «вынесли» (термин того времени. – А.К.) специальное постановление о развитии жилищно-коммунального и культурного строительства в Орле, отпустив для этой цели немалые средства[8].

Размышляя о прошлом, видя, как обновляется старинный Орёл, Сергей Беляков взялся писать книгу об истории города. К тому времени он перешёл на работу во вновь организованное областное книжное издательство, где был с самого начала сформирован план серии книг о новой области.



Сергей Беляков. Фото 1930-х гг.

Цель была понятна – познакомить читателя с городами, которые прежде относились к совершенно разным областям: Западной, Курской, Воронежской. Первыми вышли книги о Брянске, Ельце, Дятькове, Клинцах. Видимо, такая инициатива была редкостью для региональных издательств СССР. На почин орловцев обратил внимание Константин Паустовский в своей статье в газете «Правда». Рецензия называлась «Патриоты своего города». Паустовский писал: «Уже давно в писательских кругах шли разговоры о «биографиях городов», о создании серий увлекательных монографий, посвящённых городам Советского Союза, их прошлому, их росту и нынешнему расцвету, их людям и нравам». Паустовский довольно строго оценил сделанное в Орле и подытожил: «Передать облик города, его своеобразие, его пейзаж, описать его как нечто органически целое, а не как смесь разнородных фактов, и притом описать его так, чтобы вызвать у читателей желание увидеть и изучить этот город, - задача чрезвычайно сложная и благодарная.

[7] *Чернозёмный. В Орле необходим решительный поворот к городскому хозяйству // Работа Советов (Воронеж). – 1931. - № 19. – С. 43 – 44.*

[8] *Беляков С. Орёл. Рассказ о нашем городе. – Орёл: Издательство Обкома ВКП(б) и Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР. – С. 86.*

К сожалению, у нас почти нет таких книг.

Почин орловцев должен послужить началом ряда работ об отдельных уголках нашей родины. Мы вправе требовать от работ такого рода художественности, полноты и свежести»[9].

Можно представить, как в орловском книжном издательстве (оно открылось на улице Сакко и Ванцетти в здании, которое ныне располагается напротив администрации Заводского района) перечитывали этот отзыв в «Правде», как обсуждали его молодые писатели Сергей Беляков (он работал в издательстве техническим редакторам, делал макеты книг, размечал шрифты, иллюстрации), Василий Петрищев, Николай Поваляев, Михаил Братищев. Наверное, спорили, искали аргументы, думали о будущих книгах… Конечно, и прежде Беляков видел недостатки своих предшественников, рукопись его книги была уже явно богаче красками и яркими фактами. Но, увы, после столь полезных подсказок Паустовского не было возможности доработать текст – его уже сдали в типографию.

Книга об Орле вышла в свет весной 1939 года. Её иллюстрировал давний однокашник автора по «Орловской правде» московский художник Алексей Мищенко. Орловский читатель, не избалованный литературой подобного рода, выходил из книжного магазина с заветной новинкой и вчитывался в пахнущие типографской краской строки:

«Город родился в глухой древности. Он пережил уже несколько веков, памятных великими бедствиями и гонениями. Его разоряли татарские орды, польские банды, громили царские опричники, давили железной пятой самодержцы, дворяне, капиталисты, чиновники, купцы. Его жизнь в прошлом была худосочна, немощна и бедна. Только советская власть помогла ему отряхнуть с себя всё старое, гнетущее, мешающее расти и развиваться. Только в наши дни, в великую ленинско-сталинскую эпоху, началась его полнокровная, цветущая молодость»[10].

Беляков, словно по залам музея, вёл читателя по основным этапам развития города, по его драматическим событиям. Современному читателю бросается в глаза стремление автора показать героические моменты в летописи Орла: он смело переходит от подвига Дмитрия Пожарского к жизнеописанию революционера Иосифа Дубровинского. Книга полна духа борьбы с царизмом, с эксплуататорами простого народа, борьбы с белой гвардией, которая мечтала покончить с советской властью (главу седьмую о гражданской войне автор назвал «Война отечественная» (!)). Вот, к примеру, как гротескно описывал автор события осени 1919 года, когда 11-летним мальчонком сам был свидетелем кратковременной оккупации города Орла деникинцами: «В первом номере «Орловского вестника» белогвардейские приспешники попытались было снова поднять трескотню о «скором» и «славном» взятии Москвы.

- На Москву! На Москву! – вопили они в каждом заголовке, в каждой статейке и попали в ещё больший конфуз, так как за четыре дня деникинцы смогли продвинуться к ней от Орла всего на четыре километра.

Говорят, в тот день пьяный комендант города ворвался в редакцию храброго «Вестника», которая помещалась в доме Домогатского на Болховской, разметал гранки новой стряпни о скорой победе над Москвой, изругал на чём свет стоит перепуганного редактора господина Абросимова и приказал прекратить неуместную брехню о Москве, дело с которой явно не клеилось.

На следующий день в «Орловском вестнике» уже не было ни одной строчки о «победоносном» продвижении вперед «доблестной добрармии». В газетке подобострастно рассказывалось об обедах и ужинах в честь господ офицеров, о назначении нового губернатора и благодарственных молебствиях по поводу освобождения Орла от «большевистского ига». На этом и закончилась деятельность редактора Абросимова и его соратников по вранью»[11].

Контрастом на фоне дореволюционной истории города – история советская. Город предстаёт перед читателем «Орла» в обилии зелени, скверов, мест отдыха для трудящегося человека. Отдельная глава о том, что сделано для детей – их воспита-

[9] *Паустовский К. Патриоты своего города // Правда, 1938, 23 окт.*

[10] *Беляков С. Орёл… - С. 128.*

[11] *Беляков С. В те дни // Разгром белых под Орлом. – Орел, 1939. - С. 162.*

ния, развития, здоровья. Прекрасно понимая, в чём залог будущего развития Орла, Беляков сочинил настоящий гимн индустрии: «Советский завод – это не только предприятие, выполняющее определённую программу, выпускающее определённую продукцию. Советский завод растит и воспитывает людей, он связан прочными узами с их жизнью»[12]. Как о любимом детище он писал о новом рабочем клубе (это здание на Московской улице сохранилось до наших дней, но, похоже, в комплексе построек завода «Текмаш» оно давно уже никак не используется): «Клуб завода [№ 9] – один из лучших в городе. Он выстроен в 1938 году. В нём имеется зрительный зал на 800 мест, по-театральному оборудованная сцена, фойе, комнаты отдыха, комнаты для самодеятельных кружков. Нижний этаж клуба отведён для рабочей столовой. Две заводские библиотеки – технической, художественной и общественно-политической литературы – насчитывают сотни читателей»[13].

Это описание заводского клуба – прелюдия к главе «В городе новой эры» о том, каким, по мнению автора книги, должен стать облик Орла уже через несколько лет: «Будущее Орла ясно и определённо. 1938 год войдёт в его историю как год, в который была начата его коренная реконструкция. В последующие годы этой реконструкции он станет совершенно неузнаваемым. Значительно увеличится его территория, появятся новые улицы и площади с новыми многоэтажными красивыми домами, парки и сады, магистрали, мосты через реки, промышленные и коммунальные предприятия, культурные и бытовые учреждения»[14]. В частности, намечалось построить Дом Советов, новое здание областного театра, гостиницу, Дом Красной Армии, Дом печати. «В юго-западной части, в районе так называемого «Дворянского гнезда» возникнет прекрасно оборудованный парк культуры и отдыха со стадионом и различными увеселительными и спортивными сооружениями. С площади Карла Маркса снесут здание бывшей городской думы и индустриального техникума (здание бывшей гимназии. – А.К.)»[15]. «Все основные работы по реконструкции города будут осуществлены в самое ближайшее время»[16]. «Полностью будут заасфальтированы Ленинская, Московская, Комсомольская и частично Октябрьская, Тургенева, ул. Горького и Покровского (ныне улица Салтыкова-Щедрина. – А.К.)»[17]. Впрочем, довольно цитат, как бы они ни были содержательны. Давно уже пора вернуть широкому читателю это издание, которое сегодня можно найти только в фундаментальных библиотеках. Переиздать текст, снабдив его фотографиями довоенного Орла, очерком об авторе, добротными комментариями современных краеведов…

Весной 1939 года автор книги об Орле моментально стал местной знаменитостью. Идея издать именно такой труд была попаданием в тематическую десятку. После того, как Орёл на протяжении десятка лет был на положении райцентра, после голода 1933 года и репрессий 1937 года необычайно велика была в душах людей надежда на то, что очень скоро жизнь наладится, город снова станет большим, развивающимся, современным, о нём заговорят в разных уголках страны. А чисто литературные недостатки книги… Кто обращал внимание на них? Ведь даже редактором «Орла» был Валентин Хействер – далеко не писатель, а такой же брат-газетчик…

Книга Сергея Белякова была замечена не только в Орле, но и в Москве. Рецензию на неё написал Андрей Платонов (правда, в силу разных причин свои рецензии в те годы он подписывал псевдонимом «Ф. Человеков»). Критик был жёсток в оценках. Чтобы не пересказывать их, приведём ряд выдержек из рецензии, опубликованной в журнале «Литературное обозрение» в июле 1939 года.

Итак, Платонов писал: «Излагать историю тем способом, каким здесь пользуется автор, нельзя. Если же автор думает, что он занимается художественной литературой, то он ошибается: это не художественная литература, а профанация её; во всяком случае, художественные подробности о том,

12 *Беляков. Орёл… - С. 84.*
13 *Там же. С. 85.*
14 *Там же. С. 125.*
15 *Там же. С. 125.*
16 *Там же. С. 127.*
17 *Там же. С. 128.*

что Вятко более полтысячи лет назад вышел именно на эту лосевую тропинку, что на нём была изодранная одежда, что октябрь месяц 1564 года (на самом деле Орёл был основан в 1566 году, но это было доказано только в 1960-е годы. – А.К.) был как раз погожим («позднее солнце взошло над лесом»), и тому подобные беллетристические конкретности не ощущаются как художественная проза. Это ощущается как смешное усилие автора писать обязательно красиво, это – жеманство и юмористика, а не художественная литература»[18].

«Автор впадает в дурную прелесть хороших слов»[19]. «Хорошо, но слишком скупо изложена история жизни знаменитых орловцев – большевика Иосифа Дубровинского и геолога-исследователя Владимира Русанова, погибшего в Арктике. Но относительно сильнейшая глава в книге – шестая: «В застенках мёртвого дома», где описывается «опорный», «образцовый» орловский каторжный централ»[20]. «Подробно и достаточно конкретно излагает автор историю города во время гражданской войны, когда под стенами Орла решалась во многом судьба пролетарской революции. Особенно хороша глава, посвящённая Медведеву, организовавшему в Орле первый рабочий полк, рабочему человеку, который был одним из первых и храбрейших красноармейских командиров»[21].

Андрей Платонов подводил итог разбору нового издания: «Книги, подобные книге С. Белякова об Орле, чрезвычайно полезны и необходимы. Они, даже будучи не вполне хорошо написаны, всё же увеличивают чувство патриотизма у читателей и дают ему новые конкретные знания о своей стране. Написание и опубликование книг о наших городах, больших и малых, надо всемерно поощрять и приветствовать. Нужно только, чтобы такие книги писались и издавались более талантливо и более культурно»[22].

Заметим сразу, что нелицеприятная критика со стороны Андрея Платонова не была тогда редкостью, под её прицел попадали многие и многие. Если пролистать подшивки «Литературного обозрения» за предвоенные годы, то можно увидеть разгромные рецензии Платонова по поводу романа Ф. Панфёрова «Творчество», повести К. Горбунова «Семья», книги Е. Фёдорова «Шадринский гусь», романа Л. Соловьёва «Высокое давление» и т.д. Высоко отозвался Платонов, пожалуй, только о двух книгах того времени – рассказах А. Грина и повести Ю. Крымова «Танкер «Дербент». И ещё заметим: все те недочёты, о которых говорил Платонов, в современной российской исторической литературе повторяются многократно, похоже, ныне на них не обращают уже внимания…

Глава, которая так приглянулась А. Платонову, была затем опубликована в сборнике «Разгром белых под Орлом» (1939) – «В те дни»[23]. Большой очерк написан очень смело и ярко, с размахом, явно превосходившим «юбилейный» характер публикации. Повторен он был и в первом орловском военном сборнике времён Великой Отечественной, правда, заголовок был дан звонче – «Героические дни»[24] (книга была подписана в печать 19 июля 1941 года).

Нет сомнений, что замечания и Паустовского, и Платонова были бы учтены Сергеем Беляковым при работе над вторым и последующими изданиями книги об Орле. Наверное, со временем сложился бы полновесный текст об истории города, с подробным рассказом о многих и многих событиях, людях. Но этого времени у автора уже не было. До войны он успел поучаствовать только в подготовке сборника, посвящённого 75-летию брянского комбината «Красный профинтерн» («Гигант индустрии социализма», Орёл, 1940)…

Снова вернёмся к воспоминаниям Михаила Шибалиса: «Первые дни войны. Вместе с Сергеем Беляковым каждый день ходим в облвоенкомат, присутствуем при отправлении частей на фронт, пишем короткие репортажи. Прощаясь со мной, Сергей расстроен: «Коммунистов берут на фронт, а меня,

18 *Человеков Ф. «Орёл» // Литературное обозрение. – 1939. - № 13 (5 июля). – С. 15 – 16.*
19 *Там же. С. 16.*
20 *Там же. С. 16.*
21 *Там же. С. 17.*
22 *Там же. С. 17.*
23 *Беляков С. В те дни // Разгром белых под Орлом. – Орёл: Издательство обкома ВКП(б) и Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР, 1939. - С. 147 – 163.*
24 *Беляков С. Героические дни // За родину: Статьи и очерки. – Орёл: Издательство областного Совета депутатов трудящихся, 1941. – С. 45 – 66.*

беспартийного, нет…» Заветная мысль: попасть на фронт»[25].

Сергей Беляков рвался на фронт, но его не призывали. И тогда он отправился туда… с командировочным удостоверением редакции «Орловской правды», тем более, что с августа 1941 года линия боёв пролегла уже по территории Орловской области. Сергей был вместе с бойцами в окопах и землянках Брянского фронта, опубликовал в «Орловской правде» серию очерков «Рассказы о героях». Вернувшись в Орел, он работал в редакции до того момента, когда фашистские танки загрохотали на улицах города. Уходил на восток уже под вражеским огнём.

«Орловская правда» эвакуировалась в Елец, редакция буквально через день начала здесь выпуск газеты. Михаил Шибалис, работавший сотрудником фронтовой газеты «На разгром врага» (редакция располагалась также в Ельце), помог Белякову перейти на работу в газету 13-й армии «Сын Родины» - первый состав редакции почти полностью погиб в октябрьском окружении. В армейской газете оказалось много друзей по Курску: «Михаил Кочевой, Абрам Ришин, Сергей Петров, Анатолий Мерман встречают Белякова шумно и радостно. Вышли из окружения и вливаются в армейскую редакцию московские поэты Михаил Луконин и Сергей Наровчатов. Беляков в шинели и шапке выглядит бодрым, посвежевшим»[26].

Боевые позиции частей 13-й армии располагались на юго-востоке современной Орловской области. Сергей Беляков хорошо знал эти места в районе Ливен. Орловский летописец, теперь он стал и фронтовым журналистом: уже не по старым книгам и не по архивным документам, а по горячим следам писал героическую историю родного края. Михаил Шибалис вспоминал: «При всей мягкости своего характера и даже некоторой инертности – может быть, это только казалось, – Сергей оставлял впечатление боевого военного корреспондента. Война выявила и заострила его неброское, но основательное мужество. И был он счастлив, как никогда раньше»[27].

[25] *Шибалис М. Такие нам выпали годы... – С. 42; Шибалис М. Нет, не сдаём мы молодость в архив // Орловская правда, 2005, 5 мая.*
[26] *Шибалис М. Такие нам выпали годы… – С. 64.*
[27] *Там же.*

В январе 1943 года отважный журналист был награждён медалью «За боевые заслуги». В наградном листе указывалось, что Беляков «проявил себя как энергичный, инициативный и не боящийся трудностей военный корреспондент <…> 4 мая 1942 года в районе деревни Шиловка тов. Беляков работал среди бойцов 498-го полка 132-й стрелковой дивизии во время огневых налётов вражеской артиллерии. 28 июня с.г. [1942] в условиях напряжённых боёв и отражения танковых атак противника тов. Беляков организовал материалы о мужестве и героизме наших бойцов. Благодаря его быстрой и полной информации бойцы и командиры 13-й армии своевременно узнали о героических подвигах истребителей танков – Инзбурга, Дугова и Медведева. 30 июня тов. Беляков лично принимал участие в обороне села Н. Ольшанец вместе с работниками штаба и политотдела 15-й дивизии, а затем с группой работников ПОАРМа [политотдела армии] и политотдела 15-й дивизии приводил в боевой порядок наши подразделения, отходящие под натиском превосходящих сил врага»[28]

Рассказывая в армейской газете о боях, Беляков находил время для того, чтобы подготовить материал о красноармейцах-героях и для читателей «Орловской правды». В беглых зарисовках под общим заголовком «Освободители»[29], опубликованных в областной газете, он рассказал о трагедии в деревне Фёдоровка: «Солдаты врывались в хаты, вытаскивали оттуда женщин, стариков, детей и загоняли их в комендатуру. Скоро дом был до отказа забит перепуганными людьми. Те, кому удалось ускользнуть от облавы, видели, как немцы заколотили двери и окна толстыми досками, обложили дом соломой и облили керосином. И те, кто видел эти приготовления, и те, кто был загнан в дом, поняли, какое жуткое злодеяние готовили немцы. Деревня огласилась воплями женщин, проклятиями стариков, плачем детей».

Спасли людей от неминуемой смерти ворвавшиеся в село красноармейцы. И здесь автор не пытался составить какое-либо

[28] *ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 462. htth://www podvignaroda.ru/?n=150249967.*
[29] *Орловская правда, 1943, 6 марта.*

«художественное» описание этой запомнившейся навсегда встречи, не пытался говорить так, как говорил когда-то о войне гражданской на Орловской земле. Теперь Сергей Беляков сказал просто, как очевидец события: «Никакими словами не расскажешь, никакими красками не изобразишь того ликования, с каким освобождённые от смерти люди встретили своих спасителей».

Вторая зарисовка - о том, как немцы гнали из села Набережное в рабство около ста русских девушек и молодых женщин. Наступающие наши бойцы услышали женский плач и решительно рванулись вперёд: «Немецкие автоматчики бросились наутёк, но ни один из них не ушёл от расплаты. Радостные крики огласили дорогу, по которой уже никогда больше не пройдут немецкие палачи». Никаких «красивостей», хотя, казалось бы, сцена былинная (освобождение полонянок, разгром нечисти). Беляков теперь писал по-другому, его литературным критиком стала сама Жизнь.

Он писал в «Орловской правде»: «Мы идём вперёд, и тысячи советских людей, освобождённых от немецкого рабства, встречают радостно доблестных красных воинов». На том самом здании, фото которого украсило обложку книгу Сергея Белякова об Орле, 5 августа 1943 года был поднят флаг освобождения.

Военный журналист прошагал сотни километров фронтовых дорог. Он был неутомимым летописцем подвига – сначала литературным сотрудником армейской редакции, затем занял должность «писателя» (была такая в газетах военной поры), ответственного секретаря. В наградном листе, представлявшем его к ордену Красной Звезды (награду вручили в ноябре 1943-го), отмечалось: «Честно и добросовестно выполняет служебный долг. Свой опыт газетной работы тов. Беляков отдаёт газете. Всемерно трудится над улучшением её оформления и содержания»[30].

В феврале 1945 года Сергей Беляков окончил в Москве курсы Главного политуправления Красной Армии и получил назначение в редакцию газеты 3-й гвардейской армии. Известный поэт и редактор, брянский уроженец Николай Грибачёв вспоминал: «Сергей Беляков прибыл к нам в редакцию газеты «Боевой товарищ» в марте 1945 года… Пробыл он в редакции около недели, всем очень понравился – хороший товарищ, мягкий, раздумчивый человек»[31]. Грибачёв с Сергеем Беляковым и писателем Никитой Шумило отправились в полк, штаб которого располагался на берегу реки Одер, в помещичьем имении в деревне Цюхен. Неожиданно немецкие самоходные орудия открыли шквальный огонь по усадьбе. Сергей Беляков был ранен в голову и грудь и вскоре умер. Множественные ранения получил Никита Шумило.

В редакции, как вспоминал Грибачёв, все очень тяжело переживали смерть Белякова, вспоминали его как чудесного товарища и человека. Посмертно он был награждён орденом Отечественной войны первой степени[32].

Сергей Беляков погиб в расцвете лет и творческих сил, погиб вдали от родины. Он даже не мог представить себе, каким станет родной Орёл после войны. Как, к примеру, пленные немцы перестраивают запланированное было к сносу здание гордумы под областной театр. Как встают из руин улицы, воздвигаются памятники, растут новые заводские корпуса…

За послевоенные годы в Орле изданы десятки и сотни книг об истории города. Их авторы очень часто вспоминают Сергея Белякова и его труд. Книга «Орёл: Рассказ о нашем городе» стала первой ласточкой после полного разгрома краеведения в 1930-е годы, но она была и последней «мирной песней» накануне мировой войны. Скромный и чуждый всякой рисовки Сергей Беляков в эту короткую пору успел сказать искреннее слово любви к малой родине. В честь орловского летописца названа улица в Северном районе города, его имя – на мемориальной доске в Доме печати, где перечислены фамилии журналистов, погибших в годы Великой Отечественной войны.

---

30 *ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 2210. htth://www podvignaroda.ru/?n=4627302.*

31 *Грибачёв Н. Около четырёх часов дня… // В редакцию не вернулся… - М.: Политиздат, 1964. – С. 413 – 415.*

32 *ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Ед. хр. 727. htth://www podvignaroda.ru/?n=41434337.*

ЮРИЙ АСМОЛОВ, г. Курск

Родился я в Курске, но до самой школы жил в Молотычах – с бабушкой Наташей и дедушкой Сашей. Жил, как в сказке: окружённый заботой и любовью. Со мной, как с игрушкой, возились тёти и дядя, которые не очень-то были старше меня. Ещё в нашей избушке счастливо жило множество кошек, а ближе к весне подселялись к нам и гусята, и цыплята, и ягнята, и телёнок… С ними – носастыми-ушастыми, писклявыми, смешными – игрался уже я…

Село Молотычи! – полевое, забытое и Богом, и властями, оно в дальнейшем превратилось в столицу моих воспоминаний и стихотворений. Такой столицей могло бы стать село Миленино – родина моей матушки, но дедушка, Василий Емельянов, не вернулся с Мировой Войны, а бабушку Полю до моего рождения свела в могилу чахотка… И Курск мог бы стать такой столицей. Но – не стал.

… Помню: в село приехали родители – забрать меня к себе, в город, где они, наконец-то, получили отдельную комнатушку. Когда же «осчастливили» меня этой новостью, я «бросился в бега». Искали меня долго, потом долго уговаривали, умоляли и умасливали. В конце концов, каким-то обманом уломали и увезли…

В городе мы жили на самой окраине, недалеко от окружной дороги. За этой магистралью (Москва – Симферополь) каждую весну ставили свои шатры цыгане. Когда они устраивали стирку, то весь берег Сейма и весь прибрежный луг расцветали красными розами их платков, юбок, покрывал и ковров. Иногда под вечер цыгане с песнями и плясками проходили по нашей улице, останавливаясь во дворах и устраивая зажигательные концерты. Огромное серебряное блюдо, с которым, танцуя, подплывала к благодарным слушателям смазливая цыганочка, быстро покрывалось звонкими монетами…

И мои родители любили и ждали эти праздники. Но вдруг стал я замечать, что всякий раз, когда старый, бородатый, белый как лунь, цыган доставал из потёртого футляра видавшую виды скрипку и начинал играть свои степные, печальные мелодии, которые умели бередить души даже детям, не встречавшим ещё больших невзгод на своём пути, мой отец потихоньку выбирался из толпы и отходил далеко в сторону. А то и вообще – исчезал. Однажды я увязался за ним и заметил, что он прячет слёзы...

Вот опять мне припомнилась наша улица Юности, припомнились приветливые лица, вольные смуглые люди с их огненными песнями и плясками. Опять, вспоминая, вижу юную цыганочку с огромным серебряным блюдом и слышу рыдающую скрипку.

Рыдала на улице скрипка,
И кто-то украдкой плакал,
А я с пацанами калякал,
Дымя сигаретою «Шипка».
А звуки тоски и печали
Звучали, звучали, звучали!
И кто-то украдкой плакал,
А я с пацанами калякал.
А я и не ведал вначале,
Что в горечи тоже есть сладость:
Что в звуках тоски и печали
Таится-скрывается радость…
Рыдает на улице скрипка,
Оплакивает удачу,

И кто-то проходит с улыбкой,
А я обмираю и плачу.

Я слушаю – и воскресает моё счастливое далёкое детство; слушаю – и воскресают мои родители: необычайно красивая матушка и отец, которому всех было жалко…

И всё-таки столицей моих воспоминаний и стихотворений стало село Молотычи, куда вначале, чтобы я не зачах от тоски, меня привозили чуть ли не каждый выходной. А лет с десяти я добирался до села уже самостоятельно: меня провожали до объездной дороги и сажали на попутку. Доехав до Любажа, я выходил и – «ноги в руки» – топал в свою деревеньку. Дорога была не близкая, а вокруг – простор! И красотища! И вёрст на пятнадцать – ни души. Идёшь – мечтаешь и поёшь! Сначала я пел что-то чужое, а потом – и что-то своё.

Когда пою тебя, Россия,
Глубинной памяти лучи
Рисуют дали полевые
Вокруг села Молотычи...
Не потому ль я стал поэтом,
Что, лишь услышу слово: Русь, –
Меня окатывает светом
Такая радужная грусть!
И снова вижу: край безлесный,
Ребят ершистых на Свапе –
Река течёт негромкой песней,
И по моей течёт судьбе. –
Ещё я вижу: жарко-красный
Зарю приветствует петух,
И тополь наш огнеопасный
На петуха роняет пух…
Картины вроде бы простые,
Но мне они – как свет в ночи:
Я заблудился бы в России,
Не будь села Молотычи.

Остаётся добавить только то, что, где бы я ни жил, ни работал, главным делом для меня всегда оставались стихи. Я – автор восьми книг: «Просинец» (1995 г.); «На крутояре»; «Строкой любви и сострадания»; «Письма из деревни»; «Озимая пшеница»; «До востребования»; «Недосказанность русского лета»; «Иней» (2011 г.). И, конечно же, в предисловиях к своим сборникам и в самих стихах я пишу о себе более подробно.

НА КОЛОКОЛЬНЫЙ ГОЛОС ВЕРЫ

ИНЕЙ

Под вечер иней – синий-синий!
А засияют небеса –
Глаза обколются об иней,
И тихо скатится слеза.

О светлость – зимнее цветенье!
Ты в стороне лесостепной
Спокойно споришь и с осенней,
И даже с майской красотой.

И чем покладистей морозы,
Тем дольше мир похож на сад.
Стоят ракиты – что берёзы!
В убранстве свадебном стоят.

Но кружевной убор так лёгок,
Так склонен шёлком соскользнуть,
Что на заснеженных дорогах
Я лишний раз боюсь дыхнуть.

И тишина вокруг такая!
И удивительней вдвойне;
Как мог он, блёстками играя,
Спорхнуть в подобной тишине?

И обмираю в изумленье –
Природы махонькая часть:
Уж не моё ль сердцебиенье
Его заставило опасть?!

ВИТАЛЬКА

Я баловался с сыном.
Замучил лоботряс;
И вдруг толкнула в спину
Слезливость чьих-то глаз.

С ножовкою и с палкой,
Как лилипутик-дед,
Смотрел на нас Виталька –
Наш маленький сосед.

Взгляд что-то мне напомнил,
Взгляд что-то рассказал…
Я сына крепко обнял,
Как в жизнь не обнимал.

Вон там вон – за годами –
Смотрел не раз мальцом
Такими же глазами
Я на чужих отцов…

Для многих жизнь – не сладость,
Но так вот, как ему,
Смотреть на чью-то радость
Не дай Бог никому.

ПТИЦА

Приютилась в самой гуще веток.
Не до песен ей: кругом метель.
И, наверно, птице снится лето,
Что ушло за тридевять земель.

Но она не кажется мне кроткой
Или перепуганной, – и ей
Хорошо сидится за решёткой
Крепких перепутанных ветвей.

Иль к зиме привыкла эта птица?
Или вдруг поверила она,
Что пройдёт день-два – и возвратится
Навсегда ушедшая весна?..

Вот качнулась и, очнувшись, тоже
Что-то сочиняет про меня.
Чувствую – мы с птицей очень схожи,
Чувствую – мы близкая родня.

Ведь и я грущу о красном лете,
Сильно не страшусь морозов злых,
И ещё спою, хотя на свете
В песнях не нуждаются моих.

СИРЕНЬ НА СНЕГУ

В рощах морозы трещали,
В поле метели мели...
Ветку сирени сломали,
С улицы в дом принесли.

Словно наивная юность, –
Чувствуя свет и тепло,
Ветка сирени проснулась,
Глянула в сад сквозь стекло.

Так же метель там металась,
Так же мороз там трещал.
Ветка до смерти пугалась,
Ветер со смехом стращал.

Но – успокоили стены,
И у двойного стекла
Бедная ветка сирени
Трудно, но всё ж расцвела...

Может быть, – запах был едкий?
Или ещё почему:
Взял кто-то нежную ветку, –
Выбросил в снежную тьму.

Так же метель там металась,
Так же мороз там трещал.
Ветка до смерти пугалась,
Ветер до смерти стращал...

Я вам скажу, чтобы знали –
Нет в песне смысла совсем:
Спел я, как ветку сломали,
Спел, не волнуясь, – зачем.

Просто мне стало печально,
Просто уснуть не могу:
Просто увидел случайно
Мёртвый цветок на снегу.

* * *

Всё – как во сне: и снег, и роща.
С тобою в рощу мы идём.
И снег идёт. А ты смеёшься:
«Идём на пару, но – втроём!»…

Теперь уже почти, как чудо:
И добродушный звонкий смех,
И тихий, словно ниоткуда,
Мечтательный пушистый снег…

Иду – рассказываю сказку:
«Жил-был поэт. Ему не мил
Был этот мир; искал он краску –
Хотел раскрасить мрачный мир.

Он брёл по миру в мрачном виде.
Он много лет куда-то брёл.
И вдруг – красавицу увидел!
Влюбился! И весь мир расцвёл!»...

А ты смеёшься: «Вот те здрасьте!
За сказки взялся! – Смех и грех!».
А я иду – и верю в счастье
И в то, что ты красивей всех.

СНЕГОВИК

Солнца улыбающийся лик!
И весь мир в ответ ему смеётся!
Лишь один мой бедный снеговик
Плачет возле яблони – от солнца.

Не река-рекою, бедный мой,
Плачет, попрощавшись с нашим садом:
Знать не знает, что другой зимой
Он сюда вернётся – снегопадом.

И со снегом в сказку я войду,
И, впадая в радостное детство,
Я опять слеплю его в саду
И вложу в него частичку сердца.

Будет он встречать честной народ,
И печаль в глазах людей убудет…
Разве я живу последний год?
Разве больше этого не будет?

Пусть не будет: я успел понять,
Что светло на свете – как в семнадцать,
Если никого не обвинять
И ни перед кем не распинаться...

Солнца улыбающийся лик!
И весь мир в ответ ему смеётся!
Лишь один мой бедный снеговик
Плачет возле яблони – от солнца.
Мёртвый цветок на снегу.

МАРТ

Широченною лопатой
Март откидывает снег…
Не сдавайся, Солнце, ратуй!
Ратуй, добрый человек!

Обниму сестру-осину,
Поздороваюсь с кустом –
Вроде пережили зиму,
Уж теперь-то заживём.

Так, наверно, в День Победы,
С комом в горле от потерь,
Думали хмельные деды:
«Уж теперь-то, уж теперь…»

Но явились вместо счастья
Перегибы и грехи –
Вот и ломятся-стучатся
Грусть и боль в мои стихи.

Не потребует ли плату
От страны и новый век?..
Не сдавайся, Солнце, ратуй!
Ратуй, добрый человек!

ДИКИЕ ГУСИ

В холодной заоблачной сини
Летят стаи диких гусей.
Быть может, поэтому ныне
Люблю я Отчизну сильней.

Летят! Я их вижу и слышу!
Я вспомнил начала начал:

Там, в детстве, забравшись на крышу,
Я птиц поднебесных встречал.

А путь их и долог, и страшен,
И всё же, как вечность назад,
К ракитам, к болотинам нашим
Высокие птицы летят!..

И вдруг – будто ахнуло током!
Вдруг сердце заныло моё:
Быть может, они так высоко,
Чтоб их не достало ружьё?

Быть может, поэтому с неба
Спускаться грустней и грустней,
И ворох последнего снега
Похож так на мёртвых гусей?..

Но гуси – в заоблачной сини!
И снова себя я ловлю
На том, что я Родину ныне
Сильнее, чем прежде, люблю.

ЦВЕТЁТ АКАЦИЯ

Цветёт акация! И дела нет
Ей до того, что я не сплю,
Но вся она такая белая!
И я – как будто во хмелю.

Цветёт колючая красавица!
И вновь привиделась во тьме
Та, что никак не разонравится,
Та, что забыла обо мне.

Цветёт акация, не ведая,
Что в тот – в невозвратимый май
Она, в шелка свои одетая,
Меня влюбила в этот край.

Цветёт! Цветёт! – И пусть ей дела нет,
Что я не сплю, что я люблю,
Но вся она такая белая!
И я – как будто во хмелю.

Цветёт душистая акация! –
Пьянит! Бушует! – Просто страсть!
И стало, пьяному, казаться мне,
Что жизнь моя лишь началась.

ЧУЖАЯ

Мы в юности, как соловьи,
Поём – кто лучше, кто похуже…
Я – о любви и о любви,
Она – о муже и о муже.

«Она – чужая. Ты же – вор», –
Бросает разум, досаждая.
Но сердце с ним вступает в спор:
«Как так? Такая! – И чужая».

И я опять зову, зову,
Опять ликую и тоскую,
Ведь ни во сне, ни наяву
Я не встречал ещё такую.

Но – хоть зови, хоть не зови –
Смеётся: мол, бывает хуже…
Я – о любви и о любви,
Она – о муже и о муже…

СИНИЙ ПЛАМЕНЬ

Ночь бушует, словно синий пламень!
Синий пламень не идёт на спад.
И, горя, как драгоценный камень,
Падает заезда в мой старый сад.

Эти яблони и вишни эти
На суглинке я взрастить сумел:
С ними проще верить, что на свете
Не напрасно я и жил, и пел.

Но томит меня сегодня что-то…
Вновь, сгорая, падает звезда!
Вслед – другая!.. Ах, как жить охота!
Сильно-сильно: так – как никогда!..

Звёзды! Звёзды, что летят, сгорая,
Душу так смогли разбередить! –
И душа теряется, не зная,
Радоваться ей или грустить.

И приснилось ей, сестре заката,
В шуме яблонь, вишен и берёз,
Что была счастливою когда-то
На одной из тех, сгоревших, звёзд…

В КОРЕННОЙ ПУСТЫНИ

Хотя и ночь темна без меры,
И на подъём я стал тяжёл –
На колокольный голос Веры,
На тихий свет её – пошёл.

Иду – ни вех, ни вешек нету,
Иду, с пути сбиваясь вновь,
Но мне дорогу эту – к свету –
Моя подсказывает кровь.

Иду, иду… Какая радость:
Опять увидеть свет вдали
И верить в счастье, верить в святость
Родной израненной земли…

И потому, что все – скитальцы,
Что душу надобно сберечь,
Вдруг и мои коснулись пальцы
И лба, и пояса, и плеч.

Но высоко до Бога. К Богу,
Встречая радость и беду,
Я продолжаю путь-дорогу.
Дойду ли?.. Может – и дойду…

СТИХИ ФЕТА

Почти – как Бог:
Почти из ничего
Фет создавал свой светлый мир,
И – создал!
В нём место есть и светлякам и звёздам,
Он создал мир!
И отдал нам его.

Стихи! Стихи!
Я взял в дорогу их.
Без них в пути – как без воды и хлеба;
Я взял себе, не обделив других:
Они похожи на весну и небо.

Железа нет – нет ни в одной строке,
Но, может быть,
в век страшного прогресса
Необходимей нефти и железа –
Стихи на чистом русском языке.

Прочтёшь – и вдруг услышишь запах трав,
Прочтёшь – и словно побываешь в храме.
Фет!
Смерть свою поэзией поправ,
Он к жизни воскрешает нас стихами.

С ним –и в плену базарных этих дней,
И несмотря ни на какой убыток, –
Мы любим нашу Родину сильней
Без всяких там призывов и агиток.

ВИКТОРУ ДРОННИКОВУ

Я перечитывал поэтов,
Которые мне дарят свет,
И снова чувствовал, что где-то
Есть не открытый мной поэт.
И был я вроде звездочёта,
Который в творческом бреду,
Деля и умножая что-то,
Открыл незримую звезду.

НИКОЛАЮ ПЕРОВСКОМУ

Я книгу открыл… Я всматриваюсь,
Я вслушиваюсь – поражён!
Я книгу открыл, а радуюсь,
Будто открыл Закон.

Будто открыл я остров,
И с палубы корабля
Кричу: «Наконец-то, Господи,
Наконец-то – Земля!»

Ношусь, как оглашенный:
Я всем рассказать готов –
Нашёл я месторождение
Самоцветных стихов…

ПОЛУСВЕТ

Крик гусей, летящих на край света,
И весь день – какой-то полумрак...
Так всегда прощалось бабье лето,
Вот и снова распрощалось так.

Зашумели листья – словно ливень,
Словно зачарованный, стою:
Всё-таки – как просто стать счастливей
Тем, кто любит Родину свою.

Ничего особого не надо:
Лишь увидеть, как взойдёт звезда,
Лишь услышать шелест листопада,
Лишь бы знать, что будет Русь всегда;

Лишь бы помнить: не единым хлебом…
Лишь бы не забыть: унынье – грех…
Разве мало мне свалилось с неба? –
И дожди, и радуги, и снег,

И стихи – про то, что было лето,
Про звезду, которой, может, – нет,
Про гусей, летящих на край света,
Про какой-то полу... – полусвет.

БАБОЧКА И ЦВЕТОК

Был цветок, – как перст, был одинок.
Но однажды в том забытом месте.
Бабочка летала, и цветок
Ей сказал: «Давай цвести тут вместе!».

Бабочка взглянула свысока,
Бабочка хотела рассмеяться,
Но в объятьях пылкого цветка
Стала засыпать и просыпаться.

Он шептал ей: «Всех красивей – ты!»
«Ты чудесней всех!» – она шептала.
И цвели две дивных красоты
Под крылом зари и краснотала…

Но пришёл сентябрь – навёл тоску,
Ветры принесли плохие вести.
И сказала бабочка цветку:
«Отцвести бы – умереть бы вместе!»…

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Я вам принёс цветы – простые, полевые.
Вы смотрите на них, они глядят на вас.
Вы радуетесь им, они – полуживые –
Вас умоляют: «Пить!»
– и с вас не сводят глаз.

А вы, смеясь, в меня бросаете упрёки:
«И где ж ты пропадал?..
И как посмел забыть?..
А где таких цветов нарвал ты
– синеоких?..» –
И встрепенулись вдруг,
услышав просьбу: «Пить!..»

И на свои цветы взглянул я не без боли:
Мне стало жалко их, погибших не за грош,
Хотя они цвели на позабытом поле,
Где прежде рос ячмень,
где колосилась рожь…

Вы поместили их в фарфоровую вазу,
Вы дали им воды и, красотой дразня,
Пропели: «Как же так?
– Не позвонил ни разу!
Уехал – и пропал! Иль разлюбил меня?»

Но вас я не любил.
И сознавать мне грустно:
Отвечу ль «да» – солгу,
отвечу ль «нет» – солгу.
И я опять своё, как будто чьё-то, чувство
Понять и рассказать словами не могу.

Я лишь нашёл слова
для скромного рассказа
О том, что никогда не говорил вам – «ты»,
О том, что этот мир – фарфоровая ваза,
О том, что я и вы – осенние цветы.

ЛИСТОПАД

Поистратились у сентября
Золотые последние числа,
И всё резче сгорает заря,
И всё легче срываются листья.

Ничего их не держит уже
На издёрганных русских осинах.
И опять вечереет в душе,
И опять не грустить я не в силах.

Окликают меня журавли.
Жаль: и в эту – хорошую осень,
Улетая из нашей земли,
Грусть мою журавли не уносят.

Кличут птицы – и листья летят!
Будто их кличут птицы с собою.
Листопад! Листопад, листопад!
Над моей закружился судьбою.

Но – пусть листья во тьму сорвались,
Пусть вокруг умирания шёпот, –
Я, как прежде, цепляюсь за жизнь,
Я, как прежде, надеюсь на что-то…

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗВЁЗД

Когда потухает заря,
Тогда за околицей тёмной
Я вижу: как Небо огромно!
Как крохотна наша Земля!

Пора бы и бросить мечтать,
А я замечтаюсь, как в детстве,
И будет морзянкой опять
Стучать и стучать моё сердце.

А днём – загрохочет прогресс,
Как древние каменоломни,
И я, кувыркнувшись с небес,
Очнусь, всё земное припомнив…

Но вновь – потухает заря
И вновь за околицей тёмной
Я вижу: как Небо огромно!
Как крохотна наша Земля!

И даже теряется речь
От жалости и восхищенья.
И чувствую звёзд притяженье,
Которым нельзя пренебречь.

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

ТУРГЕНЕВ: РУССКИЙ ОТВЕТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ…

(Культурно-исторические типы Запада и России)

Тургенева, по сложившейся традиции, принято считать гениальным рассказчиком, тонким повествователем и, немного в меньшей степени, выдающимся романистом. В первую же очередь Тургенев, разумеется – поэт. И не потому вовсе, что написал ряд стихотворений (рифмованных и в прозе), а по общему пафосу своего творчества. Однако за признанным пластическим мастерством творца «Записок охотника» и «Отцов и детей», по обыкновению, остаётся неоценённым в должной мере наследие Тургенева-критика, Тургенева – исследователя и толкователя основных культурно-исторических типов человечества (наметившего некоторые из них задолго до Н. Я. Данилевского и уж тем более О. Шпенглера). Об этом – не мешало бы поподробнее…

ТОРЖЕСТВО БОГООСТАВЛЕННОСТИ

Известно, что Тургенев был западником (в XIX-м веке это отнюдь не всегда означало быть русофобом, в отличие от XX-го и XXI-го). Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно западная культура, известная писателю до тонкостей и воспринятая им в качестве общечеловеческой, послужила Тургеневу основным материалом для размышлений, как он считал, о человеке вообще. Впрочем, сегодня (особенно на фоне всё более очевидного конфликта цивилизаций) можно уже совершенно отчётливо увидеть, что речь у него ведётся всё-таки о специфически западном человеке.

Итак, в 1857-59 гг. И. С. Тургенев пишет одно из наиболее ёмких и известных своих исследований – статью «Дон-Кихот и Гамлет», где на примере двух известнейших литературных персонажей изучает два основных, по его мнению, человеческих типа. Точнее будет сказать – два последовательно сменяющих один другой культурно-исторических типа западного человечества. И вот что интересно.

Несмотря на то, что Дон-Кихот и Гамлет появляются практически одновременно (во всяком случае, их создатели, Сервантес и Шекспир, по странному наитию судеб, даже умрут в один день – 26 апреля 1616 года*), представляют они собою не столько разные человеческие типы, сколько разные исторические эпохи в истории Западной Европы.

Дон-Кихот – это католический Юг, залитая солнцем Испания («дух южного человека опочил на создании Дон-Кихота»); Старый Свет на излёте своего могущества. Сознание Дон-Кихота – ясный вечер; ещё тепло и тихо, но по земле уже змеятся причудливые вечерние тени; в неверном отблеске заходящего солнца многие предметы выглядят уже неправдоподобно и бредущая домой отара овец вполне может сойти за шайку разбойников, а ветряные мельницы – за великанов…

Напротив, Гамлет олицетворяет собой протестантский Север («дух северного че-

ловека, дух рефлексии и анализа»); и в первую очередь – это скупая на цвета и запахи островная Англия; сюда кинуты бродильные дрожжи Нового времени; островитяне готовятся прорваться во внешний мир, готовятся к покорению и переделу старого мира; Англия готовится стать Великобританией. По сравнению с мироощущением Дон-Кихота сознание Гамлета – уже сумеречное; и его мало-помалу населяют неясные тени и призраки, в каждом шорохе чудятся крысы и соглядатаи. Плата за человеческое самостояние.

Дон-Кихот символизирует уходящий старокатолический мир, Гамлет – смуту (душевную и мировоззренческую), предшествующую становлению нового – протестантско-капиталистического.

Кстати, этот «новый мир» впоследствии тоже обретёт своё литературное лицо: в образе Фауста. Причём, Фауст вполне законно станет третьим (то есть завершающим) в череде сменяющих друг друга культурно-исторических типов западного человечества (после Дон-Кихота и Гамлета).

Ничего удивительного, что и сам образ Фауста окажется в поле повышенного внимания молодого Тургенева. Более того, одноимённая статья писателя (датирована 1845 годом), писавшаяся наряду с первыми рассказами «Записок охотника», будет нести в себе многие мысли и высказывания, которые, без сомнения, сегодня можно отнести к «программным» для Тургенева.

Однако вернёмся к тем характеристикам, которыми Тургенев сопровождает Дон-Кихота и Гамлета (а ранее – Фауста). Поневоле приходит на ум сравнение одного современного богослова, где представителей основных христианских конфессий он делит на тех, кто сопровождал Христа до Голгофы и остался стоять возле креста (православные); тех, кто устал стоять и, отойдя немного в сторону, присел на лавки (католики); и тех, кто спустился в город, купил участки земли с видом на Голгофу и открыл там магазины (протестанты).

На примере выделенных Тургеневым культурно-исторических типов совершенно очевидно это удаление западного человечества от света невечернего – Солнца-Христа! И если в закатном свете католичества ещё одинаково оживают небесно-голубые мадонны Джотто и уродливые химеры Notre Dame de Paris (также как в раздвоенном сознании Дон-Кихота одновременно уживаются всесовершенная Дульсинея и «грубая и грязная мужичка», реальная возлюбленная несчастного идальго); если в сумерках протестантизма, хотя и отравленный скепсисом и критицизмом, Гамлет всё ещё сомневается to be or not be и от явного безбожия его удерживает «боязнь страны, откуда ни один не возвращался»; то Фауст в своей преобразовательной деятельности (окончательное покорение природы, торжество человеческого самостояния) уже откровенно заключает союз с дьяволом ***против*** Бога, и сгустившиеся сумерки сектантства завершаются всеевропейской Вальпургиевой ночью с финальным гала-концертом на Брокене (Лысой горе).

Таким образом, на примере трёх культурно-исторических типов (обобщённых в литературных персонажах и выделенных Тургеневым) несложно проследить путь западного человечества от увядающего половинчатого христианства (католичество, Дон-Кихот) – через сомневающееся, критическое сектантство (протестантизм, Гамлет) – к торжеству богоборческого капитализма и неоязычеству Фауста!

Тем не менее, Тургенев сам понимал очевидный западоцентризм и односторонность данной картины мира, и свои надежды на «русский ответ» гамлетам и фаустам европейской истории сформулировал в собственной Пушкинской речи (1880 г.), к сожалению, гораздо менее известной, чем речь Достоевского. Но об этом – позже, а сейчас о не менее важном.

«СТЕРИЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ»

В последнее время, как только не пытаются «подстегнуть» и «ободрить», сиречь «осовременить» явно дряхлеющую отечественную филологическую мысль. Разговоры об «амбивалентности» стали неприличны даже на провинциальных кафедрах. Среди немногих сильнодействующих инъекций,

заметно ожививших содержательное поле новейших литературных изысканий, первое место по праву принадлежит новому (т. е. разумеется, «старому», «возрождённому», «дореволюционному» и т. д.) «христианско-православному взгляду» на проблематику, образный строй и другие «аспекты» литературных произведений классики и современности.

Имена Розанова, Страхова, Ильина в трудах новообращённых филологов мелькают сегодня столь же часто, как во время оно – имена Маркса и Энгельса. И едва ли не по сходным причинам. Во всяком случае, Православие сделалось сегодня в филологии такой же неотъемлемой частью «истеблишмента», как и в политике.

Тем не менее, мне кажется, что Православие Достоевского, выстраданное на каторге и очищенное мытарствами в петербургских трущобах, несколько отличается от «стерильного православия» большинства современных исследователей, получивших его «целиком и сразу» с библиотечных полок. Главное, не перепутать слова Христа «блаженны вы, егда поносят вас и ижденут имени моего ради» с новоявленным «респектабельным мировоззрением», гарантирующим безбедный достаток и необременительную совесть. В том числе «научную», увешанную орденами «за многолетнее и непорочное стояние в Вере (Православии, Самодержавии, Народности» - нужное подчеркнуть).

К сожалению, ситуация «разрухи в головах», описанная Булгаковым более семидесяти лет назад, не только не преодолевается, но и, по всей видимости, ещё больше усиливается. В том числе – стараниями таких вот «православных» радетелей, беззастенчиво засоряющих современное культурное поле полуцерковным «терминологическим мусором» собственного извода. Среди многочисленных «метаной» и «синергий» недавно мне попалась и «соборная личность». На роль оной претендовал то ли неисстребимый Платон Каратаев, то ли кто-то ещё из прославленных «малых сих» Великой русской литературы. И претендовал совершенно напрасно.

СОБОРНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Чтобы понять это, вернёмся к Пушкинской речи Тургенева. Пожалуй, самый важный вопрос (опуская многие очень точные, а порой и бесценные наблюдения о характере поэзии Пушкина и русской поэзии вообще), которым задаётся в своём выступлении Тургенев – это вопрос о том, «можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гёте, Гомера?» Понятно, что Тургенев вопрошает об этом, в первую очередь подразумевая создание одного великого литературного образа, который наиболее полно воплотил бы в себе тот или иной культурно-исторический и цивилизационный тип (в нашем случае русский) и был бы всемирно признан в качестве такового. Примеры Одиссея (героический период Древней Эллады), Гамлета (реформация и религиозное брожение Северной Европы) или Фауста (попахивающая серой пробирка Нового времени), что называется, очевидны.

И что же? Ссылаясь на то, что «Пушкин не мог всего сделать… и что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделённые целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу», Тургенев неутешительно подытоживает: «быть может, явится новый, ещё неведомый избранник, который превзойдёт своего учителя – и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину».

Неутешителен же вывод Тургенева (о будущем «избраннике») потому, что сделан он… в 1880 году. То есть ко времени, когда уже создана вся классическая составляющая Великой русской литературы – от «Бориса Годунова» до «Братьев Карамазовых» включительно. Стало быть, ни Петруша Гринёв с Онегиным, ни Тарас Бульба с Чичиковым, ни Обломов с праведниками Лескова, ни Раскольников с Алёшей Карамазовым, ни Пьер Безухов с Платоном Каратаевым ***не выразили с исчерпывающей полнотой русский культурно-исторический тип XIX века***. Однако и последующие: ни Анна Каренина (упаси Боже!), ни сёстры и чёрные

монахи Чехова, ни челкаши и климы самгины Горького, ни Григорий Мелехов, ни другие персонажи Великой русской литературы XX века вплоть до Ивана Денисыча с Иваном Африканычем не дали такого обобщающего образа русского человека, который был бы сопоставим с Гамлетом или Фаустом (а именно этого ожидал Тургенев). И если время от времени недобросовестные интерпретаторы (русофобы) и пытаются увидеть всех русских обломовыми или же, напротив (это уже героизаторы), капитанами тушиными, то всё равно – ничего кроме натяжки не выходит.

Хотя и безо всякой натяжки для всего мыслящего человечества уже давно очевидно, что Достоевский и Толстой – поэты всемирно-исторические, стоящие в одном ряду с Гомером, Гёте и Шекспиром. А вот гамлетов русских всё нет как нет!

Здесь, как мне кажется, происходит методологическая ошибка, и мы уже на протяжении двух веков ищем чёрную кошку в тёмной комнате, смутно догадываясь, что её вообще там нет.

Дело в том, что сам характер Русской цивилизации (православно-общинной, как мы понимаем) в корне отличается от последовательной культурной преемственности цивилизации Западноевропейской (в вульгаризированном виде – Североамериканской) от Античности с её установкой на индивидуализм и, как следствие, героизм в качестве высшего проявления индивидуализма. Так у них – от Троянской войны сквозь века Римской истории вплоть до Наполеона и Ницше.

Вглядимся же в наших героев (в военном, наиболее отчётливом смысле этого слова), что литературных, что исторических: Александр Невский («Не в силе Бог, а в правде»), смиренный инок-богатырь Александр Пересвет, капитан Тушин и добродушный богатырь-инок Иван Флягин, флота Российского архистратиг святой праведный Феодор Ушаков, а также «тихие» герои Курочкина и других авторов фронтовой прозы, «тихий» герой Чеченской войны Женя Родионов и его прообраз у Проханова – рядовой Звонарёв, наконец!

Даже в формулировках Суворова («Господу было угодно даровать русскому воинству победу») и такого сомнительного «героя» как Емельян Пугачёв («Господу было угодно покарать Россию чрез моё окаянство») – совершенно отчётливое осознание себя лишь орудием Божественной воли! То есть ничего «героического» в привычном антично-возрожденческом (Гомер, Шекспир), прометеевско-люцеферианском (Гёте) смысле этого слова. И это – у бунтовщика! Впрочем, важно тут – именно русского бунтовщика…

Разумеется, есть в русской классике яркие и убедительные («сильные») образы зла (зло всегда более эффектно): от Печорина и Ставрогина до Вронского и булгаковского Воланда включительно. За исключением последнего – это не всегда однозначное зло; с метаниями, колебаниями. Но всегда – нерусскость, чужеродность в народном теле. Следовательно, в качестве русского культурно-исторического типа выступать они тоже не могут.

И здесь самое время вспомнить о «соборной личности». В полном (и единственном) смысле этого слова ***Соборной личностью может быть только весь Русский народ, или (что то же самое) – вся полнота Русской Православной Церкви***.

То есть каждый человек, род, сословие, народность (малороссы, белороссы, чуваши, мордва), разумеется, сохраняют свою индивидуальность, но в моменты трансисторические, сверхвременные (Божественная Литургия, война, призвание на Царство) выступают в качестве единой Соборной личности. Яркие примеры тому: призвание Рюрика и Романовых; Отечественная и Великая Отечественная война; всенародное прославление Серафима Саровского и Царственных Мучеников.

И необходимостью рассказать себе и миру о том, что является сущностью русского культурно-исторического типа, о Соборной личности – не об одном, пускай и напомаженном лампадным маслом и умильно окающем мужичке, а обо всей полноте русского народа (который без Ивана-то Карамазова неполный!) – и вызвана к жизни Великая русская литература. А Русский народ – её главный и единственный, по сути, герой. Не

случайно и то, что на такие важнейшие события, как Отечественная и Гражданская** война русская литература откликнулась именно эпосом, где и кутузовы, и каледины (но не только они!) абсолютно равны десяткам и сотням других ***равнозначных*** персонажей; в ситуации, когда создаётся портрет Соборной личности Русского народа в переломные моменты его существования.

Следовательно, все надежды Тургенева, а вслед за ним и целой армии «спецьялистов» на появление русских гамлетов и фаустов оказались тщетными. Тем не менее, Великая русская литература создала и представила миру уникальный русский культурно-исторический тип – Соборную личность Русского народа. Однако, на мой взгляд, о полноте картины говорить ещё рано, так как и о соборной полноте Русского народа в условиях многовекового культурного и религиозного раскола, оглушительного атеизма и вещизма последних десятилетий – говорить тоже не приходится. Поэтому краски на портрете Соборной личности Русского народа, начатом рукою Пушкина и Гоголя, прописанном в глубину Достоевским и Толстым, насыщенном тонами и полутонами русской литературы XX века – ещё не просохли, черты лица ещё не застыли. А это значит, что у будущей (и настоящей) русской литературы, точно так же как и русской истории, есть совершенно чёткие и неотменимые обязательства перед её великим прошлым: закончить соборный портрет Русского народа и привести его к окончательной, вневременной уже ясности.

** Так у Тургенева*

*** Мне могут возразить, что же это за проявление соборности – братоубийственная Гражданская война? Однако стоит вспомнить, как соборно призывался (от всех сословий) на Царство Михаил Фёдорович Романов «и всё его потомство на веки вечные» и как соборно же (спустя триста лет) Русский народ (купечество, офицерский корпус, крестьянство, не говоря уже об интеллигенции) отрёкся от последнего Царя, высылая ему депутацию Госдумы, а также телеграммы командующих фронтами с просьбой об отречении. Соборным (т. е. всенародным), как это не горько, может быть не только подвиг, но и грех. И он ждёт такого же – соборного – покаяния.*

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА

ШЁЛ СНЕГ…

9 МАЯ

Какая тишь! И так необорима
В рассветной неге дремлющая жизнь,
Как будто все снаряды были мимо,
Все мины до одной не взорвались,

И генералы живы и солдаты,
Все дети родились у матерей,
А если здесь и слышались раскаты,
То разве гроз, примчавшихся с морей.

Зарёй румянясь, в лепестках лежала,
Дыша малейшей гранулкой земной,
Такая жизнь, как будто не пропало
Из завершённых судеб ни одной.

ГОРЫ ТЯНЬ-ШАНЬ

Иллюзия обманутого зренья,
Которую не выдумаешь сам, –
Так странно их над городом паренье,
Так их странна причастность к небесам,

Не верится, что по ущельям где-то
Разрушены обвалами мосты.
И долы изнуряющее лето
Страшится гор безмолвной высоты.

УЖЕ И ЕЩЁ

Уже ненужный, но остался пыл
От наших увлечённых разговоров,
И отголосок незабытых споров
Ещё вчера зачем-то слышен был,

И дневников постыла дребедень,
Подобная занудному рассказу,
Но всё ещё не наступил тот день,
Что не напомнил о тебе ни разу.

Необратимо привыкаю жить,
Сама себе в ответе и в совете,
И это как невидимая нить,
Что душу не даёт пустить на ветер…

Туманом начинается рассвет,
И день без солнца, словно обезглавлен.
Мне кажется, что твой могильный крест
Тобою Богу за меня поставлен.

* * *

Нет, ты не канул в безысходный мрак
И через годы явишься, как чудо.
Я буду ждать и верить в это так,
Что даже плакать никогда не буду.

По выходным затею пироги
И переглажу все твои рубашки,
И никогда от вас, друзья - враги,
Ни в чём пустячной не приму поблажки.

* * *

Какую мзду ты задолжал Судьбе,
(Иль это я несчастьям задолжала?)
За что в счетах, предъявленных тебе,
Жизнь одного из нас ценой стояла?

Так разочла бухгалтерша Судьба.
В свершениях нам, людям, не понятных,
Она не легковесна, не слепа
И благ не посылает безоплатных.

Оплачен ли аванс Судьбы тобой,
За то, что нас свела на этом свете,
Иль от напасти будущей (какой?!)
Ты спас меня своей внезапной смертью?

* * *

Ты затерялся в небе, как звезда,
Оставив светлый росчерк во Вселенной,
Ещё непрожитые мной года
Вдруг обрели завышенную цену.

Мне этот город не был дорогим,
И, много лет рассветы здесь встречая,
Я не прощала слабостей другим,
Но вот теперь себе их не прощаю.

Мне выгода ещё не по уму,
А сон и блажь уже не по карману,
Но я чужой опеки не приму
И облегчать грядущее не стану.

Придёт пора, и я, отринув страх,
Последние сомненья одолею.
Быть может, в беспредельных небесах
Моя дорога совпадёт с твоею.

СНЕГОПАД

Шёл снег, как будто снисходил
До городка, - как дар небесный,
И медлен был полёт отвесный,
И так величественен был.

И стоило на то смотреть:
Так мало кто идёт на смерть –
Без вьюги воя и юленья.
И будто бы без сожаленья.

* * *

Да, осень…
Бог с вами! Не худшее зло.
Кому-то и больше в году не везло:
То спать не давал подгулявший сосед,
То мужа, то денег, то совести нет.

Ах, осень. До боли простая пора.
Ты истина, осень, а лето – игра,
Щедра на посулы пустышка-весна,
Зима хороша, да и та… холодна.

Что ж, осень: колючий, занозливый дождь,
И если боишься – гулять не пойдёшь,
Не сыщешь поэзии в серости дня
И в парке туманном не встретишь меня.

ОСЕННИЙ НЕУЮТ. ИЗБОРСК

Застывшие колеи на дорогах –
Как рёбра исхудавшего страдальца,
Не стонущего боле ради Бога
И к путникам не тянущего пальцы.

Дрожит быльё не берегу высоком
От ветра, как от конницы татарской,
И озеро взирает тёмным оком
На небо со смиреньем и опаской.

* * *

Безлунна полночь. Звуки редки.
С наружной стороны стекла
Блестит меж штор ночная мгла,
Как взор разлучницы–соседки,

Мужчину сведшей, что коня
С благополучного подворья, -
Ей были б сладки слёзы горя, -
Она их ищет у меня,

Злорадство жаждет напитать,
Да только нечем поживиться,
Но, как зимующая птица,
Она готова крошек ждать.

* * *

Загустев от отсветов и отблесков,
Растворила ночь коробки зданий,
И столбцы окошек-иероглифов
Светят неким сокровенным знаньем.

И бледнеют звёзд лучи холодные
В по-житейски приземлённом свете.
Видно, звёзды - дырки небосводные
За земное счастье не в ответе.

САВЕНКОВО

Какая, однако, стоит тишина.
Она будто в сговоре с дымкой приречной.
Серёга с двустволкой,
с котомкой заплечной
Понуро бредёт, не убив кабана.

Кабан поплатился недолгим испугом
И ладно, пускай себе дальше живёт.
В заречном леске над задумчивым лугом
Влюблённая птица зазнобу зовёт.

А я, человек для деревни бездельный,
На сочное дня угасанье гляжу
И с ним растворяюсь
в тиши беспредельной,
И отсветом бледным над лесом скольжу.

ОСЛЕПЛЕНИЕ

Творишь меня, сумняшеся ничтоже,
А я всё меньше на портрет похожа:
За слоем красок новый светлый слой,
И – дальше, дальше от меня живой.

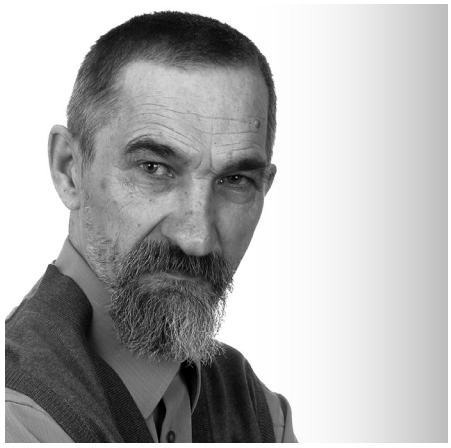
Ты передал черты как надлежало,
А разница разительней кинжала.
Пускай моей вины в подлоге нет,
Отвергнешь ты меня, а не портрет.

РАЗРЫВ

Все точки, запятые, все штрихи
Расставлены, нанесены. И будет.
Осталось дописать о нас стихи
И выпустить, как птиц на волю, в люди.

Да, выпустить и душу разогнуть,
Как спину после сумасшедших буден.
Не осуждай мой одинокий путь,
И твой – любой – мне также неподсуден.

АНАТОЛИЙ ЗАГОРОДНИЙ



ТАЙНА ОТКРОВЕНИЯ

(ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗУМУ)

Ностальгические этюды[1]

Христос и цивилизация

(Сквозь призму алхимии и Средневековья)

С приходом Христа античная цивилизация, достигая пика своего развития, деградирует. Прежняя история человечества закрывается. Открывается новая. Она еще сосуществует с античным миром, но уже отсечена от него и едва ли помнит его, занятая неслыханным богостроительством.

При Христе и с Ним – духовно – центр и вектор мирового человеческого развития смещаются. Нравственный и мировоззренческий аспекты становятся центральными. Христианство стремительно шествует по Европе, вовлекая в свою орбиту массы населения. Человечество вместе с Христом, следуя ему, восходит на крест, политый кровью Христа. С каким-то неистовством отдается оно на крестные муки. В сопереживании трагедии вообще таится чрезвычайный эффект, эффект просветления и очищения, открытый некогда еще Аристотелем применительно к искусству. На землю по вознесении Христа сходит глобальный экстатический катарсис, который захватывает народы… С понятием греха, вины и искупления, страдания и покаяния сознание человечества диверсифицируется. Усложняется сам мозг, получивший мощную духовную инъекцию и несоизмеримые с теми, что были в древнем мире, разветвленные и утонченные реакции. Явилась – впервые и сразу для многих народов, связанных между собой сопричастностью к жертве Христа, - всеобщая цель, царство Божие, которыми запускается механизм метафизического освоения грядущего и, следовательно, практического приближения его. Человеческий мозг, этот спящий гигант, просыпается для интенсивной озаряемой Божьим светом работы. В сознании и в истории человечества происходит скачок. Оно разгоняется, как на ядерном топливе, движимое Божьим огнем. В движении этом обнаруживается не планетарный, Вселенский масштаб, нескончаемая высота, и вместе открываются адские бездны (Страшный Суд)… За две тысячи лет с Христом человечество проделывает работу, соизмеримую с десятками тысяч лет существования без Христа.

В самом деле.

Первые века христианства и все средневековье отданы ну просто непостижимым для нашего разумения нравственным поискам, заняты идентификацией Бога и истины. Жизнь варваров, протекающая в подвалах и катакомбах, за рвами и стенами, пораженная леденящими душу страхами, отдающая зловонием (мутные стоки, пищевые отбросы и свалки), выкашиваемая чумой и проказою, объятая, казалось бы, непроглядным мраком, что бы там ни было - изнутри освещена, неизменно и постоянно, неугасимо - Божьим *огарочком…*

Что крайне поражает и заставляет вздрагивать от восторга и ужаса, так это то, что в захватывающем Европу движении утонченный и максималистский нравственный опыт, стремящийся к абсолютизации, к запредельной чистоте и высоте, олицетворенной в зве-

[1] *Продолжение. Начало см. в альманахе «Орел литературный» за 2012 г.*

зде Вифлеемской, все эти страсти по Христу (граничащие с фанатизмом, на грани помешательства) со всем своим максимализмом переносятся и в плоскость чисто практической деятельности средневекового духа.

Эта связь как-то не обозначена или недостаточно обозначена в человеческом сознании, в сознании истории человечества.

Религиозное, иератическое напряжение, нередко сверхчеловеческое, принимающее форму экзальтаций, взыскующее к абсолюту, перетекает, поразительно, в повседневный быт, в ежедневные заботы, в ремесла, будь то обжиг горшков, или искусство изготовления оружия, вообще – в хозяйственные связи, в градостроительство, медицину, в государственное, церковное, общественное служение, в военную сферу, в любовь, пронизывая и пропитывая самое жизнь, все ее капилляры Божественной плазмой, в огне которой кристаллизуется, пусть еще в наивных, но в цельных и синтетических формах феномен трансцендентного, сверхчувственного и сверхопытного разума[2].

Вообще, жизнь средневековья протекает в страстной, в нервной, в воспаленной, экстремальной, эксцентричной, в священно-авантюрной и мрачно-волшебной форме.

Вся эта жизнь есть одно упование. Один сплошной вызов естествознанию. И апелляция к сверхъестественному.

Молитва - это проекция духа в будущее, близкое или отдаленное, которое ею приближается и которое непременно осуществится. Слово вообще, как проводник духа, а значит, мысли и идей, рожденных этим духом, обладает способностью к своему воплощению. Это аксиома. Мы это по опыту знаем. Мы строим и созидаем мир по образу мыслей наших. Живой Христос, как он пришел в мир, – воплощение высшего образа, универсального слова, логоса (смысла), заключающего в себе все смыслы. Образ Господа еще только не выявлен и не проявлен в этом мире. И в человеке… Как он может стать… Когда человек воссияет пред человеком, как Иисус на горе фаворской пред апостолами и пророками, облеченный и просвеченный насквозь светом…

С другой стороны, возвращением Христа на небо в изначальное сверхсущностное состояние явлена картина принципиальной обратимости высших Божьих форм земной жизни, то есть обратного преображения плоти (а значит, в принципе, и материи, - этим занималась та же алхимия) - в слово, в логос, в дух Божий, – через страдания, через искупительные жертвы, через смерть…

И если преображение и воскрешение богочеловека – факт истории, то нужно только работать над собой и очищаться человеку, дабы через стяжание духа Господнего обрести человеку возможности Христа, а заодно и мир привести к этим возможностям…

Это - стихийное утверждение интенциональности мира, почувствованное средними веками (заявленное во всю мощь философией только в XX веке), иначе говоря, здесь и в данном случае - чуяние - Божьего замысла, осуществляемого на земле, которому еще только суждено сбыться в истории.

Мир Средневековья в сознании ремесленника или рыцаря есть сплошная потенция, с одной стороны, открытая в бесконечность, с другой, укорененная в самом бытии, как оно дано Господом и как есть на деле. Конечное и абсолютное преображение человека (наравне с Христом), а также природы и мира – нормальный и даже заурядный акт, который не подвергается сомнению и который непременно совершится.

Феномен Средневековья состоит в том, что оно соединяет в себе эту неистовую устремленность к Богу, как к высшему и феноменальному началу, *с практическим деланием*, с переделкой себя (по образу Божьему), и не только себя, но и мира (как собственной плоти, так и вообще материи), - в некую же - феноменальность, в нечто духовное (в конечном счете).

И делание это окрыляется сугубой и безграничною верой в Него.

И вот оно, чудо, не сразу, не тотчас, но век от века (мысленно окиньте взглядом историю наук и искусств) – материя словно разворачивается перед взором человеческим, раскрывается и прозрачневает… Незримое делается зримым.

Исполняется многое из того, что представлялось невозможным. Сбывается Божие предопределение… Происходит со-творе-

---

[2] *Укажу только на несколько глубоких, всесторонних и капитальных исследований самое духа Средневековья из моей библиотеки, на которые я опирался при написании настоящей главы и которые и подводят нас к обозначенной мысли.*

В.Л.Рабинович. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., «Наука», 1979.

Й. Хёйзинга. Осень Средневековья. М., «Наука», 1988.

М. Фуко. История безумия в классическую эпоху. М., «АСТ», 2010.

ние человеком нового мира… Человек, открывая себя пред Богом, делается видимым и перед другим человеком. Человек уже читает и считывает человека, - «Исповедь» Августина Блаженного…

Мир все более проявляется, как христов. Для нас же уже очевидно, как сплошь пронизанный энергиями, которые апостол Павел именовал Божьими. Во всей своей неизреченной, неисповедимой глубине и полноте…

Да, конечно, время, которого я касаюсь, не отмечено какими-то чрезвычайными техническими, тем более научными достижениями. Но именно здесь вылущивается то самое зерно, которое впоследствии даст прекрасные и в то же время жуткие какие-то всходы в новейшей истории, но жуткие именно в силу случившегося впоследствии излома сознания человеческого, приведшему к отходу от Христа…

Я имею в виду, прежде всего, алхимию, науку златоделия, расцветшую какими-то фантастическими цветами на зачумленных полях, в пространствах, в самом воздухе Средневековья. Хотя, разумеется, там в темных веках много еще чего другого – сверхзагадочного и сверхинтересного, что еще только подлежит осмыслению и разгадке.

Трансмутация металлов, которой занимается алхимия, означает не просто облагораживание металлов до золота путем его превращений, но именно – преображение самое вещества, наряду с человеком, и так же, как это было с Христом, через смерть - термическая обработка металла, скажем, той же ртути, химические реакции распада под действием щелочей и кислот (вот она, смерть), дальнейшие стадии метаморфоза посредством дистилляции, возгонки, ректификации и так далее, ведущие к новому синтезу вещества - до высшего и божественного его состояния (разумеется, в категориях того времени, как оно понималось тогда, то есть золота). В куколке уже заключен образ бабочки. Наличная и видимая жизнь (в данном случае) только предбытие жизни иной. Лучшей и прекрасной. То есть здесь натурально речь идет о смерти, воскрешении и преображении металла в новом духовном качестве. О пересоставлении его и переиначивании. До некой его иной и духовной собранности и соборности (которая была в нем и всегда есть, но остается невидимой и не пресуществленной). До его божественной сущности. Не случайно же во всех волшебных смесях, всех этих экстрактах, эликсирах, эссенциях одним из непременных и обязательных элементов химических реакций выступает кровь (человеческая, как имитация крови Спасителя)…

Но золото (получение его путем превращений) не более, чем наиболее впечатляющая и наглядная демонстрация возможностей алхимической науки. Цель ее грандиозней. В составлении рецепта некой химеры, - как ее не назови, - философским камнем или яйцом, красной тинктурой или эликсиром бессмертия, - некой универсальной панацеи, с помощью которой возможно было бы любое, подобное этому, и даже в принципе какое угодно превращение, в том числе и относящееся к юрисдикции человека. Вплоть до дарования тому бессмертия.

Казалось бы, фикция чистой воды. Мираж, пригрезившийся человеку.

И правда, что сделала бы с этой мыслью античность, склонная к той же умозрительности, но лишенная веры? Ну конечно, сложила бы очередной красивый миф. Скажем, при Гомере. И исполняла б его, и любовалась бы им, восхищаясь силой, игрой и властью богов, никак не посягая на эту власть, но только апеллируя к ней и уповая на нее. Позже создала бы очередной поэтический римейк, какую-нибудь прекрасную поэму, написанную по мотивам мифа, что-нибудь наподобие Овидиевых «Метаморфоз». И, не без некоторой иронии уже, но вновь и с прежним, но уже чисто эстетическим, пиететом наслаждалась бы созданной красотой, данной ей в столь изысканной форме и в совершенном отвлечении. Но не более того. Средневековье… Средневековье, пребывающее под гипнозом личности Христа, чей подвиг смерти и чудо воскрешения были засвидетельствованы и запротоколированы, ни на йоту не сомневается в возможности практического воплощения безумнейшего из проектов. Как и вообще любой безумной идеи.

Облачившись в робу мастерового, засучив рукава, адепты алхимии пытаются выхватить иллюзию (панацею) из материи, то есть буквально получить ее в виде некой

вещи, некоего препарата, превратить сон в явь. Авантюризм чистой воды, повторяю, прожектерство, безрассудство и безумие. Да. Представляется, что фантом невозможно вынуть из плавильной печи, как горшок с помощью ухвата. Обнять призрак щипцами и подтянуть к себе. Но средневековье не смущается этим обстоятельством, оно игнорирует его, оно закрывает на него глаза. Ничтоже сумняшеся, оно упорно пытается овладеть призраком и никак не иначе, как с помощью естествознания. Но не в этом ли пункте и состоит откровение, данное этому времени?!.

Не здесь ли воздвигнут новый мученический крест, на котором распят новый Христос – иначе говоря, не совсем тот Бог, которого мы знаем, но Христос, как Бог познания.

Показательно именно это, то, что приверженцы алхимического учения берутся за божественную иллюзию, за некое ничто именно что с материальным инструментарием, заходят с черного хода, начинают с черной, сугубо земной работы, отдающей жаром плавильных печей, ядом ртутных и цветочных испарений, удушающим адом тлеющей серы, тошнотворным запахом желчи и крови, смешанным с вонью квасцов и кислот и библейскими благовониями (корни имбири и мандрагоры), распыляемыми и разбрызгиваемыми с иссопа на алхимические призраки под молитвы и заклинания сумасшедших, дабы извлечь из газов, из жидкостей, из порошков и их смесей алхимический квази-корень…

Может быть, впервые во всемирной истории, во всяком случае, с такой пугающей конкретностью и истовостью миф (алхимический), сон и греза сходятся с материей, вступают в симбиотические отношения с материальным миром. С одной стороны, идет насыщение духовными смыслами материи, с другой, извлечение из нее некоего феномена, универсального принципа… Этот брачный союз, это соитие покамест порождает только алхимических монстров… Здесь Гойя как будто звучит буквально. Сон разума рождает чудовищ. Но в данном случае чудовища весьма специфичны. Возможно, что они порождены сном. Но сон оказался провидческим. Эти призраки еще оденутся в плоть и обретут жизнь.

Совершенно очевидно. Все эти инкубы и суккубы, гомункулусы, андроиды и андрогинны, гермафродиты, присутствующие в мистических учениях тех веков еще только как символы, - не что иное, как предшественники ДНК и генома, овечки Долли и человеческих клонов, конвергенции и метаморфозы алхимии – не что иное, как предвосхищение и обещание нынешних превращений энергии и вещества (радиохимия, физика атомного ядра, генная инженерия, квантовая механика, нанотехнологии). Все эти чудовища вылетели оттуда, из колб и реторт, из горшков, из коронованных кикурбитов Средневековья. И залетели к нам.

В алхимии есть свой мифотворческий момент. Но это, понятно, уже не античный миф, волшебный и безыскусный, в котором мир аутентичен фантазии творца и человек не выделен из него. Это не древнеиудейская каббала, если говорить о мистическом начале, играющая и помыкающая миром исключительно с помощью комбинаций библейских букв. Своеобразная игра в бисер. Это еще не утопия, ибо ее мысль обращена по большей части к знанию, но не к истории. Хотя в ней и есть всего понемногу ото всех человеческих времен, прошедших и даже грядущих, ото всех увлеченностей и безрассудств. Этакий немыслимый мета-букет. Мерцающий сосуд. Точнее, горшок. Или тигель. Котел, в котором варится будущее человечества. Но эта наука лишена созерцательности античного времени, приведшего его к сибаритству и в конечном счете к агонии, сугубой отвлеченности каббалы, замкнутой на самой себе и задыхающейся, умирающей под тяжестью знаков и символов, от преизбытка мистических пасьянсов и магической бухгалтерии. Она лишена обессиливающей душу тщеты (читай, пустоты) грядущей общественно-исторической науки, которая повяжется кровью и отринет Бога. Алхимия не посягает на авторитет Христа, - в принципе, в сердцевине своей она исходит из пятого постулата христианского же Символа Веры о смерти и воскрешении. Исходит из него, но идет дальше собственно учения о человеке. Она толкует и говорит о самой материи, - это привилегия, и вновь приходится повторять, уже XX века.

Мне кажется, я нигде не встречал этой мысли, выраженной как-то отчетливо… Меж тем эта мысль напрашивается. Идеей воскрешения (преображения), т. е. собственно Иисусом Христом вызывается из небытия не только идея спасения человека, но и идея всеобщего и практического превращения (преображения материи), здесь стоит подчеркнуть - в массовом, фактически - в планетарном сознании (поскольку центр мира перемещается в Европу), и эта же идея в свою очередь, взыскует из небытия (для себя) инструментарий, я повторюсь, для своего, для собственного воплощения. Так Христом же совершается переворот в человеческом сознании, то есть не только, не в одной нравственной и моральной сфере, но и – в сфере познания. Так христианским учением вызывается из марева чуть и едва только брезжащего будущего то, что именуется в наше время как прогресс. Прогресс не есть цепь научных открытий или того, что мы называем чередой технологических революций. Прогресс есть цепь идей, которые вопят об этих открытиях и технологиях. Существенная разница. Ученые суть исполнители метафизических вызовов. Христос – вот, кто творец.

Увы, познание, бывшее по существу духовным и священным действом и деланием, постепенно и незаметно оскопляется в духе, делается самодостаточным. Божие превращается в фаустовское, обезбоженное… Ради познания человек вступает в сделку – с дьяволом, с совестью ли … Дух уходит … Место его заступает собственно разум, который сам по себе всегда аморален… Ибо сие есть глина…

ВРЕМЯ БЛИЗКО…
Заключительная глава[3]

1.

Подступая к настоящей книге, я полагал многие из своих предчувствий, которые и заставили взяться меня за эту книгу, я полагал свои и вообще общечеловеческие догадки и футурологические проекты человека о своем будущем – за полубред и фантастику… Нередко я говорил себе, что это я просто схожу с ума… Что это я просто чокнулся на неких метафизических положениях о мощи и всесилии разума, человеческой мысли и духа…

Теперь, переворачивая последнюю страницу рукописи, я дошел до трезвого, до холодного убеждения не только и не просто в состоятельности собственных «фантазий» и вообще человеческих мифов, не просто в необходимости претворения их в реальность, но в безусловной и неизбежной осуществимости их, в неком вселенском и обязательном детерминированном исполнении этой покамест лишь чаемой нами реальности. Она неизбежно придет и наступит… Это теперь есть абсолютное мое убеждение… И его уже не удастся поколебать ничему… И никому не удастся…

Начиная книгу, я брел во мраке, ведомый каким-то наитием…

Далее в какой-то пелене… В густом тумане, но сквозь который виделись уже смутные и зыбкие очертания еще колеблемых ветром мысли строений…

Теперь в блеске и свежести утра я различаю вершины, покрытые чистым снегом…

Я теперь убежден в совершенном и абсолютном апгрейде человеческой плоти. Это усовершенствование теперь мне представляется как наиболее простое в научном отношении из всех прочих задач. С ним же связаны подступы к человеческому бес-

---

[3] *Отдавая себе отчет в том, что альманах не в состоянии перенести всего объема настоящей книги, представляем здесь читателю только последнюю заключающую её главу, опуская семь других, предшествующих ей. В этих главах Евангелие рассматривается в его соотношении с современной наукой о человеке и его разуме. Автор приходит как будто к парадоксальному и в то же время очевидному выводу, по которому современный прогресс определяется не суммой интеллектуальных усилий, но является следствием духовного напряжения человечества, корни которого таятся в Евангелии… Соответственно забвение евангельской этики чревато (через машинизацию разума) деградацией человеческой цивилизации. И наоборот… Это взаимозависимый процесс.*

Понятно, что заключительная глава увязана с содержанием всей книги и будто бы не может существовать в отрыве от неё. Но и в то же время, она так или иначе по определению вбирает в себя оное содержание (пусть не всегда и не до конца раскрывая его, то есть совсем). Но именно поэтому мы и считаем возможным дать её отдельно. Ибо в ней заключено главное, то, что вытекает из содержания всей книги, - прогноз на будущее целого человечества…

смертию, и, в конечном счете, научное и неминуемое воскрешение мертвых, по Николаю Федорову.

Человеческий организм настолько усовершенствуется, что переймет всё от живого и животного мира, всё, что в нём есть исключительного и совершенного, достойного применения. Скажем, ту же эхолокацию, как у акул, у дельфинов или летучих мышей, электрическую энергию, как у скатов или угрей, способность летать, как у птиц, и жить под водой, как это умеют делать рыбы, и так далее. Как в тех же спутанных локальных системах между частицами, разнесенными на тысячи световых лет, существует мгновенная связь, так человек обретет мгновенную сообщаемость между собой – в мыслях - вне зависимости от расстояний, разделяющих его. Обретет способность вообще к мгновенной передаче информации или энергии на бесконечные расстояния и во все времена… Человеческий организм овладеет скоростями, близкими к световой, равной ей или даже превышающей её при условии перехода в иное качественное свое состояние, перехода, который представляется неизбежным в процессе человеческой эволюции. В конечном счете это будет означать овладение всеми возможными измерениями целой Вселенной и, соответственно, - её временами. Иначе говоря, времени как такового больше не будет. В конечном пункте своего пути мы овладеем временем.

Человек как плоть превратится в чистый дух, по Тейяру Шардену, или в лучистую энергию, как предсказывал Циолковский.

И это такая энергия, или такой дух, который сам по себе обладает всей полнотою власти над материей, непосредственно одной мыслью или волей своею управляет веществом, видоизменяет его и превращает в разновидности, как мертвые, так и живые… Человеческий дух будет обладать всей полнотою творения…

Телепатия, левитация, телекинез, творение волей и мыслью – это вещи, которые станут обыденностью нашего сознания.

Всё это уже не представляется фантастикой, - фантастика лишается самое себя одним знанием кода, которым строится и управляется вещество и материя, одним щелчком по клавише или переключением тумблера в самом механизме сознания, ставшем духом… Вот и всё… Подачей или посылом сигнала или команды, которая в коде, в ключе, разворачивающем в том или ином направлении программу самое вещества, орудия или технологии...

С большой долей определенности уже можно сказать, что разум в некой, покамест неопределимой для нас, форме, - так же, как и вещество, как и энергии, - разлит во Вселенной… В качестве ли того, что мы именуем как тонкие энергии, в качестве ли информации, в качестве ли нетварных энергий или духа, который всё проницает, и глубины Божьи, по апостолу Павлу.

Пространство и время и в самом деле можно определить как постулаты стягивающего их в одну точку, но не просто человечьего, по Карлу Юнгу, а Вселенского разума. Вот почему в разуме и при наличии разума время – обратимо. Оно сразу и всё присутствует в нем. Нет прошлого, будущего и настоящего. Это единый процесс и состояние Вселенной.

От осознания настоящего положения через ряд метаморфоз уже самое сознание человечества, оторвавшись от своей материальной оболочки, встроится в этот вселенский разум или процесс, разлитый в космосе, в качестве одного из его духовных, энергетических и смысловых компонентов.

2.

Убеждения мои строятся на целом комплексе положений, так или иначе высказанных или выраженных подспудно на протяжении всего блока моего сочинения.

Здесь же и сейчас мне хотелось бы остановиться и акцентировать внимание на трех авторах и их воззрениях, которых я уже касался, но вскользь и в целом, здесь же и особо хотел бы сказать об отдельных моментах этих воззрений, которые лежат в разрезе именно наших положений, и, при этом, на мой взгляд, вытекают из чрезвычайно корректных исследований. Тем самым последние могут лечь как бы в основание картины будущего мироустроения человеком, как оно дано нами выше и именно в нашем ключе. Этими исследованиями, на мой взгляд, в наибольшей степени и в особенности как бы вообще приуготавливается сценарий тех метаморфоз, которые уже не в столь отдаленном будущем, как об этом думалось прежде, произойдут с человеком.

Речь об учении о ноосфере Тейяра де Шардена, теории эволюции как «разумного замысла» Михаила Шермана и теории технологической сингулярности Рэймонда Курцвейла[4].

Причем сразу хочу заметить, если сочинение Тейяра де Шардена является по определению натурфилософским сочинением и принадлежит перу священника и теолога с мировым именем, то теория профессора и главы лаборатории генетики в Медицинской Школе Бостонского Университета Михаила Шермана, а также доктрина крупнейшего изобретателя в истории Америки и человечества футуролога Рэймонда Курцвейла являются творениями людей, исповедующих сугубый материализм и опирающихся в своих взглядах только на естественнонаучные исследования и открытия. Этих ученых прежде всего отличает трезвый взгляд на науку и реализм научного мышления. Это в обоих случаях научное мировоззрение.

Что касается книги Шардена «Феномен человека», в которой изложено его эволюционное учение, то это книга не столько теолога, сколько ученого палеонтолога и романтика-мыслителя от эволюции, также опирающегося прежде всего на научные разыскания в области палеонтологии, открытия в биологии, физике, на мировую мысль в разрезе истории и философии человечества, - бог в этой книге, скорее, номинален… Так, во всяком случае мне показалось… С другой стороны, и даже в большей степени Тейяр де Шарден опирается на здравый смысл, на логику исторического и духовного возрастания человечества как единого организма, логику, которою недвусмысленно и с железной необходимостью предуказываются пути будущего человечества…

Удивительная книга. Возвышенная и трагическая судьба, - папа не разрешил печатать книгу, книга вышла посмертно…

Это такая книга, которая могла бы занять десятки томов, иллюстрируй Тейяр свои положения известными ему научными фактами… Факты эти за кадром, они только сквозят сквозь книгу… Они бы слишком утяжелили книгу и сделали бы неповоротливой мысль… Это элитная книга, подразумевающая за читателем недюжинное и как бы само собой подразумеваемое знание… Здесь же только синтез - самоё научной, теологической и философской мысли, выработанной целым человечеством за предшествующий период и переработанной провидческим гением в божественное сочинение, божественное по стилю, по силе той же мысли, по ее глубине, взаимозависимости и взаимосвязанности, по точности и отточености формулировок, в которых логика соединена с вдохновением и поэзией, - формулировки эти единственно возможные, и из этой единственности и вытекает как бы неизбежный, воспринимаемый за абсолютно достоверный – будто бы фантастический, но звучащий как реальность - смысл, тот смысл, по которому человечество в процессе своей эволюции с неизбежностью перейдет в иное качество, в чистый, оторвавшийся от плоти дух, в чистое сознание, в чистый разум…

Но представить здесь как-то вкратце самый ход доказательства настоящего положения не представляется возможным.

Здесь тот случай, при котором, вытащи кирпич, - все здание обрушится… Здесь тот случай, при котором на вопрос, о чем его книга («Война и мир»), Толстой отсылал читателя к самой книге… Иначе и по-другому всех смыслов её никак не объяснить, кроме как не воспроизведя целиком… Слишком много всяких тонкостей и нюансов… Так и у нас нет возможности ни передать, ни пересказать эту книгу, настолько сцеплены в ней стиль, логика, красота и поэзия, - можно только обратиться к самой книге, чтобы постичь её и проникнуться её профетическим духом и идеями, которые еще ждут часа для своего воплощения…

Лично для меня выводы Тейяра де Шардена безусловны…

И уже, отталкиваясь от них, я и сам могу вполне реалистично подходить к тем и таким суждениям, на которые я не решался прежде ввиду сугубой оторванности их от

---

4 *Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., «Наука, 1987; Михаил Шерман. Эволюция не по Дарвину. Электронный ресурс. См. на сайте: http://www.goldentime.ru/hrs_text_041.htm. Настоящая статья является авторской русскоязычной версией оригинальной статьи на английском «Universal Genome in the Origin of Metazoa», опубликованной в 2007 году в «Cell Cycle» – ведущем научном журнале по клеточной биологии и включена мировым сообществом экспертов в список самых важных статей года; Рэймонд Курцвейл. Ускорение технологического развития в XXI веке. Выступление на Международном конгрессе «Глобальное будущее 2045» в рамках проекта «Россия 2045» от 22.06.12, - на сайте http://gf2045.ru/read/182/.*

материалистических концепций, но которые так долго мучили и занимали меня…

Если говорить чрезвычайно пунктирно и разорванно, а мы все-таки вынуждены сказать об этом, сущность идей Тейяра де Шардена сводится к следующему.

Человек есть не центр мира, но вершина его эволюции. И возведение её стало возможным благодаря усилиям всего и целого вселенского универсума. Человек не есть изделие Божие, но творение всей эволюции, которая изначально и сама уже задана духом. Дух есть альфа (первотолчок) и он же омега (конечная цель) эволюции. Это как будто вполне евангельское положение о Боге. Но Бог здесь безличностен и абсолютно растворен в духе, который разлит в природе и действует изнутри материи, как организующий её принцип, устремляющий вещество к развитию, усложнению и, в конечном счете, к жизни и одухотворению своему. Одухотворение это, с одной стороны, в нижней точке своей задано, осуществляясь через ряд метаморфоз, с другой, вызывается и взыскуется верхней точкой – омегой. Завершение процесса грезится в слиянии отдельных человеческих личностей в единый и высший коллективный дух в точке Омеги. Завершение это осуществится через последний четвертый метаморфоз, при котором человеческий дух оторвется от своей земной оболочки.

Под собственно человеческим духом Тейяр де Шарден понимает всю совокупность психических, личностных сознательных и интеллектуальных рассудочных моментов. Это есть собственно человеческое сознание, «нижние границы которого теряются во мраке» (вспомним юнговское сознание, укорененное в прабытии) и которое в длительности имманентно становится и взрастает путем рефлексии, концентрации и сосредоточения в самом себе.

Здесь, во всем этом, остается бесконечно много вопросов, разного рода неувязок… При этом не факт, что я смог как-то даже более менее точно и верно передать моменты шарденовского учения, не ошибясь в них, настолько много в них всяческих нюансов, отвлечений и уточнений одной мысли другою… То же самое допущение точек альфы и омеги само по себе есть априорное положение, но ведь на нем строится собственно всё здание эволюции…

У меня немало разного рода возражений и несогласий принципиального характера, с тем же, скажем, слиянием человеческих личностей в коллективном одухотворяющем их экстазе… Здесь не всё ясно…

Но после прочтения книги у меня есть и остается абсолютная убежденность, данная всем и целым повествованием, всей целокупной логикой книги, что самое тенденция возрастания человеческого духа и сознания, которая с неумолимостью приведет этот дух к отвлечению от плоти и к само-стоянию - верна… Это положение неизбежно осуществляется по тому же принципу, по которому сознание выделилось из природы… Мы не можем с определенностью сказать, как и каким образом оно выделилось. Мы не знаем этого. Мы только строим предположения. Но по тому же принципу, как оно выделилось, так оно и отделится от неё… Подобный ход развития, когда сознание в своем объеме и качестве неуклонно возрастает в мире, по крайней мере, уже в сотнях миллионов лет, представляется необратимым.

Если же шарденовское положение верно, а оно представляется именно таковым, то в финале человеческой истории как бы сам собою решается вопрос о возможности созидания и управления материей напрямую и непосредственно духом и через дух.

Что, собственно, и требуется доказать в разрезе собственных наших разысканий.

Ибо, согласимся, если уже сейчас человеческое сознание определяется ни больше ни меньше как в качестве геологической силы, по Вернадскому, то в новом своем качестве, отвлеченный и неизмеримо возросший в своей концентрации и сосредоточенности дух представляется тем более и абсолютно всесильным. Сей дух, собственно, и будет означать и заключать в себе понятие Бог со всеми принадлежащими понятию этому атрибутами.

3.

Мы уже касались теории Шермана[5]. Прибавим к сказанному, что Шерман исключает положение, по которому образование человеческого сознания явилось бы следствием неких мутационных скачков в человеческом генотипе, - то есть сознание сразу было задано в явившемся на земле геноме. Не вдаваясь в подробности, можно сказать следующим образом: не явившись в одном (человеке), сознание бы явилось

[5] *В главе «Идол разума».*

в другом живом организме. Иначе говоря, если говорить о дарвиновском естественном отборе и происхождении видов, в результате которых якобы выдвинулся человек, то человек не есть следствие вообще всей земной эволюции, - эволюция человека есть следствие программы, заключенной в геноме, программы, которая реализовалась в наибольшей своей степени и с наименьшей степенью помех. Геном так, как он явился на земле, вдруг и сразу, то есть по геологическим меркам, не мог быть следствием эволюции, - элементарно, времени бы недостало этой самой эволюции… «С другой стороны, - цитирую М. Шермана, - соответствие порядка «записей в хромосоме» функциональным свойствам генов и порядку кодируемых ими органов наводит на мысль о заранее задуманном точном плане организма – плане, которого можно было бы ожидать от инженера, заранее чертящего план будущего дома». Вот почему Шерман предполагает и даже считает доказанным это, что многоклеточные организмы на земле, то есть жизнь в том виде, как она стала в Кембрийский период и как она сейчас есть, стала «в результате особого события, «вмешательства извне», когда организмы получили «универсальный геном». Это мог быть акт Божественной воли, говорит Шерман, действие инопланетного разума или что-то иное, мы не знаем. Но безусловно, что, во всяком случае, за этим актом скрывается «разумный замысел». Мы не можем объяснить самого «вмешательства извне», как, почему, кем и каким образом на землю был занесен «универсальный геном», так же, как не можем объяснить и Гамовской теории «Большого взрыва», но «вмешательство» произошло, так же, как произошел и взрыв, и это меняет картину дарвиновской эволюции, как в свое время Вселенной, в корне. Что, в свою очередь, побуждает развитие науки совершенно в новом русле… Новая модель эволюции, заключенная в разумном программном обеспечении и развитии жизни (универсальный геном), делает предсказуемым самый ход эволюции и дает возможность разумного же управления ею через геном путем генных корректировок и разного рода модификаций живых организмов.

Это означает колоссальный сдвиг и революционный скачок в самой эволюции при открывающихся научных и экспериментальных возможностях.

В принципе шермановская модель эволюции смыкается с умозрением Фрэнсиса Коллинза, генетика, который стоял за первым проектом по расшифровке человеческого генома и который усматривал за структурой ДНК личность Бога. Но если у Коллинза это еще выглядит как чисто натурфилософская и даже чисто эмоциональная гипотеза, то у биохимика Шермана это естественнонаучный проект, подразумевающий экспериментальные доказательства. Модель его эволюции подразумевает возможность экспериментальной проверки вытекающих, следующих из теории предсказаний в окончательном заключающем или завершающем эту теорию результате. Соответствует модели результат – верна модель – верен проект или идея разумного замысла, которою объясняется сама эволюция. Разногласия между Коллинзом и Шерманом, точнее, между теизмом Коллинза и вообще идеей разумного замысла носят в сущности частный, не такой уж и принципиальный характер[6]. Со стороны квантовой физики эту модель подпирает учение о гиперкосмическом Боге старейшего и виднейшего физика и мыслителя современности д'Эспанья. «Феномен человека» Шардена с его финальной и феноменальной картиной будущего превращения человечества вкупе с Божественной фреской об этом будущем Павла Флоренского представляются венцом и вершиной настоящих исследований и учений, короной, подготовленной для них заранее…

4.

Делая поправку или уточнение, согласно Шерману, к теории о ноосфере Шардена, мы можем теперь вполне конкретизировать учение Шардена в плане точки альфа, как точке, за которой определенно скрывается разум. И это только добавляет достоверности шарденовской теории и его логике…

Исходя из всего вышесказанного, мы покамест не можем говорить обо всей Вселенной, как о творении разума, но с большой долей определенности мы уже в состоянии

[6] *См. : Теория разумного замысла. Глава 9. В кн.: Фрэнсис Коллинз. «Доказательство Бога: аргументы ученого». М., 2008. Дело в том, что как таковая идея разумного замысла возникла до Шермана и в ней имеются свои нюансы, по которым Коллинз противопоставляет её монотеизму, но которые, на наш взгляд, не особенно принципиальны.*

сказать о земле, как живом организме, и о человеке, которого признаем за вершину вселенской эволюции, как и именно о подобном творении, творении, за которым маячит неведомый и высший по отношению к нам разум…

Мы не знаем, что он и как он есть… Но именно этому высшему разуму мы обязаны всем, что у нас есть…

По тому же, что, как мы полагаем, в мире и вообще нет ничего сложнее и совершеннее аппарата нашего человеческого разума, сам же он есть творение внеземное, мы можем с некоторой долей определенности допустить, что и вся Вселенная создана внеземным и высшим по отношению к нам трансцендентным разумом. Ибо, создав высшее, по нашему разумению, он тем более не мог не создать и прочее, всё остальное…

Из этого идут далеко простирающиеся выводы, подтверждающие так или иначе библейскую версию происхождения земли и человека при всех разностях в деталях и в частностях самого процесса творения…

Кембрийский период и явление генома – это полная неожиданность, случившаяся для материалистов на земле. Процесс возникновения сложных (многоклеточных) организмов вследствие генома, давшего сразу и вдруг все формы жизни, случился как бы в полном несоответствии с теорией дарвиновской эволюции, вопреки ей, ибо процесс этот предполагает не длительность во времени, а почти мгновенность происхождения видов, если иметь в виду геологические мерки…

Ясно, что понятие «мгновенность» мы употребляем в метафорическом значении этого слова. Но, кажется, что ныне эта метафора обретает свойства некой будничности и буквальности применительно к тем темпам развития человеческой цивилизации, которые уже вполне отчетливо вырисовываются в не столь отдаленном будущем, будущем, которое еще могут вживе застать иные из нас…

Время уплотняется…

Эволюция человека начинает происходить с каким-то сумасшедшим и ужасающим наше воображение ускорением.

И это ускорение делает вполне видимыми и зримыми, вполне осуществимыми затаенные в человеческой психике, укорененной в прабытии, исполненном имманентного духа, развернутые в мифе как в идеальном плане творения, данном свыше, грядущие формы человеческого бытия, в которых идеальное предстанет как сама реальность.

Говорить так нам позволяет открытие, сделанное Рэймондом Курцвейлом. Та самая теория технологической сингулярности, о которой мы уже упоминали, но, опять же, бегло, и которая представляется не более чем общим местом, если при этом говорится только об общем её смысле, означающем немыслимое прежде ускоренное развитие информационных технологий, которые станут локомотивом и для всех прочих областей человеческого знания. Само по себе заявление это в его назывной форме мало что дает нашему воображении… Стоит оконкретить курцвейловские положения, - только при этом и тогда наглядно нам представится весь сумасшедший смысл следствий и свершений, истекающих из действия этой теории.

Нужно сказать, что речь прежде всего идет именно об информационных технологиях, но поскольку они начинают довлеть и доминировать в нашем мире, то меняется с тем же ускорением и сам мир.

Не мудрствуя лукаво, просто напомню, как это делает сам Курцвейл: «Если я сделаю 30 шагов линейно (это наша интуиция о будущем) – 1, 2, 3, 4 – на 30-м шаге я на шаге номер 30. Если я сделаю 30 шагов экспоненциально – 2, 4, 8, 16 (это реальность информационных технологий), я дойду до миллиарда»[7]. Но именно так, - экспоненциально, - развиваются информационные технологии.

В 1960 году, рассказывает Курцвейл, один транзистор (базовый элемент, на котором строится электроника) стоил в денежном исчислении 1 доллар. Сейчас, ввиду миниатюризации транзисторов, можно приобрести несколько миллиардов транзисторов за тот же доллар. Новый компьютер в миллиарды же раз мощнее. И в сотни тысяч раз меньше. Через 25 лет он снова будет в миллиард раз меньше и в сотню тысяч раз мощнее в пересчете на доллар, переходя на уровень нанотехнологий. Это будет компьютер, спо-

[7] *Цитируется по статье: Рэймонд Курцвейл. Ускорение технологического развития в XXI веке. Выступление на Международном конгрессе «Глобальное будущее 2045» в рамках проекта «Россия 2045» от 22.06.12, - на сайте http://gf2045.ru/read/182/.*

собный входить в кровяную клетку и совмещаться с человеком. Это будет компьютер – нанороботт, способный перестраивать наши программы на клеточном, молекулярном и генном уровне, лечить и совершенствовать нас.

Согласно Курцвейлу, количество информации (в битах), пропускаемой во Всемирной сети, в течение только одного нашего века увеличится в триллион раз.

Подобный экспоненциальный рост, который наличествует как реальность, во всем, что касается информационных технологий, делает возможным переход от линейного и пошагового развития к развитию экспоненциальному и, вообще, в любых технологиях, связанных с информационными или тем более прямо базирующимися на них.

Это, к примеру, напрямую относится к биологии, которая с открытием ДНК, заключающей в себе генную программу развития и обеспечения жизнедеятельности организмов, определяется как информационная технология, то есть ввиду того, что биология так же, как и информационные технологии, работает согласно программам, заключенным в живых организмах. Вариативность гипотетических программ развития в одной человеческой клетке чудовищна и может достигать 10130 степени. Работа по распознаванию того же человеческого генома под силу только такой же мощи компьютеру. Баш на баш – мы получаем чудовищное ускорение в биологической науке. Это и есть то, что мы называем информационным технологическим прорывом в современных технологиях – технологической информационной сингулярностью, закономерностью, открытой Курцвейлом.

Каждую четверть века, по существу, мы будем жить как бы в совершенно другом и новом мире. Вот почему мы в состоянии угадать близкое будущее, исчисляемое десятками лет, но сколь-нибудь отдаленное даже в полсотни и тем более в сотни лет уже не под силу нашему сознанию. Это будущее будет в корне отличаться от нынешнего нашего состояния.

Вот отчего, не исключено, что всё человеку и в действительности окажется под силу, то есть с приходом эпохи сингулярности… Ибо мы уже близки к ощущению того, что не только и не за одной жизнью, но и за целой Вселенной, за всем веществом стоит та же – разумная – сила… И эта сила определенной частью своей уже выражает как бы самое себя через программы, – в живых организмах через геном, в целом континууме и веществе – через законы квантовой механики, выраженные ныне в так называемой Стандартной модели Вселенной… Программы же эти, в сущности, позволяют просчитывать и нам и последние глубины как живых организмов, так и самое вещества и последние структуры самой Вселенной…

В то время, как мы ищем сигналов и знаков от разума в глубинах космоса, знаки эти, в качестве тех же кодов жизни, заключены в самое нас.

Разум действует, с одной стороны, изнутри нас, с другой – дается нам извне, трансцендентно, через то, что мы определяем как дух, и Что разлито в целой Вселенной.

5.

Метод «тыка» в науке, о котором я говорил в предыдущих главах и который меня убивал несовершенством своим, то есть метод того же элементарного перебора материалов для нахождения, скажем, единственно возможного (напомню о Тесла и Эдисоне и анекдоте по поводу поиска иголки в стоге сена), так вот, перебор этот, во всяком случае, по мнению Курцвейла, теперь заменяется осознанным и целенаправленным поиском результатов согласно параметрам материалов, явлений и целей, заданных тому же компьютеру. Колоссальная разница. Причем со временем, при развитии нанотехнологий, возможно и вообще получение и создание любых искусственных необходимых в той же медицине (и вообще в промышленности) элементов и материалов, то есть по характеристикам, заданным им изначально. Заметим, в данном случае нами указывается лишь на одну из областей применения информационных технологий, которые несомненно всё более будут разветвляться и проникать в любые из областей человеческого познания. Речь же идет о возможности применения информационных технологий и вообще во всех без исключения областях человеческого познания.

Не исключена возможность познания и самой мысли и аппарата мысли, как некоего материального континуума, по нашему определению, данному выше.

Наше познание безусловно включает познание и самой мысли…

Но только с конвергенцией или превраще-

нием человека в чистый дух, только тогда нам откроется и механизм самого духа…

До тех же пор мы всё будем стоять перед ним всё в тех же вопросах, всё в том же недоумении…

Ибо что бы там ни было, самое это превращение может явиться лишь как следствие полного преобладания духа над мыслью, то есть как следствие последнего этического самоусовершенствования человека, при котором мысль как таковая отпадет, сделавшись ненужной, и целиком перейдет в дух, собственно растворившись в нем как материальный и временный элемент, данный нам на каком-то этапе в качестве вспомогательного и примитивного момента для своего восхождения к духу.

Здесь и вся разница между шарденовским и моим, таким, как я вывел его, умозрениями.

Ибо мысль, сама по себе, по моему убеждению, есть ни зло, ни добро. Я её исключаю из момента психического и личностного, то есть духовного, компонентов, как систему саму по себе сугубо инертную и подчиненную, автоматическую, как власть исполнительную и саму по себе ничего не значащую пред властью и законом духовным.

Зло – в отсутствии духа (прежде всего как этической категории), отсутствии, чреватом злоупотреблением мыслью…

Божие, собственно Дух, как я это понимаю, войдя в нас и захватив целиком все области сознания нашего, сделает проблему собственно злоумышления неактуальной, она исчезнет в силу полноты Духа…

Всё это не означает на каком-то последнем этапе человеческой эволюции отсутствие мышления как такового вообще, - просто это будет иное мышление, которому не нужен будет в сущности своей громоздкий нынешний его аппарат, как не нужно будет и вообще физическое тело человеку… Мышление это будет означать мгновенное схватывание самое сути вещей (мы говорим условно) без всяких вычислительных моментов или чего-то, подобного им…

Так мы знаем, что нас любят… Не вычисляя сего в уме…

Нам просто трудно и, пожалуй, невозможно представить, как это будет на деле в тех областях, которые ныне непредставимы без вычисления для постижения своего… Но так будет по закону всё расширяющейся и углубляющейся полноты духа…

И мышление это, иное, духовное, по моему разумению, никогда не окончится и не завершится, в некой точке, как об этом говорит Шарден, всерасширяющегося и вне размеров - экстаза, подразумевающего слияние одной части человечества, и отделение от этой блаженной части и отдельное существование - другой его половины, остановившей свой выбор на любви к мысли…

Я за духовное мышление, протекающее в экстазе - всего и целого - нераздельного, хотя и неслиянного, по Евангелию, единого человечества…

Поэтому и не будет, на мой взгляд, разделения универсума на людей мысли и на людей духа, как говорит Шарден, на тех, кто останется мыслить и познавать, и на тех, кто предпочтет собственно как таковое слияние в экстазе… Ибо мысль просто обретет иное качество… Качество всепонимающего и всесхватывающего духа… И это новое качество не потребует разделения и не будет нуждаться в таком разделении… И в то же время оно вовсе не будет означать некоего совершенного и завершенного в себе процесса, некой последней самодостаточности духа… Такая самодостаточность смерти подобна…

Так Бог, будучи будто бы самодостаточным, в то же время и тем не менее занялся творением человечества… По тому же принципу и наш дух найдет, чем ему заниматься…

И вот даже почему мы никак не остановимся в неком своем развитии, ибо развитие духовное не знает подобного рода определений, они попросту неприложимы к нему…

И к этому еще несколько соображений…

Для акцентирования нашей мысли чуть вернемся назад, и далее развернем её снова…

6.

Наше сознание, и насколько я смог понять, не только обычное, обыденное и обывательское, но и сознание собственно научное, если можно так выразиться, уже не поспевает за осмыслением всех научных открытий, совершенных тем же сознанием. События и факты из научного мира, поражающие нас, проносятся какой-то бесконечной чередой перед нашими глазами и, не дав сколь-нибудь осознать себя, тут же и безна-

дежно устаревают перед явлением новых и еще более потрясающих.

Наука мчится вперед, омолаживается и тут же стареет в своих свершениях, подбираясь к новым.

Мир будто бы каждый день умирает и тут же возрождается в ином неком и новом качестве.

На те же компьютеры, восхищавшие нас еще какой-то десяток лет назад, ныне мы смотрим, как на некую рухлядь, громоздкую и неуклюжую, перед поколением новых, изящных и миниатюрных, которые мы носим в кармане.

Тем удивительней, во всяком случае, в моих глазах некая неизменная и не меняющаяся константа и высота духовных творений (в литературе, музыке, живописи, архитектуре), как созданных ныне, так и тысячи лет назад, которые не устают восхищать нас и не теряют ни грана в наших глазах ни в совершенстве формы, ни в качестве и глубине мысли.

Поразительно: мы не в состоянии привыкнуть к ним. Эти духовные формы и смыслы не устаревают. Не дают и не позволяют наскучить нам. Вот в чем и где загадка этого мира и самое нас.

Как если бы было однажды дано нам нечто столь высокое и совершенное, что по совершенству своему и своей высоте по определению и по существу своему не подлежит ни тлению, ни устареванию, ни привыканию к нему, заключая в себе некое бесконечное разнообразие и будто бы невозможную и однако бесконечно длящуюся самораскрывающуюся в самое себе глубину, которые не знают и не ведают о границах этого самого совершенства и глубины, вообще не знают ни границ, ни пределов.

Это то и заставляет относиться к духовным явлениям, как наивысшим, которыми начинается творение, и в чистых формах которых, как в формах существования нашего, и завершится же наше человеческое преобразование, претворение и преображение как вида. Но это такое преобразование, в котором нет, не будет и не может быть пределов и границ для самоосуществляющего себя разума.

Так точно разом, безнадежно и вдруг устареют и научные факты, которыми я оперирую в настоящей книге. Но духовные смыслы останутся.

Они не уйдут. Они просто обретут иную, еще неведомую нам глубину.

И с нами же останутся все наши вопросы. Разрешенные в тех или в иных смыслах, они откроются в новых…

Тайна, проявленная в одних гранях, засверкает другими, соблазняя нас неизбывной своей непостижимостью и заставляя подвигаться вперед, всё далее и далее…

Мы это и сейчас знаем. И когда-нибудь поймем окончательно: совершенство технологий и даже самого разума – это всегда относительно…

Проблемы любви, благодати, блаженства, покоя или движения нашего духа – постоянны…

Они пребудут и воссияют в новых сладостных, в невыразимых ныне прекрасных формах, как, впрочем, при своих трансформациях столь же для нас болезненных, и даже до острых и режущих болей, сколь и прекрасных по преодолению их…

Существо движения не в бесконечном прогрессе, как он понимается ныне… Дух на каком-то этапе вполне и совсем овладеет материей. И в этом смысле прогресс как бы лишается самое себя, выпадая из самого бытия как некая земная его категория. Само понятие прогресса как бы одухотворяется, то есть в одно время с переходом или метаморфозом человека в чистое идеальное бытие. Но это такое бытие, как мы можем догадываться и как мы частью показали выше, которое не знает пределов и границ для своего самосовершенствования и самореализации в бесчисленных и бесконечных своих выражениях, нюансах и переходах,– и тут важно понять и достичь всей глубины и непостижимости этой мысли - такова сама реальность духа и духовных дефиниций… За этой мыслью стоит и на ней покоится по существу весь человеческий опыт и в ней же заключается и по ней идет и всё движение человеческого духа… И это такое движение, мнится, которое ни на миг не даст нам расслабиться и остановиться в свершениях нашего духа…

Несть и не будет числа всем глубинам и всем его горизонтам…

Ибо, повторюсь, такова сама реальность духа и его бытия…

Наконец, как бы мы ни судили и ни рядили о нашем будущем, мы в состоянии набросать только весьма и весьма смутный абрис

и очерк этого самого будущего. Рационально оно непостижимо. Ибо течение его будет осуществляться в иных измерениях пространства и времени, где всё будет не так, как у нас, а иначе… И это иное, как знать, – опять же, – не исключено, еще и не однажды повторится, то есть впадет в очередной метаморфоз, и придет к некоему новому своему качеству, когда очередной финал станет очередным началом нашего бытия, и когда снова нужно будет начинать как бы опять и всё сначала, с чистого листа … Если и может что-то открыться нам, то лишь в ощущении, только в видении, не имеющем мысли и не имеющем в себе ничего рационального…

7.

Вселенная в сознании нашем не имеет начала, оно может быть названо и принято только условно, по негласному договору, как нечто вероятностное, но не определенное, отодвигаемое сколь угодно далеко…

Вот только два из таких начал из целой обоймы подобного и разного рода версий.

До нашей Вселенной была другая Вселенная, которая схлопнулась в ничтожно малую точку, и уже только эта точка, как следствие предыдущей Вселенной, породила Большой взрыв, давший начало нашему миру. Потом наша Вселенная схлопнется и в свою очередь породит другую. И так далее. Мироздание циклично. Это последнее из допущений современной физики, которое принадлежит неистощимому уму сэра Ричарда Пенроуза[8], уже упоминаемому нами в сочинении…

Сколько блюд в нашем меню, столько же может быть и начал. Столько же может быть и моделей Вселенной. Наш ум свободен. Одна из моделей представлена в названии самой указанной выше статьи: наш мир – есть матрица. Другая, скажем, определяется как некая голограмма[9] всего лишь двухмерного пространства, то есть как некая виртуальная проекция в общем-то плоского мира… Только таким образом якобы можно хоть как-то объяснить возможность мгновенного сообщения между собой элементарных частиц, разбросанных между собой на миллионы световых лет.

Приплюсуем сюда модели Карла Юнга, Николая Козырева, Павла Флоренского…

Мы не можем сказать, где и когда мы сможем остановится на истине.

Как непостижимы начала, так непостижим и финал нашей истории, если, конечно, таковой вообще существует.

Чем более разворачивается перед нами картина мироздания, тем в одно время всё больше и больше ускользает от нас, как это ни парадоксально. И до сих пор всё, чего мы можем достичь, так это только знающего незнания, по определению Николая Кузанского, - мысль, высказанная еще восемьсот лет назад … Точная истина непостижима, как это было встарь, так даже и сейчас…

Мы всё более проникаем в глубины Вселенной, но они отодвигаются от нас… Глубины неисчерпаемы… Тайны всегда будут мучить и дразнить нас… Нам никогда совсем не удовлетворить своего любопытства… И в этом смысле не остановиться в движении своем… Нам не дано умереть от скуки…

8.

Тейяр де Шарден, исходя из положения, по которому на творение человека работает весь вселенский универсум, полагает, что уже постольку и поэтому жизнь человеческая (то есть в данном случае как рода) вечна, она не может быть как-то и каким-то образом уничтожена, - это бы входило в противоречие с самое принципом и механизмом вселенской эволюции…

Это ответ на один из центральных моих вопросов и ответ на вопрос о возможности выживания всего и целого человеческого рода, вопрос, который в эпоху глобальных перемен делается особенно актуальным для всего человечества. Собственно этот вопрос движет и всей моей книгой.

Мыслитель ни на йоту даже не сомневается в положительном разрешении настоящей дилеммы. Логика его как будто бы неоспорима.

Меня же, напротив, раздирают сомнения… Они звучат даже некой доминантой всего хода моей книги…

Еще одно и будто бы весьма весомое доказательство необратимости эволюции дает Курцвейл, - на том же конгрессе «GF2045». Это лишний раз убеждает меня в значимости вопроса. Мыслители никак не обходят его стороной, то есть именно этот вопрос, сущность которого заключается в этической

---

8 *С. Кузина. Вселенная – это компьютерная игра сверхцивилизации. «Комсомольская правда» от 02.02 2013.*

9 В. Лаговской. Внутри Вселенной Бога нет… «Комсомольская правда» от 31.03.2009.

составляющей человечества, - достаточно ли она надежна и высока, чтобы человечество не угробило самое же себя в ходе наращивания своей мощи, своего военного, промышленного и технологического потенциала.

По тому же принципу, как он выводил теорию сингулярности, обращаясь собственно к фактам в их последовательности во времени и в сравнении друг с другом, точно так же Курцвейл составляет разного рода графики, отображающие число конфликтов и войн в истории человечества по мере развития последнего, богатство и бедность, тот же ВВП на душу населения, продолжительность жизни и так далее. И приходит к выводу, что число конфликтов неизмеримо уменьшается, богатство растет, продолжительность жизни увеличивается… «Мир на самом деле становится лучше, - устанавливает Курцвейл. – Мир становится здоровее». Почти по-сталински: жить становится лучше, жить становится веселее.

Да, в принципе будто бы все это так. Как будто бы так.

Но Курцвейл упускает из вида, если не сказать, что игнорирует, как минимум еще два необходимых в этой картине графика, которые, уверен, размазали бы эту картину, окрасив её в зловещие, в отнюдь не обнадеживающие тона…

Это, во-первых, экспоненциально же возрастающее количество рисков гипотетической гибели цивилизации, связанное с неудержимым расширением, ростом мощи технологий и соответствующих этому расширению и мощи масштабу техногенных или, скажем, биоинженерных или вирусных катастроф…

Во-вторых, с уменьшением числа конфликтов в то же время неизмеримо возрастает и также по экспоненте число жертв этих конфликтов, приближаясь к чудовищным цифрам… Мы об этом уже говорили.

Просто напомним… Поименно… Освенцим и Дахау. Дрезден. Хиросима и Нагасаки. Чернобыль. Фукусима.

И даже тот же Карибский кризис, поставивший человечество на грань глобальной ядерной катастрофы…

Полагаю, что этого достаточно…

Вообще, научные факты всё более концентрируются вокруг идеи, по которой история человеческой цивилизации начинается уже не в первый раз.

Что до гипотезы Шардена, то покамест она остается не более чем гипотезой. Далеко не факт, будто бы мы явились вследствие некоего имманентного развития и усложнения материи под воздействием панпсихических энергий целого универсума…

Иначе говоря, все тревоги человечества и, в частности, выраженные в настоящей книге, остаются в силе…

Сказочная картина преображения человеческого, набросанная в данной главе, да, возможна, но лишь при условии соблюдения евангельской этики.

И, не исключено, при некой попытке ренессанса Христа, Божьего образа, приведенного по необходимости человеческой мыслью к современной его и согласующейся с современностью ипостаси.

9.

Как человеку двадцатого века, вышедшему из недр советской сугубо материалистической системы, мне трудно войти в церковь так, как она есть.

Но я верю в Христа. Как посланника от иной и высшей реальности. И да, вера моя, она от ума и поверена логикой, - но чем сознательней, тем, может, крепче она. И – что бы там ни было теперь – Христос в сердце моем. Как высший – мета-физический и – мета-исторический образ. Я пропустил этот образ через себя.

Я не могу быть человеком молитвы и не являюсь им. Но я сверяю, поелику возможно, свои поступки, свой образ мышления, свою этику с христовой и пытаюсь следовать ей. И это, может быть, и уже не мало…

Я полагаю, что Христос при своем воплощении говорил с людьми на том языке и тем языком, который был обусловлен временем его воплощения. При любых обстоятельствах он должен был быть современником… Иначе бы его не поняли… Отсюда же для нас, людей нового времени, те или иные странности, которые мы усматриваем в богоявлении Христа, - эти странности покоятся в области собственного нашего сознания, и только….

Я не исключаю второго пришествия Христа. Но только в том случае, если человечество не сумеет справиться с вызовами собственного разума и окажется на той грани, при которой речь пойдет о его выживании…

Но Христос, если он явится, то уж явится в ином обличье и обетовании, может быть, в качестве мета-физика… Во всяком случае, уже во всем блеске своего разума и ума, не прикрытого иносказаниями или притчами.

Я не верю ни в ад, ни в чистилище, ни само собою, в дьявола. Для меня это просто метафоры, олицетворяющие зло в этом мире, зло, являющееся следствием и порождением несовершенства среды и самой эволюции вещества и мира, которые слишком вариативны, чтобы избежать ошибок в своем саморазвитии. Саморазвитие же это задано высшим разумом. И не более и не менее того.

Испытание Христа дьяволом – это борение в самом Христе высшего и божьего с низменным и человеческим, ставшим в Нем вместе с плотью. Это та же метафора.

Суда в конце времен не будет. Ибо судить будет некого. Ибо к тому времени, когда начнется процесс отделения сознания от плоти человеческой, сознание человеческое уже станет совершенным.

Зло будет побеждено в мире.

Ибо зло – не есть происки дьявола, зло это не в дьяволе, но в самом несовершенстве природы человеческой, коя была тленной, но станет безусловно и предопределенно бессмертной…

Что до изобилия, то и уже на подходе овладение человеком такими энергиями, с помощью которых можно будет насытить не только и не одну землю и человеков на ней, но и всё живое, что есть во Вселенной…

Заселение и оживление целых планет, по Николаю Федорову, - безусловно. И это заселение, скорее всего, произойдет еще до преображения человеческого в духе…

Планет же, подходящих для человеческого обитания, во Вселенной много, - об этом уже говорит и наука. Вопрос в том, чтобы достичь их и приспособить к человеческим нуждам. Но и этот вопрос отпадет при технологиях, которыми чревато будущее. И, как знать, может быть, такие планеты будут искусственно созданы.

10.

Евангелие не говорит, какими мы будем. Но оно говорит, что мы изменимся, словами апостола Павла…

Священнописание мудро… Оно не рассказывает, как был устроен рай. Доподлинно рассказчикам было неизвестно это. Место вещей, деталей и даже явлений в нем занимают символы и метафоры. Тайна окутывает самое явление Сада. Тем более даже Евангелие не дает картины еще предстоящей миру и совершенной жизни… Уже по одному тому, что это есть другой мир… И там всё будет не так, как в этом…

Священнописание ни в чем и никогда не лжет…

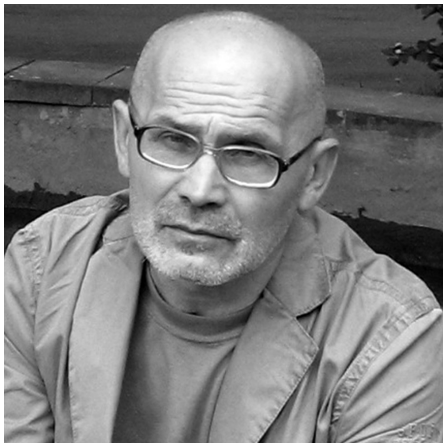
Но если мы говорим о будущем рае, подразумеваем, что это будет такой рай, в котором найдется всякому место, ибо обителей у Господа много. Это будет такой рай, в котором все злодеи будут обращены к свету, по молитве Божией матери. И в этом раю найдется место всякому занятию, если оно Божье, - умному, творческому или художественному, или духовному деланию. И всякий удовлетворит там свой дух и свой ум, но, как и встарь, не найдет последнего и конечного успокоения, ибо тогда чем же и заниматься духу…

Занялся же Господь, повторим, творением человеков…

Для боязливых же и сомневающихся скажем так: отсутствие плоти и житие в духе означает лишь совершенство и - утончение - всяческой мудрости и всяческой сладости и даже самое боли – в означенном, отнюдь не лишенном метаний, - духе…

2010 - 2012 гг.

ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ



ЖИЗНЬ НА КРАЮ СВЕТА

Милостив Бог к России!
То, что судил ей – скрыл…

Над суетой крысиной
трепет незримых крыл:
ангелы пролетают…
если бы знать – куда?
мается Русь Святая,
страшного ждет суда…
скоро, по всем приметам,
время сойдет с ума.

– Что там, за краем света?
– Там ничего… и тьма.

Беды, что впредь грозили,
день ото дня бледней:
милостив Бог к России –
счастлив, кто в доле с ней;
счастлив, кто под опекой
ангела своего
до скончания века
и до конца всего, -
будь ты во всем разиня,
будь ты на все мастак…

Милостив Бог к России…
Что же с нами не так?

Жизнь не дает ответа,
может быть, лишь намек:
где-то за краем света
теплится огонек.

АПРЕЛЬСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Этой ночью снова не спалось.
Что-то в этой жизни не сбылось.
Что тревожит, мимо сна скользя?
Ни избыть, ни осознать нельзя.
Сердце западает в пустоту…
Быть собой почти невмоготу.
Что тому причиной и виной?
Словно кровь отравлена весной...

Эта ночь течет как черный мед,
словно время замедляет ход,
наполняя память, словно сон...
снится город; с четырех сторон
улицы идут из темноты,
обретая формы и черты;
спящие собаки у дверей,
меркнущие нимбы фонарей...

Ни одной живой души окрест;
только серый сумрак очи ест;
тротуары тянутся к утру,
и деревья стынут на ветру
хладнокровном, - воздуха глоток
тает, как целебный холодок;
призрачное бремя тишины…
так вершится таинство весны.

Ты не знаешь, правда или нет,
этот полусон и полубред…
ты не понимаешь, что с тобой –
сбой в судьбе и в мыслях разнобой,
а в душе, как талая вода,
сладкий трепет страха и стыда…
оттого ты словно сам не свой, -
оттого, что ты еще живой.

КОГДА РАСПОГОДИТСЯ

По крышам, как будто сомнамбула,
дождь шел через ночь налегке,
и тайны природы выбалтывал
на тайном своем языке;

внимая его откровению,
я думал: зачем я живу?
и помнил до самозабвения,
о чем забывал наяву –
что сальдо по жизни не сходится,
а время выходит уже…

Надеюсь, на днях распогодится,
и станет ясней на душе –
и солнышко станет над лужами,
и ветер пройдет над жнивьем,
и все образуется к лучшему…
Бог даст, мы еще поживем!
И жить будем вольно и медленно,
не думая век ускорять –
и дни, словно денежки медные,
то тратить, то даром терять…

СТАНСЫ ИЗМЕНЫ

Я изменился… измена
сущность мою изъела;
что-то во мне сломалось…
то, что осталось – малость.

Малость живет как может,
хочет много и сразу;
но червь сомненья гложет
мой недозрелый разум.

То ли гонимый роком,
или же ненароком –
рыщет дух мой по свету
по своему же следу, -

неприкаян, как демон;
современники! где вы?
эта страна – иная;
чья она, я не знаю.

Прошлое стало ближе
будущего в отчизне, -
смысла нынешней жизни
я, хоть убей, не вижу.

И от утрат к утратам,
время во мне мелеет…
Тот, кем я был когда-то,
ни о чем не жалеет.

Он не утратил веры,
но не умел жить роем, -
и не хотел быть героем
нашей всеобщей эры.

Пахнет эпоха щами –
сытно, скучно и тошно…
Он мне простил все то, что
я себе не прощаю.

ПЯТЬ ПЯТИСТИШИЙ

* * *

Что-то не так в этом мире;
как будто, оставшись девой,
надежда стала вдовой.
Падает, падает, падает век
в бездну между людьми…

* * *

Все, что становится лучше,
чем хорошо по жизни,
исчезает из этого мира;
все, что стремится к совершенству,
Бог себе забирает…

* * *

Тот, у кого есть воля,
но у кого нет цели, -
поневоле свободен…
все-таки смысл человека
не свобода, а радость.

* * *

Разве можно спасти
тех, кто не верит в себя?
Дни идут чередой…
Ангел календаря
не опускает крыльев.

* * *

Все, что разуму нужно,
чтобы не потеряться
в лабиринте иллюзий –
нить путеводной мысли,
протянутой через время…

ВАЛЕНТИНА АМИРГУЛОВА

ОРЁЛ – ГОРОД ПЕРВОГО САЛЮТА

Какой в Москве был яркий и сильный первый в истории Отечественной войны салют в честь освобождения городов Орла и Белгорода, совершённый двенадцатью залпами из 120 орудий! Видевшие салют москвичи были поражены его мощью и великим сиянием, утверждающими свободу исконно русского города Орла. Лучи салюта не дрожали и не тряслись, а вверх неслись. А, угаснув, оставляли на тёмном небе светлые следы.

Москвичи, впервые за военные годы видевшие такой замечательный салют, говорили тогда друг другу:

- Русская провинция спаслась.

- Город Орёл возродится и преобразится.

- Орловцы обрели силу и обретут процветание.

Пожилой седой москвич, подняв слабую руку, с верой воскликнул:

- Салют вознесёт души орловцев, если и наши вознёс. Я однажды был в Орле. Это был такой уютный и красивый город по излучинам рек Оки и Орлика. Война его, конечно, придавила, но он восстанет и летящим орлом вновь станет.

В Орле, узнав о салюте в честь родного города, все орловцы очень обрадовались. Как салютные лучики, эта весть стала освещать потемневшие сердца орловцев. О, какое чрезмерное было в их сердцах сокрушение и желание отмщения врагам! В глазах посверкивали нетерпение, ярость, ненависть, мстительность, а у иных проявлялись слёзы уныния, отчаяния, в тела врывались разные болезни. И злострадающие, и мужественные переносили многие часы горестей. И всё больше растворяли слезами тяжкие печали и горечи, сокрушающие сердца. А многие даже становились терпеливыми к злостраданию. Людям пришлось вытерпеть большое ожесточение фашистов, требовавших, чтобы все устрашились и не вооружались против них, не отваживались бороться. Лукавство, жестокость, коварство, хитрость врагов ущемляли сердца орловцев.

Сколько людей умерло от голода во время оккупации! В Первомайском сквере несколько дней на деревьях висели тела Алексея Матвеева, Ивана Кочергина, Дмитрия Ключникова, которые отказались работать для немцев. Были схвачены и казнены ещё немало членов подпольных организаций. Столько испытаний выпало на долю орловцев!

Уничтожены были заводы № 5, имени Медведева, № 9, «Главпищемаш», обувная фабрика имени Коминтерна, пивоваренный завод, два хлебозавода, швейная, шпагатная, трикотажная, кондитерская фабрики, электростанция, винный, водочный, асфальтный заводы, трамвайный парк, четыре водоносные станции, два банно-прачечных комбината, типография «Труд», фабрично-заводские училища трёх заводов, железнодорожный узел. Взорваны два чугунных моста через реки Оку и Орлик и шесть деревянных мостов. Уничтожены здания учебных заведений и учреждений культуры, больницы, поликлиники, санатории. Взорваны и сожжены многоэтажные дома. О, сколько взорвали и сожгли зданий немецкие войска, когда отступали! На оставленных фашистами минах гибли солдаты, мирные люди и в первые дни после освобождения…

После освобождения и первого салюта Орёл вдруг в одночасье стал оживлённым, несмотря на многочисленные разрушения. Как много дней орловцы в своём городе не пели, не танцевали! А теперь они поверили, что Орёл опять начнёт возвышаться и будет не только восстановлен, но и ещё больше украсится, как это было в минувшие века после нашествия врагов.

На лицах людей отражалась радость. И хотя иные горожане валились с ног от болезней и продолжавшихся переживаний, те, кто воспринял прилетевшую радость, были бодры, несмотря на утраты, и стремились помочь другим людям. Новые дни стали по-настоящему радостными. Всех удивляло, как по-особому засиял на улицах свет. До этого под гнётом оккупантов люди пребывали как бы в замкнутом мире и в собственном пессимизме. И вот теперь проявилась надежда, что скоро закончится Вторая мировая война, самая страшная в мире война, воцарятся вновь мир, братство и справедливость.

А родственники погибших всё ещё не могли сдержать слёз. Но плач замолкал, когда орловцы начинали их благодарить. Многие низко кланялись им, восклицая:

- Вас будут почитать орловцы всех времён.

Некоторые даже целовали орловцев, потерявших родных…

Однажды на правом берегу Оки собрались люди искупаться. Именно в этом месте была расположена памятная многим пещера в каменоломнях. Искупавшись здесь и загорая под ярким солнцем, орловцы вспоминали своё место защиты: многие прятались здесь, когда бомбили город. Пещера спасла не только от бомбёжек. Перед отступлением немецко-фашистских войск военным комендантом города было дано распоряжение: «Орёл объявляется боевой зоной. Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покидание города в другом направлении будет воспрепятствовано силой оружия. Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет, способные носить оружие, будут задерживаться. Они избегут задержания только тогда, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице. Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречаться на улице, будет расстреляно».

И вот теперь, после освобождения Орла, орловцы, сидящие у пещеры, вспоминали это своё тяжелейшее испытание. Высокий мужчина со светлыми волосами воскликнул:

- Вот мы, жители Пятницкой слободы, не желая покинуть город, прятались в пещере.

Купальщики стали кланяться пещере, словно живому спасителю. Некоторые вошли в неё, чтобы явственно вспоминать свои прежние впечатления. Там также был влажный воздух. Пещера многими воспринималась, как и прежде, как родной дом. Но если прежде здесь все сидели с тяжёлым молчанием, то теперь весело пели. И выходили из пещеры с просветлёнными лицами. И молодые, и старые звучно выкрикивали:

- Мы – орлята, а враги наши – волчата!

- Они злобные. И от своей злобы пострадают!

- А мы теперь будем жить и России служить!

Возгласы были такими радостными. И на них живо откликались птицы, которые сидели на деревьях у берега, тоже весело свистали. И в ответ орловцы запели, желая и себя ощутить летящими ввысь орлятами.

Седая бабушка, сидящая на камушке, придерживаясь за ветку дерева, со вздохом произнесла:

- Смогли бы мы спастись без этой пещеры? Нет, погибли бы.

Стоящая рядом женщина с рыжими волосами и светлыми глазами сказала в ответ:

- А мы прятались в подвале школы и тоже спаслись. Не пещера спасала нас, а город. Давайте теперь жить и его сторожить.

Многие закивали головами, а те, кто плавал в реке, начал помахивать руками. А после купания, когда загорали, некоторые орловцы стали рассказывать о своих несчастьях и обстоятельствах спасения и жителей города, и селений. Темноволосый, бледнолицый, с раной на губе мужчина вспоминал:

- Как же много орловцев отправляли в Германию! А тех, кто не желал отправляться в Германию, расстреливали.

Мужчина рассказывал о своих погибших знакомых. А стоящий рядом розовощекий парень весело воскликнул:

- А вот моему другу Виктору Широкову удалось чудом спастись. Он обратился к блаженному Афанасию Андреевичу с вопросом: «Что нам делать, как поступить? Мы не хотим идти в Германию. Нас расстреляют?» Блаженный взял за руки Виктора и соседа, повёл к зданию школы, которая находилась в соседнем дворе, указал, где спастись, под плитой, рядом с фундаментом. Они залезли туда. Когда немцы обшаривали все уголки и открыли люк, в проёме показались лицо эсэсовца и морда овчарки. Немец гортанно дал ей приказ, чтоб искала прячущихся. Собака спрыгнула в подвал, обнюхивала три угла. А на тот, где сидели люди, даже не глянула и выскочила на свет… Люк закрылся: по молитвам блаженного Виктор с родными спасся.

Стоящая рядом женщина с длинными светлыми волосами и серыми глазами воскликнула:

- О, какое испытание всем нам было! У моей подруги Александры Петровны Кашириной сын Сергей помогал снять с дерева упавшего со сбитого самолёта лётчика. Александра Петровна спрятала и лётчика, и мальчика под печку. Немцы зашли в этот дом и спрашивали у неё: «Где лётчик?» Она ответила, что не знает. Потом, когда Серёжа вышел, оккупанты его схватили, и ребёнок пропал. Другой сын Кашириной, танкист, в Белоруссии погиб… Многие мои знакомые погибли.

Стоящая рядом молодая женщина тоже со вздохом произнесла:

- Моих знакомых Ивлевых и многих других в Германию отправляли.

Подошедшая седовласая старушка добавила:

- И многих моих знакомых угнали, и родственников из деревни Мишково Залегощенского района: художника Минаева Александра Степановича и сестру Марию Федотовну. Там, в Мишково, повесили сорокалетнюю женщину, отказавшуюся от отправки в Германию… А остальным, ох, как трудно пришлось на пути, в брянских лесах.

Мужчина спросил старушку:

- Они были, там, где Белые Берега?

- Да.

Мужчина воскликнул:

- Там были наши партизаны. Они многим помогали.

Все обрадованно зааплодировали. А бледнолицая орловчанка вдруг заплакала по своей убитой дочери. И вдруг небо затянуло облаками, И начал капать дождик.

- Вот и природа оплакивает наши несчастья! - воскликнула розовощёкая женщина.

Раньше все орловцы старались убежать, когда начинался дождь. А теперь смотрели на небо с любопытством. Дождик немного покапал и перестал. И снова весело засверкало солнце. Ясноглазая женщина воскликнула:

- Будем жить теперь без врага! Какая радость, что разбит хребет фашистского зверя!

Это восклицание всех обрадовало. И начали петь. Голоса высоко возносились вверх.

По всему городу орловцы вспоминали и свои несчастья, и своё спасение. По улицам Пушкинской и Московской, по которым в город вошли советские танкисты, стало много гулять немало горожан. Если минувшая оккупация виделась им кромешной тьмой, то с приходом освободителей словно звёздочки засверкали. И эти звёздочки западали в души и освещали их большой радостью. Много слёз лилось у орловцев и много благодарных слов звучало, когда в Первомайском сквере стали хоронить в братской могиле погибших героев-танкистов, освобождавших Орёл. Орловцы перед каждым телом убитого воина кланялись и говорили:

- Вы наши защитники.

- Нас спасли, а сами погибли.

- Будем вас благодарить не только сейчас, но всегда.

- Память о вас в городе будет великая.

И началось увековечение памяти с устроения на братской могиле земляного холма-пьедестала. На нём был установлен подбитый в последнем бою танк Т-70 роты старшего лейтенанта С.В. Марченко.

Орловцы кланялись танку и даже обращались к нему, как к живому существу:

- Благодарим тебя за наше спасение!

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

И ВНОВЬ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

* * *

Памятью сердца дарованной доли
Мчимся из суетной жизни-неволи
В солнечных бликах к родному порогу,
К вербному пуху, ольховому логу.
Мчимся в надеждах своих сновидений
К песне скворцовой и льдине весенней,
Мчимся, чтоб в радости детства
кружиться,
Родине милой душой поклониться.

* * *

Вот и я, золотые метели-
Шелковистые пряди берёз!
Я люблю тебя с колыбели,
Заводь тихая синих стрекоз.
Пряный дух и с горчинкой калина
Растревожили вдруг неспроста.
Лопухи, буераки, рябины
И река, и грибные места…
Только жаль, что сюда я наездом
Прибываю в который раз.
А когда-то все тропочки лесом
Я знавала… Кто голос подаст?

* * *

Мне б за печали награду:
Травы да в блёстках росу,
Кипень весеннего сада,
Заводь, над речкой лозу
Да средь колосьев тропинку,
Донник и синь васильков,
И на заутрене крынку
С тёплым парным молоком.

БЫСТРИНА

Очерствели души – к бедам…
Зло, кровавее зари,
Всё идёт, идёт по следу,
Где летали снегири,
Где свирели пели, гусли,
И дубы шумели встарь,
Где веками пахло Русью,
И манил простор и даль.
Размывает как быстрина
Камень наших берегов
Зла вселенского личина,
Что страшнее всех врагов.

* * *

Не замечали мы любви дары,
Несправедливы были и пристрастны.
Сегодня поздней мудростью мудры:
Как мало времени осталось
и пространства!

СТАРОСТЬ

Палка, калоши,
пуховый платок…
Тяжкая ноша –
скитаний мешок.
Радости малость:
дорога плохая.
Старость досталась
без сил и слепая.
Как быстротечна
жизни волна:
Думать о вечном
настала пора.

* * *

И вновь звонят колокола
В тени кладбищенских ракит.
Кого-то вечность позвала.
Тоскою звонной грудь щемит.
Уходит жизнь, а с ней – весь мир,
В нём чьё-то солнце и земля,
И свой Бетховен, свой Шекспир,
Свои пшеничные поля.

* * *

Что там, за гранью зазеркалья?
Мир тайных сфер и плоскостей,
Иных времён, пространств дыханье,
Скопленье мыслей и страстей?

Там и виденья, и фантомы,
И параллельные миры,
И проступившие разломы
От дерзкой Разума игры.

* * *

Святому не заказан на земле предел –
Над церковью светился в злате крест,
Светился голубь, что к кресту взлетел,
Светились облако и краешек небес…

ВЫСЬ

Под куполом порушенных церквей
Поток неведомой небесной силы
От ликов скорбных и земных болей,
От звёзд, струящихся сквозь своды в дыры.
Снисходит в храмы благодатью высь,
Пролившись к алтарю, в песок и камни,
Пронзая сердце скорбное и мысль
Мечтою дерзкой о небесной гавани.

* * *

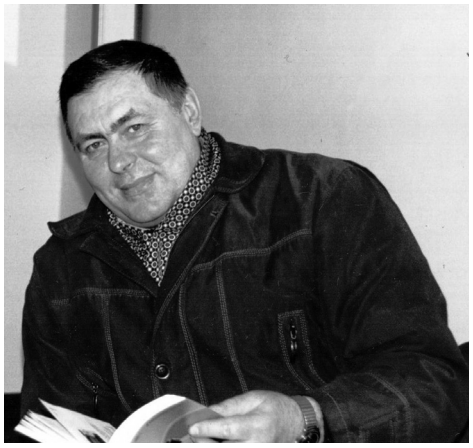
Всё было, было до меня
Воспето дивными строками:
Лазурность неба, святость дня
И звездопады над лугами…

Всё было: ласковость ночей,
Ресницы полевых ромашек
И меж ветвей лесной ручей,
И кони в золотых упряжках…

И был шекспировский сонет
И стих пленительный Петрарки…
Всё до меня – весь мир воспет
Неповторимо, страстно, ярко…

Где слово, образ, тот язык,
Что мог по-русски распахнуться,
Чтоб в сердце сразу и под дых,
И от любви не задохнуться?

ГЕННАДИЙ ПЕТЕЛИН, Мордовия



Во все времена Россия и ее могучая литература прирастала талантами из провинции. Потому и не удивился я, когда судьба свела меня с мордовским писателем Геннадием Николаевичем Петелиным – вот и еще один животворный родник пробился среди лесов Мордовии. В родной республике Петелина знают, по его роману «Безгрешны только Боги» филологи защитили диссертации, знают и любят его читатели, отмечен он и руководством республики, награжден Почетной грамотой за творческую и общественную деятельность. Немало сказано о Петелине в интернете. А вот столичным критикам все недосуг выглянуть за Садовое кольцо и обратить внимание на талант скромного писателя из поселка Зубова Поляна.

Геннадий Петелин – традиционалист, в его романах, повестях и рассказах нет эротических сцен, нет насилия и постмодернистского штукарства, герои его – простые люди, сельчане, горожане, словом, труженики, есть и сбившиеся с пути – время-то лихое, но им писатель хочет помочь, окормить духовным теплом, а не отталкивать. Проза Петелина многоцветна, в ней сохранены краски и запахи родной природы. И еще в его прозе живет музыка. Прислушайтесь! «Ветшают год от года стены церкви с прогнившими луковицами куполов. И поля в округе каждое лето густо порастают сурепкой и васильками. Непонятно, голубое лежит на желтом фоне или желтое на голубом»… (рассказ «Дом на окраине села»)

В последнее время лед вокруг писателя Петелина, похоже, протаял, начали печатать его в столичных журналах – тонких и толстых. Пожелаем ему удачи. И еще: Мордовия – обретенная для Геннадия Николаевича малая Родина, а родился он в деревне Тростниково Орловской области. А всяк, кто родился на Орловщине, богат языком, настоящим, русским, каким писал Иван Алексеевич Бунин.

На мой взгляд, было бы справедливо отметить творчество писателя Петелина одной из престижнейших Всероссийских премий – литературной премией имени И.А. Бунина. Убежден, Иван Алексеевич поддержал бы меня.

Юрий Пахомов, Москва.

ЧЕРНАЯ ЛЕБЕДЬ

1

Электричка с ярко-желтыми полосками и огромным, как у сказочного циклопа, глазом – фарой на покатом лбу следует от одной станции к другой, где медленно, где резко набирая скорость с шумом, присущим только ей одной трудяге, перевозчице многочисленных людей со скромным достатком.

Более десятка лет ездит на этой электричке Владимир Метелкин. Постоянных пассажиров он знает в лицо и по имени. И сам примелькался до такой степени, что даже контролеры никогда не обращаются к нему с требованием предъявить билет. На Владимире линялые джинсы и темная рубашка свободного покроя. Передвигается он стремительно, быстро. При нем в поездках всегда небольшая походная сумка, перекинутая через широкое плечо. В ней пара блокнотов, набор авторучек, портативный диктофон и цифровая фотокамера. Темно-серые глаза Владимира постоянно задумчивые. Редко когда его голова свободна от дум и мыслей. Он — собственный корреспондент газеты «Желанные новости».

Хлеб журналиста не из самых легких. Дня не проходит, чтобы не позвонил заведующий собкоровским отделом Иван Заморочкин, старый прожженный газетчик с седеющими волосами. Он прославился тем, что, будучи учеником четвертого класса, опубликовал в «Пионерской правде» смешную заметку о председателе колхоза. Ивану Заморочкину нравилось по телефону давать Владимиру указания:

— Старик, нужен зубодробильный материал, сам понимаешь, началась подписная кампания. Читатель пошел ушлый, серятиной его не проймешь…–Дальше следовал намек на то, что, возможно, будет сокращение, и под него в первую очередь, может угодить собкоровская гвардия. И так из полугодия в полугодие.

— Постараюсь, — смиренно отвечал Владимир.

Он держался за свою работу: мотался едва ли не ежедневно из одного ему подконтрольного района в другой, подключал к сбору информации самим же созданную агентуру, состоящую из надежных и проверенных людей. Многие из них — бывшие герои его публикаций. С Владимиром охотно сотрудничали и сельчане, и горожане, находящиеся в конфликтах с чиновниками. С ним искали встречи, ему слали письма. Владимиру нравилось писать материалы в защиту несправедливо обиженных. Когда он бывал в своей редакции, то Заморочкин его одобрительно похлопывал по плечу:

— Ты, старик, скоро переплюнешь меня, зубра отечественной журналистики. Так держать! Браво!

2

Жизнь словно подменили, спустили с тормозов. Владимиру, как и многим его сверстникам еще сравнительно молодого возраста, приходилось приноравливаться, подстраиваться к быстро меняющемуся миру. Уже чем-то допотопным, старым веяло от стрекотания печатной машинки. Свои материалы Владимир набирал на компьютере, отправлял их в редакцию не по почте, а перегоняя по факсу. Все менялось. Даже электричка и та стала другой: не ходили по вагонам неряшливо одетые старики и старушки и просто спившиеся люди, чтобы поживиться пустыми бутылками. Молодежь, и в первую очередь, студенты, поголовно были вооружены сотовыми телефонами. То в одном конце вагона, то в другом слышались музыкальные проигрыши. С помощью «эсэмэсок» переговаривались, объяснялись в любви. И лишь неизменными оставались голоса торговок:

— Горячие пирожки!

— Лимонад, вода, пиво!

— Семечки, жареные семечки!

… За окнами промелькнул ровный строй придорожных посадок. Электричка стрелою летела по широкому ровному лугу. От цветущего иван-чая округа казалась розовой — розовый бескрайний разлив. На горизонте видны очертания сел и деревенек, разбросанных по холмам и балкам.

Владимир возвращался из очередной командировки, из села Реутово Верхне-Каменского района. Оттуда в редакцию поступило письмо-жалоба от жителей развалившегося колхоза, где когда-то в советские времена занимались выращиванием бахчевых культур. Тогда хозяйство снабжало овощами все близлежащие районы. Плодородная земля реутовцев находилась вблизи города Верхне - Каменск. У каждого бывшего колхозника остались в собственности по нескольку гектаров земли. Эти свои паи они готовы были сдавать в аренду. В Реутово есть мужики, желающие работать на земле предков. С одним из них, Иваном Ситкиным, Владимир провел полдня. Крепкий, со смуглым загорелым лицом, с сильными, витыми, как канат, мышцами на руках, он производил впечатление человека сильного и беспокойного. Для него посидеть и поспать лишний час не в радость, а, скорее всего, в тягость. Ситкин до развала колхоза работал агрономом. Кто-то из специалистов после того, как обанкротилось хозяйство, подался на заработки в Москву, кто-то прибился к райцентру, а он, сумевший ухватить рядом с селом свой земельный пай, не сдвинулся с места. У него на подворье три коровы, пара бычков, несколько свиней и трактор «Беларусь». Часть пашни под многолетней травой, часть под картофелем и свеклой. Иван не хвастлив, немногословен.

– Если честно, работать приходится много и мне, и жене, и детям. Но бедствовать, нет, не бедствуем.

К Ивану готовы были примкнуть еще три

молодые семейные пары из своих, реутовских. Пытались вместе создать более мощное фермерское хозяйство «Авангард». Весной хотели взять кредит для приобретения техники, элитных семян пшеницы, ячменя и картофеля. У банка, естественно, возник вопрос: «Где гарантия, что ваше вновь создающееся хозяйство будет прибыльным?» Спустя время выяснилось, на землю реутовцев положил глаз глава районной администрации Василий Петрович Давыдкин, расчетливый, пробивной, в прошлом директор маслозавода. На базе нескольких расформированных колхозов он создал агрофирму «Надежда». Это предприятие являлось показательным в районе, не убыточным. Приближенные Давыдкина требовали от реутовских паевладельцев отказаться от земельных наделов, мотивируя тем, что их участки уже который год находятся в плену зарослей крапивы, полыни и сурепки. Мало того, начали угрожать: «За бесхозяйственное отношение к земле будут взиматься крупные штрафы». Это не на шутку переполошило бывших колхозников и вдохновило их на написание письма — жалобы в газету «Желанные новости».

Встречался Владимир и с Давыдкиным. Показывал письмо. Прочитав его, глава районной администрации усмехнулся:

— А что же они хотели? Иметь землю, не трудиться на ней и при этом еще и на дивиденды надеяться? Смешно.

— Но ведь весной находились мужики, готовые впрячься в работу?- возразил Владимир.

— Блажь это все. И Иван хваленый… Надолго ли его хватит? Детям образование даст, и прощай село. Будущее я вижу за хорошо механизированными агрофирмами, такими, как «Надежда»,— твердо стоял на своих позициях глава района.

У Владимира сложилось впечатление, что тот слышит и видит только себя и никого больше. Подходящая тема для размышления: «Кто прав? Давыдкин или Ситкин со своими односельчанами? Сложные земельные вопросы и отношения. А материал должен быть уже завтра на столе у Заморочкина». Честно сказать,Владимира подмывало желание выступить на стороне Ивана Ситкина.

3

По вагону электрички прокатился шипящий шум, а затем скрипучий, режущий слух женский голос сообщил:

— 755 километр. Следующая станция Луговая.

Владимир припал к окну. На платформе небольшой станции стоял коренастый мужчина в очках. В руке он держал объемистый, давно вышедший из моды портфель коричневого цвета. Журналист пальцами побарабанил по стеклу. Мужчина услышал, улыбнулся, шевельнул губами.

— Вижу. Захожу,— считал с губ мужчины Владимир.

Это его давний друг, Михаил Матюхин. Он — учитель истории, а работает в средней школе села Столыпино. Из окна электрички хорошо видна центральная улица с добротными домами, церковь с золочеными куполами, двухэтажная школа с большими окнами. Матюхин живет в городе Беево, работает в Столыпино. Когда ему говорят, что далековато от райцентра отбился, он не соглашается:

— Так уж и далековато? Как же из Подмосковья в Белокаменную по полтора-два часа на работу добираются?

Матюхин никогда и никому не говорит, что в молодости для него не нашлось места преподавателя в Беевской средней школе. Спустя годы та обида улеглась в душе Михаила. Он всерьез занялся краеведением. Его энциклопедическим знаниям многие завидуют. Он безошибочно назовет, сколько выходцев из Беевского района стали академиками, профессорами, заслуженными учителями и врачами. Последнее время увлекся сбором материалов об участниках афганской и чеченской войн. Ему хочется знать, сколько парней получили ранения и увечья, кого доставили «грузом – 200». В своей школе он заведует сельским музеем, который открыт по его инициативе, Матюхина, человека увлеченного, забывающего о длинном, летнем учительском отпуске. В минувшем году музей Матюхина в Российском смотре-конкурсе занял одно из призовых мест. О нем писали в газетах, показывали в телевизионных программах. Директор Беевской средней школы однажды в беседе с Матюхиным сделал ему осторожное предложение:

— Михаил Иванович, переходите к нам, мы для вашего творчества создадим все условия.

Матюхин отказался.

Вспомнилось, что одна из лучших статей об историке-краеведе «Энтузиаст из глубинки» принадлежит перу Владимира.

От разъезда 755 километр до станции Беево полчаса езды. На первый взгляд, этого времени маловато для общения, но тем не менее друзьям, когда они встречались, его было вполне достаточно. Они научились экономно использовать каждую минуту, стараясь как можно меньше говорить о быте, женах и детях.

После крепкого мужского рукопожатия Владимир спросил:

— Как дела?

— Если откровенно, на душе скверно и тягостно. Вечером собирался тебе звонить. В Беево завтра похороны.

— Кого?

— Андрея Смирнова. Того парня, что без вести в Чечне пропал. О нем когда-то давно твоя статья выходила.

— Это значит… — не договорив, осекся Владимир.

— Вчера «грузом — 200» доставили. Я заходил в дом Смирновых… Обстановка — хуже некуда. Клавдию Петровну, мать солдата не узнать. Тужит: и зачем только они с мужем согласились на анализ ДНК. Лучше жить под напряжением, но с надеждой, что мальчик жив. А это… И девушка Андрея, Наташа, не в себе от горя. Подруги ее давно замуж вышли, детей в школу отправлять будут, а она? На ней черное длинное платье, сшитое по образцу и подобию свадебного. Красавица! Как черная лебедь, так и казалось мне, что взмахнет своими гибкими нежными руками и взлетит в небо.Такое пережить…

— Слушай, Володя, я тебе говорил, что собираю материал о парнях, прошедших через «горячие точки». Сейчас оформляю стенд к первому сентября «Современные защитники Отечества земли беевской».

— Люди в отпусках, а ты все в каких-то заботах,— по-свойски мягко сыронизировал Владимир.

— Ты знаешь, мой лучший отдых — это те дни, когда я себя целиком и полностью подчиняю любимому делу,— без обиды отреагировал на слова друга Михаил и добавил: — Я знаю, ты располагаешь богатым материалом о поломанных мальчишеских судьбах. Ты же много писал о наших беевских парнях, может, позволишь мне воспользоваться твоими материалами?

— О чем разговор? Завтра постараюсь приехать на похороны и привезти,— не отказал другу Владимир. Ему нравилось делиться с ним своими профессиональными наработками.

По вагону прокатились шипящие звуки. Последовало сообщение:

— Станция Беево. Следующая остановка — 775 километр.

Михаил, попрощавшись, сошел на своей станции.

Шумно, с металлическими посвистами мчалась старенькая электричка по полям, лугам, с грохотом минуя мосты через реки.

Железная дорога на две половины делила город Громовск. Из головы Владимира не выходил рассказ друга. Около десяти лет ожиданий и надежд на лучшее, и … нет надежды. Есть анализы, взятые у родителей Андрея на ДНК, подтвердившие, что обезображенный труп молодого человека из морозильной камеры — это их сын.

4

Оживленная привокзальная площадь с припаркованными легковыми машинами напоминала крупную автостоянку. Таксисты, шоферы, занимающиеся частным извозом, леваки предлагали свои услуги людям, сошедшим с электрички. Из кафе «Ночные грезы» доносились песни, сильно приправленные тюремной романтикой, словно вся жизнь состоит из Питерских «Крестов» и Владимирского «Централа». В «Ночных грезах» есть комната игровых автоматов, там громовская молодежь проводит свой досуг. Есть в кафе и отдельные кабины для интимных встреч при свечах. За дополнительную плату там предложат и порнографический фильм. Все знают, это модное кафе принадлежит главе районной администрации Николаю Бояркину, точнее, его семье. Всеми делами там заправляет старший сын Петр, имеющий экономическое образование. Ловкий парень. Приобщается к отцовскому бизнесу. Капитал начал постепенно переходить в надежные руки отпрысков. Бояркин мудрец:

— Что я имею? Ничего не имею. У меня даже личного транспорта нет. Езжу, как дурак, на государственной машине.

5

В город Громовск Владимир приехал по распределению. Он закончил факультет журналистики. В районной газете «Время вперед» ему поручили возглавить отдел «культуры и образования». Намеревался набраться здесь опыта и податься покорять Москву. Жил в общежитии для молодых специалистов. Там одну из комнат занимали две машинистки линотипа, работающие в редакционной типографии: блондинка Вера, мечтательная улыбчивая девушка с черными бровями, и развязная подвижная Маша с липучим взглядом серых поблескивающих глаз. Вокруг этих девчонок петушком ходил инженер-конструктор завода «Электроник» Василий Бубнов, несколько полноватый общительный парень, хорошо играющий на гитаре. Его уважала вся молодежь общежития. Василий ухаживал одновременно за обеими девушками, не зная, кому из них отдать предпочтение. Они вместе ходили в кино и на танцы. Когда куда-либо отлучалась Маша, мог запросто обнять Веру, стоило отвернуться Вере, одаривал поцелуями Машу. Сумятицу и разлад во взаимоотношения этой веселой троицы внес Владимир. Когда по графику выпадало дежурство по газете, ему часто приходилось наведываться в линотипный цех. Там его восторженно встречала Вера, восхищаясь его статьями:

— Знаешь, набираю материалы твоих коллег, мне они совершенно не запоминаются. Однообразие, монотонность. А твои! Сами в душу западают.

— Ладно заливать. Пишу не лучше других,— скромничал Владимир.

— Не прибедняйся. Твои статьи украшают газету,— настаивала девушка.

И как-то само собой стало получаться, что с работы Владимир и Вера начали возвращаться вместе. Дорогой говорили о всякой всячине, далекой от работы, обменивались веселыми анекдотами. Ничего казалось бы не значащий треп.

Бубнова насторожила намечающаяся между девушкой и журналистом близость, и он сделал Владимиру замечание:

— К моим подружкам не клейся.

— Только к одной,— отшутился Метелкин, но при этом в нем всколыхнулось до этого дремавшее чувство ревности. Однажды, возвращаясь с работы, он спросил Веру:

— Что общего между тобой и Бубновым?

— Да ладно тебе. Аноды, катоды, триоды… и пара аккордов на гитаре — и весь инженер. Он мне не интересен. Он никогда мне не был интересен,- убедительно, с подчеркнутым холодком отчеканила Вера.

Через полгода молодой журналист и девятнадцатилетняя машинистка поженились. Гуляли на свадьбе Василий и Маша. А вскоре и они связали брачными узами свои судьбы. Когда в семье Метелкиных родился первенец Евгений, молодой семье горсовет выделил двухкомнатную квартиру. Это было великое событие в их жизни: новенькая квартира в новом микрорайоне в двухэтажном доме. В дополнение к квартире им дали еще и вместительный кирпичный сарай.

— Как здорово!— ликовала от счастья Вера.

Через три года родилась дочь. Метелкины подали на расширение жилой площади. В то время Владимир уже работал не в районной, а в солидной газете «Желанные новости» собственным корреспондентом. С ним в районе считались, к его мнению прислушивались, но очередь на получение более удобного жилья ближе не становилась: строили уже не социализм, а капитализм. По прикидкам их очередь должна подойти лет через пятнадцать. Двухкомнатная квартира из-за быстро подрастающих детей становилась все теснее и теснее. И вспомнил Владимир о сарае. Он освободил его от накопившегося хлама, оштукатурил снаружи, утеплил изнутри. Получился небольшой домик. Туда он из квартиры перебазировал книги и архив. Вместились там и стол, и диван-кровать. Сарай превратился в рабочий кабинет. И еще в нем Метелкины - старшие в тайне от детей занимались иногда любовью. Владимир знал, с годами его материалы стали глубже и интереснее, расстраивало одно — от них Вера не испытывала прежнего восторга. Она работала не на линотипе, а оператором, занималась компьютерной версткой все той же газеты «Время вперед». Охладели и ее прежние чувства к Владимиру. На это он обратил внимание, когда прошлой осенью их пригласили на

новоселье Маша и Василий Бубновы. Инженер Бубнов после того, как в трудные девяностые годы на заводе «Электроник» он попал под сокращение, не растерялся, занялся коммерцией. Торговал радио и видеоаппаратурой. Разбогатев, построил большой вместительный магазин. Он хозяин. Жена Маша не работает, воспитывает дочь. У них в доме прислуга. Новенький особняк чем-то напоминает дворец: белоснежный, с огромными окнами, крытый красной черепицей. На первом этаже цветочная оранжерея и бассейн, отделанный голубым кафелем.

В день новоселья Бубнов, как экскурсовод, сопровождал Владимира и Веру по богато меблированным комнатам.

— Это детская, это наша с Машей опочивальня.

В спальне стояла кровать с белыми спинками, белые шкафы, белый стол, на котором красовалась корзина с фруктами: янтарной спелости яблоки, тяжелые гроздья винограда, чьи ягоды походили на темные глаза восточных красавиц, полумесяцы бананов. Василий демонстративно подчеркивал, знакомя друзей с обстановкой в доме, какой красивой жизни лишилась Вера, отдав тогда в общежитии предпочтение не ему, крепко и безответно любящему ее блондинку с черными бровями, а журналисту, так и не вкусившему столичной славы.

После новоселья, вернувшись в свою убогую двухкомнатную квартиру, Владимир спросил Веру:

— Завидуешь Маше?

Она ответила:

— Да,— а потом, чуть повременив, с усмешкой добавила: — Вот тебе и аноды, катоды, триоды… Кто бы мог подумать!

И теперь все чаще и чаще в голове Владимира крутилась строка из стихотворения Маяковского: «Любовная лодка разбилась о быт». Он старался, как можно меньше бывать в особняках зажиточных людей.

6

Вернувшегося из поездки мужа Вера встретила без улыбки, но поинтересовалась:

— Выудил что-нибудь интересное?

— Как тебе объяснить? Земля становится товаром. А из-за хорошей земли в России всегда шла драчка. Не избежать этой драчки и в наше время, несмотря на тысячи гектаров бросовой пашни. А еще в электричке встретил друга Матюхина из Беево. Помнишь, когда-то я писал о парне, пропавшем без вести в Чечне? Спустя годы вернулся «грузом — 200».

К разговору отца и матери невольно прислушивались дети, шестнадцатилетний сын Евгений и дочка Татьяна. Они сидели у экрана компьютера и читали пришедшее им по Интернету письмо из Англии от своих сверстников. Евгений оторвал взгляд от экрана:

— Ты будешь, пап, об этом писать?

— Скорее всего, да. Завтра еду в Беево.

— И я тоже напишу, хорошо?— уже не отводя от отца чистых серых глаз, произнес Евгений. Он, несмотря на юный возраст, твердо решил стать журналистом. В молодежной газете уже опубликовал несколько заметок из школьной жизни, о взаимоотношениях учащихся и учителей, между учениками младших классов и старшеклассниками. К мальчишке накрепко прилипло прозвище «Корреспондент». Это его ничуть не смущало.

— А почему бы и нет? Изложи этот случай со своей точки зрения, опиши свое отношение…

Татьяна встала со стула. В свои тринадцать лет она уже принимала очертания стройной и гибкой, как тростниковая лоза, девушки. У нее аккуратно бугрились грудки. Татьяна спросила:

— Папа, а у погибшего была девчонка?

— Да, она до вчерашнего дня ждала его живым.

— Такая любовь!— сорвалось у Тани.

- Такая,— вздохнул отец и невольно представил дочь в черной одежде. «Черная лебедь… Нет! Нет! Не приведи Бог!» И в ту же минуту отец взглянул на сына. «Ему шестнадцать. Через четыре года будет двадцать. И погибнуть в двадцать мальчишеских лет! Мир сошел с ума». И еще тревожнее стало на душе Владимира, хотелось уединиться.

После ужина Владимир под предлогом:

— Пойду, поработаю,— отправился в свой сарай-кабинет.

7

Отсветы закатного солнца румянцем лежали на стенах, полах, книжных полках, рабочем столе и компьютере. Владимир ди-

вился тому, как закат красиво раскатал по округе вечернюю зарю. Прежде чем сесть к компьютеру, включил настольную лампу. И стерся, убрался из кабинета румянец. Голубизной засветился экран монитора. Минута на раздумье, чтобы найти первое и самое верное слово. Еще мгновение, второе и подушечки пальцев Владимира заскользили, заплясали по клавиатуре. Снимаемые из глубин головы мысли тут же начали проявляться на экране. Быстро росла, ширилась статья «Земля и хозяева». Метелкин, как всегда, старался проникнуть как можно глубже в суть поднимаемой им проблемы. После правки и шлифовки он перекинул текст с компьютера на дискету и произнес:

— Отстрелялся.

Ликование, восторг. Так было всегда, когда Владимир начинал чувствовать, что написанная им статья удалась, и ее с настроением встретят читатели. Поостыв от выданного материала, он снял с книжной полки несколько папок с наклеенными ярлычками: «Громовский район», «Беевский район», «Верхне-Каменский район»… В этих папках собраны материалы о молодых людях, прошедших через Афганистан, Чечню, Чернобыльскую АЭС. Не терпелось выполнить просьбу краеведа Матюхина, отыскать нужную информацию. Одновременно Владимиру захотелось освежить в памяти события минувших дней, о чем он писал год, два, три, а то и десять, пятнадцать лет назад. Какие эмоции тогда переполняли его душу и сердце. Он распахнул папку с ярлыком «Громовский район» и вошел в нее, словно в настежь открытую дверь второй половины двадцатого столетия. «Служил в Афгане паренек». И вспомнил Владимир, как в уборочную страду он по заданию редакции приехал в село Новоселки. Село большое, зажиточное. Дома то бревенчатые, то кирпичные, крытые шифером и железом. Надворные постройки крепкие, вместительные. Возле каждого дома резвятся на привязи телята, вольготно ведут себя куры и гуси. А на полях колосится поджарившаяся на солнце и отливающая позолотой озимая пшеница. На горизонте хорошо просматривались купающиеся в пыли комбайны цвета божьих коровок. Как известно, любая газета нуждается в необычных, с налетом некоторой сенсации материалах. А в сельхозкооперативе «Новоселовский» работал на комбайне «Дон» однорукий комбайнер Василий Дадин. Он на обмолоте зерна занимал одно из лидирующих мест. Увидев нежданного для себя визитера, Дадин оставил комбайн и сошел на землю, ершистую от жнивья. Это был светло-русый, скуластый парень с запыленным лицом и веселым блеском в больших серых глазах, широкоплечий богатырь без левой руки. Владимир первым заговорил с ним:

— Как дела? Рассказывай, хлебороб.

— Ничего. И девчонки не обижаются, что приходится одной рукой обнимать. А двумя бы лучше? Да?

Дадин дал сразу понять, что не лишен чувства юмора, что он жадный до жизни человек и находится не в стороне от нее, а в самой ее гуще.

И вроде бы клеиться начал разговор о днях текущих, о хорошей погоде, дающей вволю разгуляться комбайнерам в поле, о неплохом урожае зерновых. Но когда Владимир попытался перекинуть мостик к боевым действиям в Афганистане:

— Тебя считают человеком мужественным, ты себя чувствуешь героем?

Василий смутился и уже настороженная прохладца сквозила из его глаз. Было видно, ему не хотелось ворошить прошлое. Оно его бесило, раздражало, выводило из себя.

— К сожалению, я никогда не стремился быть героем. Мне очень хотелось жить и вернуться домой. Если бы я этого не сделал, мама умерла. Она, из-за ранней смерти отца, растила нас пятерых одна. У меня четыре сестры, их надо было учить, готовить приданое, выдавать замуж.

— У тебя есть обида на Родину, что она тебя отправила воевать в чужую страну?

— Нет. Что было, то было.

А было в жизни Дадина такое, что не дай Бог пережить это еще кому-то другому.

Владимир до знакомства с Василием узнал в райвоенкомате некоторые подробности из его жизни.

После школы Дадин получил в СПТУ специальность тракториста. Некоторое время работал в сельхозкооперативе, а затем его забрали в армию. Со службой не повезло, оказался в Афганистане. Был механиком-водителем, обслуживал бронированный тягач с волокушею для обнаружения мин и фугасов, закладываемых душманами на

горных дорогах. Как правило, сопровождал колонны с медикаментами и продовольствием. Василий на своем транспорте был ведомым. Таких водителей, как он, именовали смертниками. До дембеля оставались считанные месяцы, Василий Дадин мысленно был уже дома в Новоселках. В один из обычных летних, ничем неприметных дней поступил приказ сопровождать очередную колонну с грузом. Ухабистая, до предела разбитая горная дорога — на войне ровных и гладких дорог не бывает. Водители старались, как можно быстрее миновать одно из самых опасных горных ущелий. Но в тот день Дадину не повезло. Тягач, управляемый им, встряхнуло, а потом в то же мгновение последовал взрыв, как во время ливня, вначале молния, а потом гром. Наскочили на мину. И в ту же минуту колонна была обстреляна плотным минометным огнем. В том бою Василий лишился левой руки. А затем был госпиталь. Там и вручили награду «Орден Красной Звезды».

Всего из Новоселок в Афганистане в разные годы побывал двадцать один парень, есть раненые, есть убитые.

« Не слишком ли это много для одного села?— поймал себя на мысли Владимир, погружаясь в не слишком приятные размышления.— Нет больших и малых войн, есть просто войны с изувеченными и погибшими. И втянуты в эти войны, прежде всего, дети из бедных и малообеспеченных семей».

И, словно в подтверждение этой мысли, взгляд Владимира привлекла другая статья: «В двадцать мальчишеских лет». «Жизнь Михаила Истомина вмещается в две очень близкие по времени даты: родился в 1974 году — погиб в 1994 году».

На этот раз Владимир вспомнил холодный январский вечер 1995 года. Хрустел под ногами снег, трещали от мороза деревья и заборы. Со скрежетом и лязгом, поднимая поземку, проносились с запада на восток, с востока на запад поезда. На железнодорожной платформе станции Громовская было огромное скопление людей. Непроизвольно люди делились на две половины. В одной половине пели песни, играла гармошка, сыпались залихватские частушки, пляской грелись хмельные, с розовыми лицами парни и девчонки. В одной из воинских частей был недобор — кого-то из молодых людей призывного возраста забирали в армию. И надо же было так сложиться обстоятельствам! Вторая половина толпы ждала прихода поезда с «грузом —200». Сдержанные, печальные лица. Женщины в черных платках. Мороз тогда до костей пробирал Владимира. Ему воочию хотелось увидеть, как гроб с останками паренька одни военные передадут другим. В полном составе находились на платформе служащие райвоенкомата.

Уже все знали, что Михаил из многодетной семьи: у него три сестры и три брата. Отец умер четыре года назад. Мама Валентина Викторовна достигла пенсионного возраста, но на отдых не ушла, продолжала работать на ферме свинаркой в селе Подгорное. Из-за плохого самочувствия она не приехала встречать гроб с телом сына: сказался целый ряд несуразных казусов. Весть о гибели Михаила пришла перед Рождеством Христовым, а тело покойного в числе почти двух десятков таких же убиенных парней кочевало в военно-транспортном самолете по всей России из города в город. Приземлялся самолет и в Челябинске, и в Свердловске, на малой родине Президента, хотели произвести дозаправку, но на гражданском аэродроме не оказалось в наличии горючего.

— На войну в Чечне нашлось все: и бензин, и солярка, и керосин,— с раздражением осуждали люди происшедшее.

При жизни гвардии младшему сержанту Истомину не пришлось столько путешествовать, как после смерти. Семь суток ожидания. Семь суток Валентина Викторовна находилась в полуобморочном состоянии.

Служил Михаил в воздушно-десантных войсках. Дивизия дислоцировалась в городе Иваново, городе невест. Рослый, красивый, он, наверняка, гордился тем, как ладно на нем сидит форма десантника. Наверное, была невеста, возможно, мечтал о свадьбе. Но…

Поежился Владимир. С его героем теперь уже давнего материала случилось трагическое несчастье. 31 декабря 1994 года в бою его ранило в область живота. Смерть, судя по всему, была мучительной. А в те минуты Президент Российской Федерации Борис Ельцин произносил новогоднее поздравление своим соотечественникам. Он поднимал бокал с шампанским за здоровье и благополучие россиян.

— Но это только слова. На самом деле Президент смотрел на новогоднюю елку, а вместо игрушек видел на ней танки, самолеты, ракетные установки, а у подножия лесной красавицы вместо подарков цинковые гробы с безусыми мальчишками. Много гробов,— не заметил Владимир, как заговорил сам с собой. Сделалось душно. Стало казаться, что через распахнутые двери папок в его кабинет потоком хлынули десятки, сотни парней с переломанными судьбами, искалеченными душами. И отовсюду на него смотрят их глаза, то жалобно-печальные, то укоряющие. Небольшой кабинет стал расширяться до размеров теннисного корта, и там стало размещаться рядом с мальчишками прошлое и нынешнее руководство страны: цари, президенты, отцы больших и малых реформ. Владимир не выдержал такого стремительного «нашествия» в свой кабинет, встал, вышел на улицу и закурил.

Еще не темно, еще различимы отделившиеся от домов тени. В кухонном окне квартиры горит свет, кто-то готовит кофе, хотя всем известно, кофе на ночь пить вредно, оно бодрит. Кофе — враг крепкого и здорового сна. После выкуренной сигареты Владимира вновь потянуло в кабинет к своему архиву, к своим папкам с собранием серьезных улик человеческого безрассудства.

8

Подобрать нужные материалы для краеведа Матюхина Владимиру не составляло большого труда. В папке «Беевский район» находилась статья об Андрее Смирнове. Статья — надежда, статья — успокоение. По прошествии многих лет Владимир, всматриваясь в ее словесную ткань, начал задумываться: стоило ли ее писать в таком ключе, в каком она написана?

«Он переступит порог дома и произнесет: «Я же говорил, что со мной ничего не случится»».

—Не убаюкивал ли, не усыплял ли я таким образом настоящие родительские чувства?— Как понял Владимир из разговора с другом, родители совершенно не были готовы к тому, что их сына давно нет в живых.

Андрей рос парнем с характером, решительным, упрямым. Под два метра ростом. По жизни он шел уверенно. О таких говорят: «С открытым забралом». С детства тянулся к спорту. Ему нравилось вступать в единоборство со штангой, всерьез увлекался футболом и баскетболом. Ни одни районные состязания не обходились без его участия. После школы без труда поступил учиться в сельскохозяйственный институт. Казалось, жизнь парня предопределена на многие годы вперед. Зимнюю и весеннюю сессии сдал на «отлично». Он — заводила. Вокруг него было много друзей и приятелей. Летом, после окончания первого курса, ему исполнилось восемнадцать лет. На его совершеннолетии гуляло много парней и девчонок. Среди них и подружка сестры Вики, пятнадцатилетняя Наташа, стройная, с лебяжьим изгибом рук, она словно вся соткана из добра и подростковой нежности. У нее длинные волосы, цвета темной осенней ночи. Когда Наташа распускала их волнистые шелковые нити, собираясь заплести их в тугую косу, они соприкасались с округлыми бедрами. Это увидел, подсмотрел Андрей в комнате сестры, где девчонки делали прически.

— Гривастая,— тогда отметил он.

В тот вечер он видел перед собой только одну Наташу: сидел с ней рядом за столом, с ней только одной танцевал. Он откачнулся в те часы даже от самых закадычных своих друзей. Почти до самого утра гулял с ней по городу и нашептывал: «Ты — мой неожиданный омут, и я чувствую, как тону в нем».

Через неделю Андрей спросил маму:

— Нас могут расписать с Наташей, если мы этого пожелаем?

— С ума сошел! Она же, как и наша Вика, совсем ребенок! В ее возрасте, какая роспись! Посуди сам.

— Понимаю,— принял доводы мамы Андрей.

Осенью, когда начался призыв в армию, он под предлогом: «Не хочу отставать от своих годков», заявил дома родителям:

— Ухожу в армию.

Родственники пытались увещевать:

— Добровольцы нынче не в моде. Люди пытаются от армии открутиться, отмазаться любой ценой, а ты!

— А я послужу,— настаивал на своем решении Андрей. И мало кто знал тайные мысли парня. Он понимал, что здоров и крепок.

А служить рано или поздно придется даже после института. Труднее оставить невесту в одиночестве, когда ей к двадцати. «Раньше уйду, раньше вернусь, и Наташа будет моей, моей и ничьей больше».

Решение Андрея уйти добровольцем в армию не одобрял никто. А Наташа вообще твердила только одно:

— Опомнись! Что ты делаешь! Не уходи, вернись! Еще не поздно, ты учишься! Студентов ведь не забирают.

— Не переживай! Я покидаю тебя ради того, чтобы вернуться,— был непреклонен Андрей.

Когда поезд отходил от перрона вокзала, она долго бежала за вагоном.

Служил он на юге России в десантных войсках. Часто писал письма домой родителям и почти ежедневно Наташе. Через год его в составе роты десантников перебросили в Чечню. Был бой, после которого почти на месяц прервалась переписка. Андрей получил серьезное ранение в грудь. После госпиталя три недели находился в отпуске. О ранении если и говорил, то только с улыбкой:

— Пустяк. Царапина.

Вновь, как и год назад, бродили по городу в обнимку с Наташей, которая начинала входить в пору своего девичьего цветения: наливалось, уплотнялось ее гибкое тело, увеличились в размерах груди. Рядом друг с другом они были похожи на маленьких шаловливых котят: неустанно игрались, забавлялись. Отпуск пролетел одной минутой. И снова наступило расставание.

Андрей, сполна хвативший солдатского лиха, мог вполне, выражаясь современным молодежным языком «закосить» от армии, но не посмел: не давали покоя лица друзей. От той роты, с которой он входил в Чечню, почти никого не осталось, и ему хотелось мстить за погибших товарищей.

Когда вернулся в свою часть, дислоцирующуюся в Новороссийске, все удивились, а знакомые офицеры признавались:

— А мы, брат, тебя уже и не ждали.

И снова была Чечня. В обязанности Андрея входило сопровождение вертолета скорой помощи. В воздух поднимались часто, каждые два часа. Тогда военные действия велись в районе Урус – Мортана. Домой с прежней периодичностью уходили письма, в конце которых, как обычно, Андрей писал: «За меня не волнуйтесь. У меня все хорошо. Со мной ничего не случится».

Завершился срок службы. И вдруг, как гром среди ясного неба, на имя Василия Алексеевича пришло сообщение: « Ваш сын А.В.Смирнов без вести пропал».

Успокаивало одно — среди погибших не числится. Начались томительные и долгие годы ожидания. Не раз родители и Наташа ездили на поиски Андрея, но они не увенчались успехом.

9

«Смирнов Андрей. Что он доказал, добровольно отправившись на службу в армию? Кому теперь нужны его подвиги, его решительность?»— размышлял Владимир. Время близилось к двенадцати часам. Уличную темноту расцвечивали островки света от редких фонарей. Рыбками серебрились звезды, попавшие в темную сеть неба.

Скрипнула дверь. В кабинет отца без суеты и шума, почти на цыпочках, вошли Евгений и Татьяна. Они были возбуждены и встревожены. По-видимому, несколько минут назад до этого прихода между ними велись какие-то разговоры, может быть, и жаркие споры. Они от них еще не отошли, не остыли.

— Работаешь, пап?— по праву старшего ребенка спросил сын.

— Да, а что вы бодрствуете? Спать ведь пора…

— Не спится нам,— осторожно вклинилась в разговор Таня, доверчивая , романтичная девчонка.

— А чего так?

— Парень нам покоя не дает, о котором ты когда-то давно писал. Дай нам почитать о нем,— открыл цель прихода Евгений.

— Читайте,— протянул Владимир детям приготовленную для друга Михаила папку с пометкой «Беевский район».

Сын и дочь читали очерк, а Владимир наблюдал за ними. Он видел, как по их неравнодушным лицам скользили тени: то тени тихой грусти, то тени отчаяния и печали, то недоумения и сострадания к трагической судьбе когда-то двадцатилетнего парня.

Из кабинета Метелкина вышли молча. Была полночь. Пахло жасмином и душистым хмелем.

— Ой, Жень, смотри, какой сегодня пушистый Млечный путь!— вдруг с восторгом произнесла Таня.

— Действительно, пушистый,— согласился с сестрой брат.

Следом за детьми устремил в небо свой взгляд и Владимир. Ему Млечный путь казался дорогой, припудренной звездной пылью, дорогой, по которой завтра в сторону Чистилища отправится душа Андрея Смирнова. И это произойдет, когда в Беево, где он родился и вырос, его тело, после стольких мытарств, предадут земле.

Утром Владимир распечатал написанный материал и отправил его по факсу в редакцию газеты. Когда стоял на платформе, из кармана сумки напомнил о себе сотовый телефон, мелодия песни «В лесу родилась елочка». С ним на связь вышел куратор Иван Иванович.

— Привет, старик. Вычитал твой материал. Интересный. На уровне. Но…

— Что-нибудь не так?

— Знаешь, пять минут назад от меня ушел Василий Давыдкин. Мы с ним давние приятели. От него хотели на маслозаводе рабочие освободиться, а я в его защиту такую статью написал! Потом ее «Сельская жизнь» перепечатала. Признаться, ты его как следует вчера нашорохал.

— И что же?

— Просил, не разжижать имидж.

— Как же люди? Я ведь с ними встречался?

— Тебе с ними детей крестить? Что касается статьи, ничего не потеряешь: поставлю двойной гонорар. А Давыдкин — понимающий мужик, обещал сделать в своем районе приличный тираж, спонсорских деньжат подкинуть. Так что спасибо за материал, и без опубликования он хорошо сработал на газету. Ты сейчас где?

— На платформе стою. В Беево еду. Вчера туда «груз — 200» пришел. Может, помнишь, несколько лет назад я писал об Андрее Смирнове, без вести пропавшем. Теперь вот отыскался парнишка.

— Строк сто перегонишь к вечеру?

— Я хотел объемный сделать материал.

– Пока будешь делать, другие опередят. Так что романы будешь на пенсии писать. А пока нужны сенсации. И еще. В Беево открывается автосалон «С любимой на колесах». Сделай добротный репортаж с фотографиями. Одним словом, старик, не мне тебя учить. Материал на правах рекламы, двадцать процентов твоих.

— Сделаю,— сухо заверил Владимир.

10

К открывающемуся салону «С любимой на колесах» имеет отношение глава Беевской районной администрации Валерий Степин, в прошлом начальник районных газовых сетей. Он не из красавцев, широкоротый, с небольшими голубоватыми глазами и редкими светлыми ресницами на красноватых веках. Но при всей своей внешней непривлекательности имел успех у женщин. Все у Степина получалось легко и просто. Газовое хозяйство, словно свою собственность, передал не менее деловому и предприимчивому среднему брату Сергею, владельцу самой доходной в районе автозаправочной станции, находящейся на въезде в город. Не менее удачлив и младший брат Степиных Афанасий, до недавнего времени являющийся хозяином небольшого автосервиса по ремонту машин, как отечественных, так и иномарок. Под его началом трудились несколько классных специалистов. Пьяниц не терпел, от лентяев избавлялся. Платил по провинциальным меркам хорошие зарплаты. Работать у Степина считалось большой честью. Полгода назад Афанасий по остаточной стоимости приобрел до нитки обанкротившуюся базу когда-то процветающей «Агрохимии». Там на огромной, одетой в шубу асфальта площади располагалась двухэтажная контора с теплым переходом в массивную, похожую на заводской цех мастерскую. Территорию окантовывал высокий металлический сетчатый забор. О братьях Степиных, внешне похожих друг на друга, говорили, как о набравшем силу семейном клане, поставившем цель — подмять под себя весь район. «Автосервис» Афанасия переместился на базу «Агрохимии», и там теперь появилась новая вывеска: «Автосалон «С любимой на колесах»». За сетчатым забором стояли невестами на выданье, словно хвалясь свежестью и гладкостью кожицы-краски, шикарные авто. А их фары своими формами напоминали то узкие глаза загадочных кореянок, то горячих испанок, то решительных казачек. Машины блестели,

сияли, искрились и привлекали к себе покупателей нетронутой девственностью. И каждому автолюбителю при деньгах хотелось стать первым обладателем той или иной красавицы.

В районе понимали, братьям удалось войти в большой бизнес. На весах не заокеанские окорочка, не турецкий ширпотреб или тихоокеанская рыба, второй, а то и третьей заморозки, а дорогостоящие красавицы – машины.

В Беево к открывающемуся салону относятся по-разному: одни – со сдержанной настороженностью: «Кто смел, тот два съел», другие – с явным осуждением: «Грабеж средь бела дня. Аукцион устроили. Начальная цена двести тысяч! Триста выложили. Со смеху умереть можно. Да эта база миллионы стоит!»

Владимир, знающий, как разрушаются, разворовываются помещения закрывающихся предприятий, в этом случае не видел ничего плохого. Вспоминалась пословица: «С бешеной собаки хоть шерсти клок». И здесь государственному фонду имущества хоть что-то да перепало. Но при этом он и особого восторга не испытывал. Видел, как люди, не блещущие особым умом, становятся хозяевами жизни. Теряет ныне смысл красивая байка: «Не в деньгах счастье» Если не в деньгах, тогда в чем?

Перед въездом в Беево Владимир позвонил по сотовому телефону своему другу Михаилу. Они условились встретиться в центре, у здания администрации. В городе Владимиру в глаза бросилась чистота улиц. По ним с утра проехалась поливальная машина, они казались свежевымытыми. На тротуарах не валялись бутылки из-под воды и пива. И даже шелуха семечек и окурки не мозолили глаза прохожих. На перекрестках главных дорог стояли автоинспекторы в парадной форме с полосатыми жезлами в руках. Город ждет наплыва важных гостей.

После крепкого рукопожатия Михаил спросил Владимира:

— К главе зайдешь?

Обычно Владимир, приезжая в тот или иной район, старался делать жест вежливости, извещал первых лиц о своем прибытии. Но на этот раз изменил своим устоявшимся правилам.

— Нет. С ним мы увидимся на похоронах. А там предстоит и еще одна встреча. В два часа, как мне известно, открытие автосалона. Ты будешь там?— взглянул на друга Владимир.

— С какой стати? Это меня не касается. Мои интересы не в плоскости, где надо что-то приобрести дешевле и перепродавать как можно дороже и выгоднее.

— Понимаю. Мне тоже многое в новой жизни не по душе, но работа обязывает находиться там, где надо, а не где хочется,— криво усмехнулся Владимир.

— Сочувствую,— на правах человека вольного и мало от кого зависящего улыбнулся Михаил и, выдержав паузу, спросил:— Слушай, а про материалы ты не забыл?

— Нет, конечно,— извлек Владимир из своей сумки серенькую папку. Он видел, какой радостью озарилось лицо Михаила, как поблескивала синева в его глазах. Осторожно, затаив дыхание, друг держал желанную для себя папку, словно в ней находились не журналистские материалы, а ценные рукописи гигантов российской словесности.

11

Бревенчатый дом Смирновых на высоком фундаменте по-человечески открыто и весело смотрел своими глазами - окнами на палисадник с пышно-цветущими белыми, красными, фиолетовыми флоксами, источающими из своих соцветий тонкий душистый аромат. Окна обрамляли кружевные резные наличники, к их изготовлению когда-то приложил свои руки и Андрей: помогал отцу, хорошему столяру, с помощью резаков, пилок и лобзиков вдыхать в них необыкновенную красоту.

Смирновым предлагали гроб с телом сына перевезти утром в школу в актовый зал. Василий Алексеевич эту затею не поддержал:

— Андрей очень любил свой дом. И в последний путь он уйдет из него.

В почетном карауле у гроба, сменяя друг друга, по минуте и больше стояли знакомые и незнакомые люди, друзья, близкие.

Гроб, наглухо замурованный, утопал в цветах. На гробе стоял увеличенный портрет воина, перепоясанный траурной ленточкой. Священнослужитель, отец Иоанн, с густой рыжеватой бородой, в парчовой небесного цвета накидке сверху рясы, с попыхивающим в кадиле ладаном стоял у изголовья

гроба. Певчие женщины из церковного хора не пели, у них был перерыв. Рядом с ними стояла мама Андрея Клавдия Петровна, сестра Вика и Наташа.

Когда Андрей пропал без вести, она, как молитву, всегда перед сном читала стихотворение Константина Симонова из времен Великой Отечественной войны:

«Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди…»

Наташа ждала. На ней было черное из легкого шифона платье. На голове шляпка. Через сетчатую вуаль просматривалось бледное уставшее лицо с красиво очерченными губами. Высокая, рослая, она была под стать почти двухметровому Андрею. Теперь и Владимир находил в девушке сходство с черной лебедью.

— А это кто?— спросила одна из женщин у Михаила, показывая глазами на Владимира.

— Журналист, он когда-то писал об Андрее.

И как-то разом, все, кто находился в зале, включая и Наташу, посмотрели на Владимира. Он не ожидал такого внимания к себе, смутился.

Губы Клавдии Петровны разомкнулись:

— Спасибо, что не забываете нас. Ваша статья все эти годы грела мне душу.

— Понимаю вас,— вздохнул Владимир и на считанные мгновения взглянул на Наташу. Взгляды их встретились. Журналист почувствовал, несмотря на тягостную обстановку девушка в черном траурном платье испытывала к нему нескрываемое любопытство.

Владимир не сразу покинул зал. Он обратился к отцу Иоанну:

— Как вы отнесетесь к тому, если я сделаю несколько снимков для газеты?

— Снимайте. Лица нет. Один портрет. Прости меня, Господи…

На улице Владимир не удержался, просмотрел на экране цифровой камеры отснятые кадры. Но дольше всех он всматривался в изображение Наташи. Красивая скорбь лежала на ее красивом лице. Черная лебедь…

К дому Смирновых подъехала «Газель», из нее высыпали музыканты, подрабатывающие на похоронах. Солнечные блики играли на меди начищенных труб. Затем напротив дома остановилась крытая тентом армейская машина. Это прибыли солдаты срочной службы одной из воинских частей, дислоцирующейся на территории Беевского района. У каждого военнослужащего, одетого в форму цвета хаки, автомат «Калашников». Значит, в минуту погребения будут рвать кладбищенскую тишину автоматные очереди.

Все готово к выносу много лет назад усопшего воина. По замыслу, с отпетым на дому Андреем, траурная процессия проследует на площадь Победы и там, у зажженного Вечного огня, состоится гражданский митинг.

Ждали главу районной администрации Валерия Степина. Люди посматривали на часы. Он явно задерживался. И вот, наконец, на дороге появилась «Нива» серебристого цвета.

— Глава,— оживилась толпа.

Но вскоре наступило разочарование. Из «Нивы» вышел первый заместитель главы Григорий Иванович Зимин в начищенных туфлях, отутюженных брюках и белой рубашке. Он производил впечатление очень аккуратного и исполнительного чиновника. И партия «Наш дом — Россия» — его дом, и «Единая Россия» — его Россия. Как никто другой, начиная с комсомольских времен, он безупречно мог работать с документацией. Совещания, конференции, сессии депутатов райсовета готовил он. Ни один руководитель не оттолкнул его от себя. Григорий Иванович наметанным глазом окинул толпу. Его внимание привлек Владимир. Зимин и Метелкин хорошо знали друг друга.

— И пресса тут как тут,— располагающе обронил Григорий Иванович.

— Не дремлет. А где Валерий Геннадьевич? Он будет?

— Поверьте, сегодня такой суматошный день! И похороны, и запланированное открытие автосалона… С минуты на минуту должен подъехать один из заместителей министра машиностроения.— Объяснив ситуацию, Зимин направился в дом, чтобы выразить соболезнование родителям погибшего воина.

После траурного митинга на площади Победы Владимир расстался с Матюхиным. Он зашел в редакцию районной газеты, оттуда перегнал расширенную информацию вместе с фотографиями в «Желанные новости».

12

На открытии автосалона каждый желающий мог приобрести автомашину. На территории, обнесенной сетчатым металлическим забором, рябило в глазах от белых, голубых, зеленых, красных авто. Все вокруг блестело, сияло, искрилось в лучах яркого летнего солнца. Нашлись и первые покупатели. Они ходили и, словно колокольчиками, позвякивали ключами от своих приобретенных быстроходных красавиц машин. На открытии присутствовали рабочие в синей униформе, служащие конторы в строгих черно-белых одеждах, дилеры, поставщики машин и комплектующих деталей с крупнейших российских автозаводов.

Глава районной администрации заметно волновался, подрагивали ножницы в его руке, когда он перерезал ленточку и делил ее на лоскутки. Эти лоскутки тут же оказывались в руках прилично одетых, пахнущих дорогими одеколонами мужчин и духами женщин. Казалось, весь деловой люд, завязанный на автомобильном бизнесе, съехался в этот день в небольшой городок Беево.

На импровизированном митинге Валерий Геннадьевич сказал:

— В районе произошло событие планетарного масштаба. У нас открылся не только автосалон по продаже машин, у нас открылись десятки рабочих мест.

Заместитель министра машиностроения, моложавый мужчина с глубокими залысинами на голове, представил директора автосалона.

— Признаться, у нас на рассмотрении находилось несколько бизнес - проектов. Лучшим оказался проект вашего земляка Афанасия Геннадьевича. Вчера он возглавлял маленький «Автосервис», а сегодня он — руководитель крупнейшего автосалона. Пожелаем ему удачи.

Приглашенные с митинга переместились в бывшую столовую «Агрохимии». Но это уже была не прежняя столовая для рабочих. После евроремонта она выглядела современным рестораном с баром. Накрытые столы ломились от горячительных напитков и закусок. Обслуживали гостей длинноногие официантки в миниюбках и сиреневых передничках с рисунком машин, на которых красовалась надпись — бренд автосалона «С любимой на колесах». С улыбками на лицах молоденькие девушки рассаживали приглашенных по местам. Все продумано до мелочей, кто будет сидеть за одним столиком с заместителем министра, кто за столиками рядом. Звучала музыка, произносились немногословные, но емкие и со смыслом тосты.

Владимир понимал, что в открывшийся автосалон закачены миллионы, его присутствие куплено, оплачено. Через два-три дня на газетной полосе будет напечатан его материал с хвалою пришедшему в Беевский район большому бизнесу. Он становился частицей праздничного веселья, не видя в этом ничего зазорного. Правда, брала немного досада на то, что зарастают сорною травою поля, заколачиваются крест-накрест в селах дома. Там запах мертвечины, а здесь…

Не мог он быстро забыть и выкинуть из головы и похороны Андрея. Перед глазами так и всплывала «Черная лебедь». В голове крутились обрывки кем-то произнесенной фразы:

«В жизни всегда где-то идет война, а где-то гремят балы».

п. Зубова Поляна, Мордовия.

АНАСТАСИЯ БОЙЦОВА

Из поэмы «Троянский цикл»

Гектор

Смуглые, натруженные вены,
Волосы, что спутаннее вереска…
Гектор! Ты совсем обыкновенный,
Может, потому-то и не верится.

Спи, мой Гектор. Все твои поэмы
Ни одной сединки не приметили.
И на чем мы держимся, невемо,
Вот уже почти девятилетие?

Ни земли, ни хлеба, ни руды нет –
Чистая вода на конском щавеле…
Только ты один. Твоя гордыня
И твое безбрежное отчаянье.

Спи, усталый. Тяжко развернуться
Сну под воспалившимися веками.
Доблесть – это каждая минута,
По шатрам разлеживаться некому!

Некогда менять кудрявых пленниц,
Наживать бессмысленные пролежни…
Битва без надежд на подкрепленье
Требует к себе свое сокровище.

Облако мое! Утес у моря!
Жаждою и стужею не выщерблен –
Только слово – внятное, немое –
Каждому бойцу и каждой нищенке:

Гектор! – и от горестных объятий
Поднимают пламенные головы;
Гектор! – и сжимают рукояти
Пальцы, ослабевшие от голода;

Гектор – девять лет сопротивленья!
Девять лет – в аду таких не водится!
Благодарны будьте не Елене
За отвагу маленького воинства:

Если грязь не выела очес нам,
Как морская соль на синей скатерти, -
Значит, есть на свете голос чести:
Глуховатый, твердый и раскатистый.

Если не взята в огне и в дыме
Троя – то не дым, богами вобранный!
То несокрушимая твердыня:
У большого сына между ребрами.

* * *

Как взялась Фетида с мужем биться –
Обратясь то рыбиной, то львицей…
Лучше обернулась бы водой еще,
Чем родить подобное чудовище!

Лучше бы двуглавого уродца
Родила – да знал бы, что дерется –
В океане крови глыба плоти –
Ну, не за друзей хотя, а против

Недругов! Из мести! Ради клятвы!
Ради той, похищенной двукратно,
Что пожаром душу охватила…
Словом, хоть за что-нибудь, Фетида!

Отче Посейдоне за стенами,
Покажи, кого мы проклинали?
Ты его на струге прилелеял!
Где оно, проклятье, - сын Пелея?

Попусту искать на поле брани –
У него рабыню отобрали!
И в разгаре битвы – день-то будний –
Под шатром – хмельного беспробудней

Спит себе герой медноколенный…
Что ему до чести, до Елены!
Плачь, богиня-мать в морской дубраве:
У него рабыню отобрали!

Боги, помогите ошибиться!
Кто Троила нашего убийца?
Уравняв ряды безоких кровель,
Кто до срока сердце обескровил?

Этот? – Насмехаетесь, благие?!
Этот? – Если правда сын богини,
Худо вы богиню пожалели!
Дорог ей достался сын Пелея!

Мародера грудью напитала!
Лучше б шестилапого кентавра
Родила – печали бы не ведал
Мир тогда! Да лучше б людоеда

Попросту дала им в полководцы!
Тот хоть человечьим не зовется
Именем и матери не помнит!
Где, в какой бессветной катакомбе,
Как чумы, стыдясь перед другими,
Вырастила отпрыска, богиня?

Чью руду впитали эти вены?
Ни добро, ни зло ему невемы –
Смертному ублюдку светлой девы!
Нет ему закона, кроме чрева –
Что тебе твои морские хляби! –
Больше Агамемнона награбил.

Славно! Полощите же в ладони,
Боги! Локсий! Отче Посейдоне,
Из камней выкладывавший стены
Трои! Светлоокая Партенос,

Нас в беде покинувшая первой –
Смейтесь! Ради этого припева
Пелась наша песня? – Так любуйтесь!
С тела обезглавленного бусы

Снять – должно быть, матери на счастье! –
И с руки отрубленной – запястье
С кольцами (таскать – не перевешать!)
Может быть, в подарок овдовевшей
Пленнице – без злобы, шутки ради!
Мчаться в бой, своих не разбирая,

И, не понимая, что содеял,
Отсыпаться целые недели –
А еще прозвали быстроногим! –
Словно зверь во тьме своей берлоги.

Не герой с товарищами обок –
Просто зверь, насытивший утробу,
Зверь в крови, зловонии и славе…
Боги, что за смерть вы нам прислали!

* * *

…И доколе не даст остуды
Сердце – помните этот день.
В этот день не случилось чуда:
Несть чудес на земле людей.

В час, опошленный и раздутый
Славословьями поздних царств,
Не осилила сила духа –
Силу сытого подлеца.

Что за тень тебя подкосила
На пустынной той полосе?
Ломоть хлеба, отданный сыну?
Ночь, недоспанная за всех?

День за днем ни с кем не делимый
Тяжкий груз – как мир на плечах?
Столько раз прошедшая мимо,
Смерть ударила в этот час.

За права с тобой состязаться
У кордона лагерных стен
Семь откормленнейших мерзавцев
Драли горло в стане гостей,

Что ни вечер – то целый митинг,
Побережье от них темно…
А у нас он один! Поймите!
Как молились мы в эту ночь!

С каждой кровли! Из каждой клети,
Что песок поглотил и стер!
Как трепал покрывала ветер
У безмолвных твоих сестер –

Словно стая парящих чаек
Над высокой скалой крыльца…
Как молились! И как молчали
Беспощадные небеса.

Как молились! В целой палитре
Наших душ, голосов и воль
Не осталось слов для молитвы,
Кроме имени твоего.

О, прости нас! Слова из песни
Не заменят дому стены.
Что нам проку, что ты воскреснешь,
Если мы тебя лишены?

Что нам тот, кто расскажет где-то,
В невозможной дали клубясь,
Что в стенах Варшавского гетто
В сорок третьем встретил тебя?

Что огнем охваченный лагерь
Окропляя кровью из вен,
Ты сражался на Муса-Даге
И без вести сгинул в Безье;

Что под вихрем смерти и стали,
Под дождем камней и свинца
Этот взгляд - видали в Бейтаре
Или в яме близ Тростенца;

Что повсюду, в каждом ненастье,
Чьи названья с карты смели,
Защищая бьющихся насмерть,
Ты опять вставал из земли?

Что нам правда вечного боя –
Малым сим и плачущим сим?
Нам, познавшим землю – с тобою,
Даже воздух невыносим, -

Словно губы трупа в кармине,
Словно вкус загробных монет, -
В неживом, ограбленном мире,
Где сказали: «Гектора нет».

Заключенным всех резерваций,
Обреченным в пламени лет,
Для чего нам здесь оставаться –
На тебя лишенной земле?

Потерявшим солнечный отсвет,
Как нам жить под бременем бед?
О, прости нас! В нашем сиротстве
Нам сейчас – страшней, чем тебе.

На войну без страха идущим,
Не ропща на тех, что вели, -
Нам сегодня вырвали душу
И простерли в мертвой пыли

Под стеной, на сером и красном,
Под кровавой маской лица…
Все молитвы были напрасны:
Боги скупы на чудеса.

* * *

Поле пыль пологом кроет,
В поле стон – камни поют…
Из среды стен твоих, Троя,
Созерцаю гибель твою.

С высоты – дым неосевший –
Пыльный столп наших молитв…
(Из среды – значит из сердца:
Для живых – там, где болит.)

За края порванной ткани
Удержась, сжав до кости,
Я люблю каждый твой камень,
Каждый скрип, каждый настил,

Каждый дом (только ли с телом
Разойтись – трудно в мечте?)
Каждый спуск, каждую стену,
Каждый куст, каждую тень,

Площадей пыльные плиты
(Ни души – все на стене)…
В этот час, солнцем политый,
У вещей – тщетности нет.

Разве дом, в ужасе горбясь,
Отступал прочь от костра?
Есть вещей тщетная гордость
И людей гордая страсть:

Этот дом (строили сами!)
Этот вал (дедовский труд!)
Как корабль под парусами,
В этот час ждет на ветру

Гордый холм с мачтами кровель,
Скорбных рук мачтовый лес…
Как корабль, ты, моя Троя,
Заждалась здесь, на земле.

Кто, прожив годы и годы,
Не играл в эту игру:
Как волна, к самому горлу
Подступив, давит на грудь?

Так и ты, в явственном стоне
Тишины, в свой водоем
Уходя, медленно тонешь,
Мой корабль, сердце мое,

Илион мой…

* * *

Наяву или бредили,
Слыша слово звучащее?
Над весовыми чашами –
Два чудовищных жребия.

Застонать бы, да некому!
Сердце в щебень размолото.
Что осталось от Гектора,
Откупаем за золото.

Под двумя покрывалами,
С оголенными венами,
Нечто страшно-кровавое,
Нечто глазу невемое,

И по бронзовой лопасти –
Словно струи журчащие…
Что нам золото? – Лопайте!
Наклоняйтесь над чашами!

Те глашатаи быстрые
Не повытерли пот еще –
Город в очередь выстроен
До Ахиллова поприща.

Не едавшие досыта,
Опухавшие с голоду –
Что осталось от доблести,
Откупаем за золото.

Что, торговцы? Нет опыта?
Ужас алчи не вытеснил?
Что нам золото? – Прокляты
Будьте с ним, подавитесь им!

Не видали, что столько нас?
Все запреты разорваны!
Что осталось от стойкости,
Откупаем за золото.

Не ручьями – потоками!
Получайте с привесками!
Руки девичьи тонкие,
Руки женские, детские…

По подвалам не стариться
Зарукавьям изогнутым!
Что от чести осталось нам –
Откупаем за золото.

Не спросивши, довольно ли
(Им – считаться и горбиться!)
От презренья и гордости,
От всего полноводия –

Доставайте последнее!
Выгребайте ладонями!
Нашей славы наследие
Оценил мирмидонянин.

И потоками, реками,
Со сверканием режущим –
И дарить его некому,
И беречь его незачем –

За кровавое месиво,
За изломы колен его…

Уж давно перевесила
Чашу – чаша обменная,

Через край уже пролито!
Подбирают горстями все!
А то Трои, от Трои-то
Вереница все тянется…

И щиты ваши прорваны,
И мешки ваши лопнули –
Не видали подобной вы
Тризны, дети Пелоповы?

Не построили житницы
На захваченной отмели?
Что нам золото? Жрите все,
Получайте, что отняли!

Не умели запрашивать
За такое сокровище!
Над обеими чашами
Ни слезинки не пролито.

О «РОССИИ БЕЗ КРЕСТА»:
творческие диалоги художника и писателя

Поистине крылатыми стали строки Николая Заболоцкого из стихотворения «Портрет», написанного в самый канун «оттепели»:

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Через пятьдесят лет в этот извечный, идущий из глубокой античности спор о соперничестве живописи и поэзии вступил поэт из Орла. Он бросил вызов самому Леонардо. Как не вспомнить древнегреческого сатира Марсия, вызвавшего на состязание могущественного Аполлона и поплатившегося за свою гордыню (по преданию, содранная с тела Марсия кожа при звуках флейты начинала шевелиться). Однако голос писателя-земляка прозвучал не только задиристо-вызывающе, но и, не теряя классической чёткости, – свежо и страстно:

Кисть говорит предметным языком…
Благослови, великий и могучий,
Затрепетать осиновым листком,
Пролиться грозовой, громовой тучей!

Пусть живопись – царица всех искусств –
С великим Леонардо не поспоришь.
Но стон, но вздох, но шелест грешных уст,
Словесный дым – его нектар и горечь?!
Н.М. Перовский, «Кисть и перо» (2004 г.).

Национальная и мировая художественная культура – сложный динамический процесс, в котором важными являются не только самостоятельно развивающиеся отдельные виды искусства (литература, музыка, живопись, театр, архитектура, кино и др.), но и их взаимосвязи. Чем плотнее и интенсивнее эти нити соприкосновений, тем ярче и богаче восприятие соотносимых произведений искусства, тем глубже понимание всей сотканной картины – культурно-исторического процесса определённой эпохи и региона.

На рубеже XX – XXI веков художественная литература и живопись Орловского края – две плодотворные ветви русской культуры. Эти виды искусства интенсивно развиваются, не замыкаясь региональными границами. Примечательны явления их соприкосновения. Событиями культурной жизни являлось издание книг орловских писателей (И.В. Александрова, В.П. Дронникова, Г.А. Попова, Н.М. Перовского, И.А. Рыжова, И.С. Семёновой, В.Г. Ерёмина, В.А. Ермакова и др.), к страницам которых прикоснулась кисть талантливых художников: А.Г. Костяникова, Т.С. Блиновой, Н.Я. Силаева, А.В. Кузнецова, В.В. Олейниковой и др. Интеграционным процессам в искусстве посвящён научно-исследовательский и издательский проект «Орловский край: художественная литература и изобразительное искусство (проблемы взаимосвязи)».

Первый выпуск готовящегося серийного издания посвящён талантливому художнику Валерию Яковлевичу Романенко (1948-2009 гг.), который оставил яркий след в изобразительном искусстве. Его живописные полотна «Амурские волны», «Россия без креста», «Облака над вечностью» и др. выразили дух постсоветской эпохи и стали знаковыми явлениями в русской культуре конца XX-го века. Важным является то, что в творческом наследии В.Я. Романенко выделяются глубокие связи с классической и современной художественной литературой. Живописца называли певцом орловского Дворянского гнезда, осенённого именем И.С. Тургенева. Полотна художника, вбиравшие все времена года и созданные в разных творческих парадигмах (реалистической и авангардной), являются шедеврами пейзажной живописи. В телевизионной передаче «Облака над вечностью» (1995 г., ОГТРК) Валерий Романенко признавался: «И вот уже лет пятнадцать пишу наше Дворянское гнездо. И пришёл к своим пластическим решениям. <…> “Осень над Дворянским гнездом”, “Летний вечер на Дворянском гнезде”. <…> Я пишу Россию!..»

Дружеские отношения связывали художника со многими орловскими писателями-современниками – с Николаем Перовским, Геннадием Поповым, Вадимом Ерёминым,

Ириной Семёновой, а также с актёром и поэтом-певцом Владимиром Смирновым, с журналистом Анатолием Борисовым... Примечательно, что личностные отношения перерастали биографические границы и воплощались в художественные формы. Живописец щедро дарил друзьям свои картины. С другой стороны, в его личном архиве хранятся книги писателей с их дарственными надписями. Отдельные стихотворные посвящения Валерию Романенко написаны поэтами под впечатлением его живописных полотен.

Примечательны творческие диалоги Николая Перовского и Валерия Романенко. Они считали себя земляками, поскольку их судьбы были связаны с Курским краем. Будущий писатель, сын репрессированных родителей, с малолетства воспитывался в детском доме, который до войны находился в слободе Михайловка (Михайловский, ныне Железногорский район Курской области). Земля, взрастившая поэта, стала его родиной. Подробно и глубоко об обретении «слободы» написано в воспоминаниях писателя и краеведа Геннадия Александрова.

Валерий Романенко родился в Белоруссии – в городе Молодечно под Минском, куда фронтовые дороги привели его отца и куда в послевоенные годы переехала вся семья. Однако детские и юношеские годы будущего художника связаны с городом Льговом, районным центром Курской области. После окончания средней школы Валерий Романенко учился в Курском педагогическом институте и как молодой специалист работал учителем в одной из школ города Железногорска.

В разные годы Перовский и Романенко оказались в Орле, по-разному проходил процесс их обустройства на новом месте. Сложные личностные отношения писателя с собратьями по перу отражены в его стихотворении «Чужак». Примечательно, что когда появилась возможность выйти из творческого союза, Перовский отказался от тяготивших его официальных отношений: «Надо мной нет ни КГБ, ни Союза писателей <…>. Я свободолюбивый с детства, жил в детдоме с беспризорниками. А тут когда я вынужден состоять в каких-то союзах, ходить на какие-то собрания, когда меня обвиняли, что я не так пишу, что у меня не то направление <…>». При этом укреплялись дружеские связи литератора с орловскими художниками.

В одной из телепередач писатель утверждал, что «поэзия и живопись – это сопредельные искусства, которые дополняют друг друга». Поэт сам обозначил круг общения: «Вот у меня (в квартире) на стенах, можно сказать, выставка картин Валеры Беганова и других местных художников. <…> Таня и Володя Блиновы, Толик Костяников, Валера Романенко – отличные художники, люди с богатой душой, богатые духом». Этот ряд можно продолжить: Ю. Арбузов, В.В. Олейникова, А.В. Кузнецов, А.И. Олейников, О.М. Душечкина, О.А. Сорокина и другие.

Знаковым являлось место знакомства Н. Перовского и В. Романенко – берег Орлика. Памятными были их встречи и беседы в окрестностях Дворянского гнезда: у беседки-ротонды, на подвесном мосту, в прибрежном парке.

Связующей нитью между поэзией и живописью являлась музыка, которая скрепляла дружбу поэта и художника. Играть на гитаре Н.М. Перовский научился во время учёбы в Горном институте в Москве. В воспоминаниях поэта запечатлён один из жизненных эпизодов, когда он играл и пел для Николая Рубцова, студента Литературного института. Окончив годичные курсы в Харькове, Перовский работал руководителем художественной самодеятельности, играл на баяне и гитаре. Музыкальные образы и мотивы вошли в его поэзию (стихотворения «Аппассионата», «Духовой» и др.). Дружеские встречи не обходились без песен, «гитарили» (выражение Н.М. Перовского) художники: Валерий Беганов, Александр Кузнецов, Валерий Романенко... В архиве писателя сохранилась фотография 1988 года, на которой запечатлены В.И. Беганов с гитарой, а Н.М. Перовский с баяном. Примечательно, что художник А.В. Кузнецов положил на музыку несколько стихотворений Николая Перовского (эти песни вошли в телепередачи).

Валерий Романенко вспоминал о музыкальных пристрастиях друга-писателя: «Николай Михайлович уважительно относился к таланту во всяком его проявлении. Человек высокой культуры, он глубоко и тонко

понимал музыку. Любил русскую и зарубежную классику: Рахманинова, Скрябина, Чайковского, Баха, Моцарта, Бетховена… Со светлой радостью мы ходили на концерты талантливого молодого пианиста Ивана Александрова, который успешно окончил Орловское музыкальное училище и учился в Санкт-Петербурге».

С молодых лет и сам Романенко был увлечён и захвачен музыкой. Учась в Курском педагогическом институте, он играл в молодёжном ансамбле. Любил современные мелодии. Ездил на джазовые концерты в Москву. В его рукописных заметках сохранились строки: «Музыка вечна и живопись. Это непосредственно обращено к чувствам и никаких слов. Только ощущения: восторг, торжество красоты, любви или неприятие… А чувства и эмоции, они искренни». И главное, ведущее через музыкальные ассоциации к пониманию сущности творчества: «Взрываясь от собственной свободы, я творю музыку цветом…».

Поэта и художника сближало «родство душ» (именно так В. Романенко назвал свою статью о Н.М. Перовском), основанное на глубокой связи с искусством. По утверждению живописца, верность избранному пути сохранялась у писателя в самые трудные времена: от «бездомовного» студенчества («не было денег на хлеб», но «взахлёб говорили о литературе») до «сложных лет перестройки» и до «страшного периода рыночной стихии». Художник с уверенностью писал о старшем друге: «Он (Н.М. Перовский – Г.Т.) всегда оставался честным человеком и поэтом».

При всей специфике творческой работы поэта и художника проявляется некая общность их мировоззрения. В своём творчестве – живописном и литературно-художественном – они оба стремились на эстетическом уровне решить сложные философские проблемы взаимосвязи вечного и бренного, земного и небесного, конкретного и беспредельного. Охваченные вдохновением они пытались постичь не только тайны своего ремесла, но и осмыслить сущность мироздания, прикоснуться к глубинным (метафизическим) основам искусства.

В публицистических выступлениях Н.М. Перовского раскрываются его взгляды на природу и мир, на сущность художественного творчества. «Понятие “философия природы” для меня – это связь человека с миром, это всеобщее, что оказывает на нас всех влияние с самого раннего детства и до могильного крестика. Мы не можем представить себя вне времени, вне леса, реки, луга – всего того, что нас окружает. <…> Всё, что совершается на земле, – это как бы входит в нас, в единый ритм нашей жизни».

Для поэта природа этическая категория: «Вообще человека трудно себе представить вне природы, потому что она помогает ему жить, она его облагораживает, она ему даёт соизмерение времени, она в него вселяет тягу к чистоте, к естественности. И представить человека по-настоящему человеком, моральным существом вне связи с природой просто невозможно». Природа органично входит в художественное творчество писателя: «Потом с годами ты уже соприкасаешься с природой как бы большей площадью своего тела, своего духа <…> Ты ещё не знаешь, что происходит, но когда вот начинаешь писать, то чувствуешь, что поневоле тебе хочется как-то соприкоснуться вплотную с этими травами, с этим небом».

Отсветы этих натурфилософских взглядов проявляются в стихотворном посвящении Валерию Романенко «На Орлике» (1986 г.):

Воды Орлика спокойны,
холодны и зелены,
дух болотный, запах хвойный,
ожидание луны.

Шелестят в ночи деревья,
камыши в воде по грудь,
дремлет город, спит деревня,
проплывает Млечный Путь.

Поэт стремился постичь глубинные истоки эстетической деятельности: «В чём истоки поэтического творчества? Из души всё. Всё из души. Только оттуда. <…> Ведь мы только считаем, что мы-то живём на земле, а там – небо. Небо и над нами, и под нами. Мы такой же кусочек космоса, как все другие планеты <…>. И каждый из нас кусочек этого космоса. И всё на свете стремится к самовыражению. <…> Это заложено глубочайше. <…> Поэтому сказать, откуда (поэ-

зия), может только Господь Бог. А мы можем только чувствовать и пытаться выразить то, что у нас есть».

О сущности творческих бесед и споров с писателем вспоминал В.Я. Романенко: «[Мы с Н. Перовским – **Г.Т.**] говорили о высокой планке искусства, в котором слиты философская мысль и художественный образ, личные переживания творца и глубокое знание искусства. Размышляли о связи человека, захваченного творчеством, со всей вселенной и космосом. Этот порыв я стремлюсь выразить на холсте, где наряду с цветом, гармонией и любовью появляется нечто невыразимое, находящееся за гранью видимого и осязаемого. Интуиция сливается с чувством времени, в котором живёшь. Понимание природы идёт через обобщение и символ».

Валерий Романенко понимал глубину и сложность творчества друга-поэта: «Стихи Николая Перовского философски образны, порой аллегоричны, но всегда жизненно точны, многообразны и сочны. Я продолжаю общаться с поэтом, читая его стихи…». Для живописца остался памятным стихотворный экспромт, написанный поэтом: «Николай Михайлович и его жена Лидия Ивановна часто попадали в круг художников. Однажды они пришли ко мне в мастерскую и увидели картину “Март”. Поэт смотрел молча и внимательно, потом попросил карандаш и листок бумаги. В течение нескольких минут появился экспромт:

Ты положил на холст пятнистый март,
сорвал с души последнюю из масок,
твоей судьбы ритмический азарт
в мир красоты ушёл из мира красок.
(12 марта 1998 г.).

Это было здорово! Поэт меня понял. Этими строками горжусь по сей день». В личном архиве В.Я. Романенко сохранился рукописный текст этого стихотворения с авторской правкой.

На протяжении долгих лет поэт и художник поддерживали друг друга. Вместе с другими писателями Н.М. Перовский участвовал в создании телевизионного фильма «Облака над вечностью» (ОГТРК, автор А.А. Борисов, 1995 г.), посвящённого творчеству В.Я. Романенко. Поэт подключился к обсуждению спектакля-акции «Монологи», проходившего в театре «Русский стиль» (1997 г.). Друг-писатель выступил в Орловском художественном училище на открытии персональной выставки В.Я. Романенко, связанной с 50-летием художника. Во время этих памятных встреч звучало стихотворение-посвящение «На Орлике». Примечательной оказалась совместная поездка Н.М. Перовского и В.Я. Романенко в 2004 году в Железногорск – в город, связанный с их судьбой. В воспоминаниях орловский художник рассказал об этой встрече с железногорцами, вызвавшей у земляков-курян «неподдельный интерес» и сопереживание «трагическому и радостному в судьбе поэта».

Творческий диалог поэта и художника завязался вокруг картины «Россия без креста». На этом живописном полотне В.Я. Романенко изобразил мценскую церковь Святого Великомученика и Победоносца Георгия. По утверждению авторов книги «Архитектурные древности Орловщины» В.М. Неделина и В.М. Ромашова, на этом месте храм существовал уже в XVI веке. В 1683 году вместо деревянного обветшалого строения была возведена каменная Георгиевская церковь, перестроенная в 1825 году и закрытая через столетие – в богоборческом 1930-м. Около 80-ти лет здание стояло опустошённым и осквернённым. Такой церковь увидел орловский художник. При восприятии картины кроваво-красные сгустки кирпичных стен усиливали ощущение трагизма и скорби. В личной коллекции Н.М. и Л.И. Перовских сохранился этюд к этому полотну.

Н.М. Перовский посвятил В. Романенко стихотворение «Искра», в доработанном варианте получившее новое название – «Сердцевина». В телевизионной передаче писатель раскрыл замысел произведения, связанный с живописным полотном: «Мне близки его (Романенко – **Г.Т.**) пейзажи Дворянского гнезда, поскольку я живу недалеко и часто всё это вижу. А картина “Россия без креста”, изображённый собор – меня просто поразили. И поразила не только идея, а то, как всё это мощно, живописно и философски дано. Я пришёл домой и написал стихотворение. Оно, может быть, не только об этой картине. Однако ведь всё связано.

Нельзя сказать, что картина отделена от остального искусства. Она связана со всем его творчеством, с другими живописцами, со всеми нами».

Сохранились воспоминания художника, приоткрывающие основной «нерв» полотна – трагедию страны и народа: «Я писал это полотно с болью, потому что жаль порушенной красоты. Я назвал картину “Россия без креста”. Я вижу то, что строилось на века, и вдруг на храме нет креста, под куполом начинает прорастать дерево. Это во Мценске. Много историй я здесь наслушался, когда писал картину. Ко мне подошла старушка и со слезами сказала, что здесь когда-то венчалась. Вот так я решил эту проблему – как боль. “Россия без креста”. Его и внутри потом не стало». Примечательная реакция художника на стихотворный дар: «Когда он (Н.М. Перовский – **Г.Т.**), увидев мою картину “Россия без креста”, написал стихотворение “Сердцевина”, то удивил меня потрясающим проникновением в суть моего замысла…».

В первом варианте стихотворного посвящения, названного «Искра», поэт раскрывал проблему взаимосвязи духовного и земного начал в процессе художественного творчества. Ключевыми являлись образы-архетипы: Бог, мир, истина, человек. Возвышенно-книжный стиль, присущий медитативной поэзии, создавался сочетанием слов с отвлечённым значением (душа, дух, грех, плоть, смерть) и вкраплениями «высокой архаики» (уста, провидеть, сокрываю). В этом контексте материальные (предметные) образы (окно, ведро, дорога, кисти, полотна) теряли признаки конкретности и обретали обобщённое значение. Трудность процесса познания истины (почти недостижимость её) человеком-творцом (поэтом, художником) выражена развёрнутой метафорой: «Но смертному провидеть не дано // Омытое счастливыми слезами, // Распахнутое в истину окно».

Выделяя признаки греховности человека, Перовский подчёркивал его земную сущность. Это выражено глагольным рядом с внутренней рифмой: «Живу, дышу, а значит, и грешу». В анафорическом лексическом повторе, вводя мотив «безвдохновенности», поэт соотносил образы «пустое ведро» и «пустая душа». В первом из них актуализировано прямое и переносное (народная примета) значения. Допустимо говорить об особой звуковой урегулированности второй строфы – о звуковом лейтмотиве, связанном с мотивом греховности. Звук [У] многократно пронизывает каждую строку четверостишия (позиция начала, середины и конца стиха):

С пУстым ведром не перейдУ дорогУ,
С пУстой дУшой стихов не напишУ,
Не дУмаю, что я Угоден БогУ, –
ЖивУ, дышУ, а значит, и грешУ.

«Плоть» – единственный образ в стихотворении, имеющий два определения-эпитета (выделим аллитерационный повтор – звук [Т], пронизывающий словосочетание): «ПлоТь Тяжела, Темна <…>». В земном мире, лишённом вдохновения, – «бесцветны кисти и мертвы слова».

Связующим звеном между метафизической (духовной) и материальной (земной) сферами является человеческое сердце. Оно чутко воспринимает такие душевные качества, как боль, жалость, стыд. Обострённость восприятия мира (итог многолетнего творческого труда), душевная чуткость и отзывчивость (результат напряжённой внутренней работы) позволяют творцу воспринимать глубинную (духовную) сущность мира, выраженную образом «искра божества». Этот удивительный свет озаряет «стихи и площади полотен», распахивает в «истину окно». Поэт подчёркивает ограниченные возможности человеческого познания: художник-творец воспринимает только отблеск истинного совершенства, поскольку «мы Божьи тени, только тени». Однако произведение искусства, созданное человеком, но вобравшее в себя искры озарения, обретает подлинное совершенство. Оно становится божественно-земным и вызывает восхищение. Проявляются типологические связи с Николаем Рубцовым: в его стихотворении «Ферапонтово» великий иконописец Дионисий назван «небесно-земным».

Стихотворение Н.М. Перовского «Искра» имеет второй (более поздний) вариант, названный «Сердцевина»:

С пустым ведром не перейду дорогу,
с пустой душой стихов не напишу,

не думаю, что я угоден Богу,
живу, дышу, а значит, и грешу.

С годами не расширилось, а сжалось
и по любому поводу болит
то место, где рождается в нас жалость,
то место, где рождается в нас стыд.

В терзаньях наших небо неповинно,
но жизнь – не сказка о добре и зле,
всё дело в том, что сердце-сердцевина
есть у всего живого на земле.

… Хотя мы Божьи тени, только тени,
перед твоей «Россией без креста»
я просто опускаюсь на колени
и замыкаю грешные уста.

В заглавии стихотворения актуализировано значение, имеющее в словаре пометы «переносное» и «книжное»: «средоточие, центр, важнейшее место, важнейшая часть». Заметим, что образ «сердцевина» активно вошёл в поэзию XX века. В лирике О.Э. Мандельштама с этим ключевым словом соотносятся образы «посох», «свобода», «истина»:

Посох мой, моя свобода –
Сердцевина бытия,
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?
(Посох. 1914, 1927 гг.)

Последняя книга лирики Б.Л. Пастернака «Когда разгуляется» открывалась стихотворением «Во всём мне хочется дойти до самой сути…», в котором глубинный взгляд лирического героя выражен строками, связанными шестикратным анафорическим повтором предлога и завершавшимся образом «сердцевина»: «До самой сути // <…> До сущности протекших дней, // До их причины, // До оснований, до корней, // До сердцевины». О «солнечной сердцевине» волны писала Мария Петровых. «Сердцевина пути» как «конца и начала торжественное равновесье» появилась в стихотворении Вадима Шефнера «На палубе».

В «Автокомментарии», размышляя о процессе типизации при создании художественного образа, Н.М. Перовский стремился определить «сердцевину» («средоточие», «центр») самой поэзии: «<…> душа и разум человека пишущего отбирают самое-самое характерное… <…> Только на первый взгляд кажется, что [в стихотворении “За радугой” – **Г.Т.**] взят конкретный день, конкретные чувства, ощущения. На самом деле здесь обобщённый образ довоенной детской жизни. **Не только описание, но концентрация, консервирование, выжимка главного питательного для поэзии вещества»** (выделено нами – **Г.Т.**).

Примечательно, что О.А. Седакова в статье «Немного о поэзии. О её конце, начале и продолжении», соотнося понятия середина («сердцевина») и сердце («сердечное», «сердцевинное»), выделяла процесс трансформации («отчуждение», «обнищание», «движение вниз») современной поэзии: «Пространство поэзии имеет одну реальную координату: соотнесённость с центром, с сердцевиной. В русском языке сердце и середина – однокоренные слова, и это, между прочим, предостерегает нас от того, чтобы понимать сердце и сердечность слишком сентиментально. Сердечное, сердцевинное – просто центральное; центр жизни, в неменьшей мере смысловой центр, чем эмоциональный. Старые поэты (как Данте в «Новой Жизни») хорошо знали топос центра, сердца, сферичность как требуемое качество в лучшем смысле живого пространства».

По утверждению автора статьи, «отчуждение от поэзии, о котором часто говорят современные поэты (а ещё чаще и непосредственнее обнаруживают сами стихотворные сочинения) – это нечто более обширное, чем просто эмоциональное обнищание постмодернистской, постфрейдовской (каким ещё пост- её назвать?) цивилизации. Это отвычка от поэтического строя пространства, неспособность и нежелание переживать центрированность мира (и так называемого «внутреннего мира», и мира вообще), воля – осознанная или бессознательная – существовать не в виду центра». И далее: «Выбрав покинутый смыслом и центром мир, мы сохраняем не себя и даже не наличный status quo, а возможность беспрепятственно

двигаться вниз и вниз, во всё более плоское, фрагментарное и бессердечное (в обсуждавшемся смысле) существование» (электронный ресурс: режим доступа // poesis.ru›poeti-poezia/sedakova/poetry.htm).

В «Сердцевине» – новом варианте стихотворения «Искра» – поэт существенно переработал текст: убрал первую и третью строфы и ввёл новое четверостишие:

В терзаньях наших небо не повинно,
но жизнь – не сказка о добре и зле,
всё дело в том, что сердце-сердцевина
есть у всего живого на земле.

Обратим внимание на тонкую звуковую организацию четверостишия – аллитерацию (повтор свистящих согласных [з], [с]): «в терЗаньях <…> // жиЗнь – не СкаЗка <…> Зле // вСё <…> Сердце-Сердцевина еСть у вСего <…> на Земле». Эта особенность свидетельствует о том, что при изменении текста его художественный уровень не снизился.

По Перовскому, не «искры божества» (как было в первом варианте), а именно «сердце-сердцевина», способное воспринять божественное, становится связующим звеном между небесной и земной сферами. Таким образом, в новой редакции существенно меняется авторский замысел всего произведения: источник вдохновения теперь сосредоточен в самом человеке-творце, который способен, воспринимая сокровенное, творить произведения, наполненные духовной силой:

…Хотя мы Божьи тени, только тени,
перед твоей «Россией без креста»
я просто опускаюсь на колени
и замыкаю грешные уста.

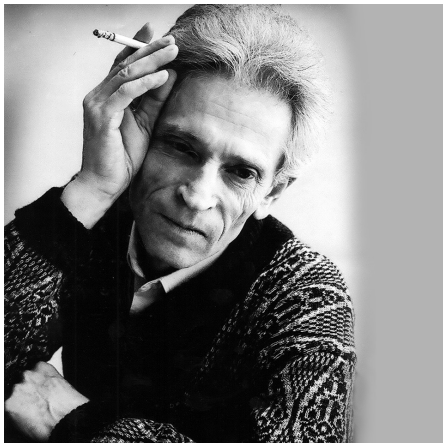
Автор картины «Россия без креста» утверждал: «Но всё равно я верю, что он (крест – **Г.Т.**) есть. У меня другая работа («Облака над вечностью» – **Г.Т.**), которая говорит о том, что всё это (духовное возрождение) продолжаться будет. <…> Многое из разрушенного сейчас восстанавливается. Я это вижу, я в это верю». Художник был убеждён, что «духовность в России не заменят никакие дела денежные или коммерческие» и «духовное нас соединит».

* * *

Нам досталось огромное и сложное наследие – русская культура XX века. Это не только отдалённые по времени «серебряный век», «оттепель», «самиздат» и литература русского зарубежья, но и наше родное и близкое (почти современное) искусство, рождённое в конце столетия на орловской земле. Важно в предстоящем бурном и длительном процессе переплавки регионального (по месту обретения, а не по духу) художественного опыта в нетленное национальное достояние помнить о высокой цене прозрений и обретений. Разными путями поэт и художник шли к пониманию мира, человека и творчества, однако общим и ценным в этом стремлении было осознание «сердевинности» искусства – истинной «центрированности мира».

Геннадий ТЮРИН.

НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ (1934-2007)



НЕ ВЫПЛАКАТЬ ПАМЯТЬ ЖЕСТОКОГО ВЕКА

ПУСТЫНЯ

Вчера отсияли Тянь-Шанские горы,
теперь о пустыне пошли разговоры.
И желтый сухой заметающий ветер
насквозь пронизал мою грудь на рассвете.
И слезы вскипели, которых не сдержишь,
как в храм Магомета
вползающий дервиш…

…Я голоден, тощ, но глаза мои сухи –
сижу на пайке, ученик ремеслухи.
Не слишком смакую мальчишечьи беды,
живу «Все для фронта и все для Победы».
Базар Самарканда … Чалмы и пилотки,
и язвы чесотки, и ритмы чечётки…

…Не выплакать память жестокого века -
обитель и грезу усто Улугбека.
Миражную плоть и восторг полумира –
летящий в зенит мавзолей Гур-Эмира!
Но кто это создал? Предвечные духи?
Устоды! Питомцы своей ремеслухи…

…Здесь дух Азраил над барханами вьется,
ведя караваны к иссохшим колодцам.
Здесь черный шакал разрывает могилы
людей, что кичились богатством и силой…
…Проснулся и вижу сквозь желтые слезы:
глядятся в канал виноградные лозы.

МЫ СИДИМ С ТОБОЮ

Мы сидим с тобою, глядя в небо,
ранний друг мой, тоненький росток.
Коркой подрумяненного хлеба
над Тянь-Шанем теплится восток.

Чан с водой остался у арыка –
не под силу тоненькой руке,
круглая созрела земляника,
дикий голубь стонет вдалеке.

Понимаю, как тебе неловко,
вижу, как пытаешься тайком
стриженую круглую головку
приукутать стареньким платком.

Мы сидим…и нам всего по восемь,
мы еще не знаем взрослых слов,
вырастем – тогда, наверно, спросим –
есть ли в этом возрасте любовь…

Что есть жизнь и что есть мирозданье,
на плечах невинных – чья вина?
Нам, конечно, скажут в оправданье,
Что была война, была война…

Все-то я пойму, да будет поздно…
Вечной сказкой о добре и зле –
восьмилетней, стриженой, тифозной
так ты и осталась на земле…

1988

СУХОВЕЙ

Неужто жил и я на белом свете
в объятьях доброты и простоты,
когда отара катится на ветер,
вытаптывая травы и цветы.

И девочка – подросток, дочь хозяйки,
к полудню приносила мне обед,
безбровая и в кофте – разлетайке,
в шальных глазах: семь бед – один ответ!

Конечно же, мы были однолюбы
и отвергали взрослую игру,
шершавые распахнутые губы
цвели от поцелуев на ветру.

А я мечтал о суетной столице,
о парках и бульварах, но пока
туда, на запад, плыли вереницей
чабанские степные облака.

Девчонка бросит школу, выйдет замуж,
понарожает крепеньких детей,
пришлет мне пару писем, ну, а там уж –
крестьянский быт и никаких затей…

А по весне взойдет трава забвенья,
и азиатский ветер – суховей
короткое и яркое цветенье
развеет в знойной ярости своей.

1988

ПОЭТ

Игорю Чернухину

Он перепробует все маски,
смешает все земные краски,
в мольберт небесных прихватив,
и лишь тогда придаст огласке
наитьем найденный мотив.

Оскоромошит и офенит,
растратит душу до конца
и возродится, словно Феникс,
во имя красного словца.

Корнями вглубь земли врастая,
он в синий холод, в белый зной
цветет, цветет, не отцветая
неопалимой купиной.

Он перепробует на ощупь,
на слух, на запах и на вкус –
цветную радугу над рощей,
трухлявый пень, цветущий куст…

И будь он дерзок или робок –
словцо стремится на ловца
пока сольется в самородок
золотоносная пыльца…

В пределах жребия земного
найти тропу добра и зла
быть царедворцем в царстве слова –
и растранжиривать слова…

* * *

Растает марево степное
над небом, чуждых облаков,
и вас охватит запах хвои
и перекличка грибников.

Маслята в розовых рубашках…
Пологий берег и вода,
и камыши, и луг в ромашках,
и пастушата, и стада…

И тем прекрасней этот полдень,
что он не сказка и не сон,
он явлен, явлен, мир Господень
и людям в дар преподнесен…

* * *

Угаснет день на крышах позолотой
и вечер – тих, прохладой освежен,
камыш, уставший кланяться болоту,
уснул, по пояс в воду погружен.

Замолкли птицы, пчелы откружились,
покой на муравьиных хуторах,
на стебельках зеленых сухожилий
ромашки прикорнули до утра.

А по ночам – тоскливый крик лягушек…
Гармоник захмелевших перебор,
и небо метеорит прямо в душу,
и степь ведет пахучий разговор…

* * *

Душе и разуму, расколотым,
не разделиться, не разъехаться,
октябрь, пресыщаясь золотом,
деревья обирает нехотя…

Но как уйти, не бросив вызова,
уйти невидимым, неслышимым
от разъяренных телевизоров,
от улиц с грязными афишами?

Между людьми, между народами
несется клич: «Иду на вы!»
А тут – плывут над огородами
дымы картофельной ботвы…

Пока земля не стала глобусом,
не умерла от облысения,
не электричкой, так автобусом
удрать в обители осенние.

Туда, где не кричат о голоде,
где лишь опята хороводятся,
где мирно опадают желуди
и все концы с концами сводятся…

ЭСТАФЕТА

Укрывшись от последнего мороза
колючей и пахучей желтизной,
февральская красавица мимоза
венчает зиму с раннею весной.

За нею, пробиваясь сквозь валежник,
заимствуя небес голубизну,
украсит землю девственный подснежник
и сохранит для ландыша весну.

Цветочную цветную эстафету
по кругу понесут гонцы весны,
передадут ромашковому лету,
сдадутся в плен на милость желтизны.

1985

СО СТОРОНЫ

«Тебе легче, ты человек со стороны…»
Из письма друга – геолога

Я человек со стороны.
Я не с Венеры, не с Луны.
Я странный сын своей страны,
и в этом нет ничьей вины.

Я человек со стороны,
Где люди совестью больны,
Где нервы так обнажены…
и в этом нет ничьей вины.

Я человек со стороны,
мои задачи так сложны,
что и на треть не решены,
и в этом нет ничьей вины.

Я человек со стороны,
мне днем созвездия видны,
а по ночам цветные сны,
и в этом нет ничьей вины.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

РЫБАКИ

Дымный табор у обрыва,
луг, намокший от росы,
а в затоне ходит рыба –
чебаки да караси.
Оструга́ю удилище,
мылом нитку просучу,
просмотрю у лодки днище
да весло укорочу!
Размечтался не на шутку,
да в карманах пустота…
Цыганенок самокрутку
вынимает изо рта.
Я-то знаю, я ученый,
я от зависти – молчок:
на ладони прокопченной
пляшет новенький крючок.
И как будто с того света
слышу голос сатаны:
«Эй, безмамкин, денег нету,
скидавай – давай штаны!»…

Я стою, глотая слезы,
я сжимаю кулаки,
над водой парят стрекозы,
реют пчелы и жуки.

ЗИМА

Наконец – то и город, и Орлик в снегу,
невозможно поверить, что летом
васильки да ромашки на том берегу,
лопухи да крапива на этом.

В кои веки укрытыми спят зеленя,
в перелесках опущены ветви,
и, как будто дразня, повторяет лыжня
прихотливые заячьи петли.

Снегири и синички, сорок говорок….
До последней рябиновой кисти
птичьи стаи с зимы собирают оброк,
и природа не знает корысти.

3 января 1997 г.

АВГУСТ

Главное – начать свой день с простейшего:
улыбнуться, глядя на восток,
выпить августейшего, густейшего,
наливного августа глоток.

Улыбнуться – долго ли умеючи,
принимая к сердцу даль и близь,
потому что нет на свете мелочи,
без которой можно обойтись.

Дворничиха борется с окурками,
ветер в тополях зеленогрив,
рыжий кот заигрывает с мурками,
птенчик хорохорится «жив – жив!»

А напротив дом кирпичный строится.
чтобы в нём не скапливался сор,
«майна» с «вирой» спозаранку ссорятся,
свежим матерком крепят раствор.

Все при деле – люди и растения
и, покуда солнце у руля,
есть на свете радость обретения
и в охотку вертится земля.

1997 г.

ЖАЛОСТЬ

Почему-то мне жалко других, -
однокашников, близких, знакомых,
дорогих или не дорогих,
не ведущих себя, а ведомых.

Я за всё благодарен судьбе,
и за то ещё, как оказалось,
что к дражайшему другу, к себе,
никогда не испытывал жалость.

Июль 1996 г.

НУЖДА

Одна судейская отмашка,
а может вовсе без суда –
так родилась моя близняшка,
сестра по имени нужда.

В любви и ревности великой
она выказывала нрав:
то обвивалась повиликой,
а то душила, как удав.

Свой крест безропотно несущий,
я постигал её язык,
покуда веры хлеб насущный
не преломил и не постиг….

И если в том её заслуга,
то пусть живет со мной всегда
моя сестра, моя подруга,
моя печальница – нужда….

16 мая 1998 г.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

КАЗАКИ. ДЕТИ СОЛНЦА. «МЫ ИДЁМ С КОНЁМ ПО ПОЛЮ ВДВОЁМ»

Широкий казачий круг под Мценском, и песня звучит под баян:

- Пой, златая рожь, пой, кудрявый лён,
Пой о том, как я в Россию влюблён.
Пой, златая рожь, пой, кудрявый лён,
Мы идем с конем по полю вдвоём.

Виктор Садовский поднимает баян над головой:

- Станичники! Донцы – молодцы!
Кубанцы – бубенцы! Пойте, пойте, ребята,
Во все свои широкие глотки,
Славьте родную Россию свою!

Каждый год собираются тут они, орловские казаки, каждый год душу бередят историческим прошлым своим, укрепляя вековые традиции на любимой Орловщине, в которой слились теперь казаки всех краёв и весей.

Вот хомутовские – судьбищенские на конях во главе со своим атаманом Алексеем Семёновичем Злобиным.

Вот кубанский казак Виктор Фёдорович Садовский с баяном, с которым он тоже сросся, как казаки с конём.

А вот и я сюда бы к ним всей душой, донской казак, с пером своим летучим, как с шашкой над головой.

Широкий казачий круг. Широка душа, широка страна моя родная…

Вернулся Виктор Фёдорович на Кубань, в станицу свою, объехав с баяном 33 штата Америки, пол-Европы обходил, пропагандируя русскую песню. И с Кубани сюда, на Орловщину, где учился в музыкальном училище, институте культуры и искусств. Чтобы стать настоящим, профессиональным музыкантом, композитором, собирателем русских народных песен. Здесь, в Орле, у него дом и большая, дружная, песенная семья.

Каждый год собирается Виктор Садовский к себе туда, на Кубань. Доложить землякам, как он держит марку кубанскую, чем занят, что у него получается, а что ещё требует сил и внимания. Неожиданности случаются. Думал, что он музыкант-исполнитель, пишет песни на чьи-то слова, а попробовал на свои, вышел у него сборник «Берёзы мценской стороны», (1988 г.), оценили положительно. Решил Садовский попробовать себя в стихе. Издал в «Вешних водах» книгу стихов и переводов (2000 г.), затем книги стихов «Оберег», «Органную высь». Статьи в газетах пошли. Увидел сам, что получается, и все это увидели. Пригласили Виктора в отдел культуры областной газеты «Орловская правда». Вот где раскрылся, можно сказать, его главный талант – публициста.

И тут стали публиковаться у него очерки о талантливых людях Орловщины. Интуицией дошёл он до осознания того, что о талантах

надо писать особо, талантливо. Вот хотя бы очерк обо мне. Одно название чего стоит: «Мастер Леонардо из Малоархангельска». Сразу приковывает к себе внимание. Посмотрите, какой стиль, тут и метафоры, глоссы, эрудиция, слитность мыслей и чувств, и всё это эстетика, ощущение гармонии, красоты.

«Он не причисляет себя к композиторам, которые мучаются часто очень долго в поисках нужной интонации или гармонической краски. Его мелодии рождаются сами, одновременно с текстом, и воспринимать их нужно именно так, в таком синтезе. В этом смысле он сродни античным аэдам, древнерусским певцам-сказителям, таким, как легендарный Гомер, песнопевец Боян. То есть можно говорить о продолжении Леонардом Золотарёвым античной, древнерусской традиции былинно-эпического жанра («Не рыдай меня, мати» и др.), где автор текста, музыки и исполнитель представлен в одном лице, а тематика музыкальных повествований отражает то, что происходит в данное время с соотечественниками, страной и даже всем миром. Им создана «Звуковая поэзия мира» из десятков аудиокассет – музыкальное зеркало «звездочётов» земли».

То же самое я мог бы сказать и о самом Викторе Садовском. Это песнопевец Боян. Особенно в журналистике. Недаром членом Союза журналистов России он стал прежде, чем членом Союза писателей России. Откровенно говоря, он человек многих способностей и щедрой души. Написал я немало авторских песен, но не мог положить их на музыку, сделать их фактом профессионального звучания. А Виктор Садовский смог это сделать, не в пример другим, к которым не подступись. Он положил на ноты целый сборник моих стихов. Да не только мне, но и ещё, я знаю, одному «страдальцу» - сочинителю песен из Змиёвки.

И ещё такое качество широкой души Виктора Садовского: он любит людей, стремится к ним, он всегда среди них. И не только потому, что у него такая профессия: по диплому Виктор – дирижёр народного хора. Дирижировал хоровыми коллективами в Отраде, на сталепрокатном заводе, областным народным хором, где, возможно, и развилось это его качество: тяга к людям. Ну, кто просил его в Отраде передать черты характера, частичку души своей Виктору Викторовичу Кузьминову – агроному из мценского Подбелевца? Послушайте, как играет Виктор Викторович на баяне, как он может сплотить людей вокруг себя, создать коллектив, как звучит у него русская песня.

Вот с каким багажом вполне может ехать Виктор Садовский туда к себе, на Кубань. Есть ему что показать землякам. Краснеть за своего казака тут у нас, на Орловщине, им не придётся. Вот и ездит он туда каждый год и везёт все новые и новые достижения. Не так давно там, на Кубани, а конкретно в Тамани, известной по лермонтовскому «Герою нашего времени», состоялся грандиозный праздник, посвященный 27 векам этого когда-то греческого поселения. Виктор Садовский, как всегда, надел свой казачий чекмень с газырями, подвесил к поясу кинжал и вместе со своими станичниками, с войсковым старшиной Львом Анатольевичем Яковых отправился на берег Чёрного моря. Повёз на краевой праздник свои песни, сочинённые им тут у нас на Орловщине.

Вишня. Старый верстак.
Шепчет дед, словно молится:
«Бог, Россия, казак –
Неделимая троица».

Вот и к нам сюда, в наш степной городок Малоархангельск, приезжает он на День рождения Пушкина, этот ныне всемирный праздник, объявленный ЮНЕСКО Днем русского языка. И что мы читаем? Конечно, Пушкина. И что мы поем? Конечно, народные, казачьи песни. То с этой начинаем, а то с другой.

Сяду я верхом на коня,
Ты неси по полю меня!
По бескрайнему полю моему,
По бескрайнему полю моему.
Полюшко моё, родники,

Дальних деревень огоньки.
Золотая рожь да кудрявый лён,
Я влюблен в тебя, Россия, влюблён.

А придём домой к нам, что на той же улице, где и памятник Пушкину, пойдём в сад с Садовским. Сядем за стол под моей материнской яблоней, да как растянет Виктор мехи баяна, как грянем мы песню:

Распрягайте, хлопцы, коней.

Или

По Дону гуляет казак молодой.

А я вспомню еще и песню из военных лет, из лета 43-го, когда услышал я такую песню от встреченных у колодца казаков на конях.

Где-то там, далеко за Волгой,
Догорает небывалый бой.
Потеряю я свою кубанку
Со своей удалой головой.

Виктор скажет мне:

- Слушай, друг, спиши песню. Хочу знать её, буду петь.

- Спишу, - скажу, - напою тебе на магнитную ленту.

А потом пошло, покатило:

- Маруся, раз-два-три, калина!
Чернявая дивчина
В саду ягоду брала.

И птицы примолкнут в нашем саду, и даже хор соседей – ветераны-бабушки и их солист тенор Алексей Иванович Агарков, и те, бывало, затихнут, слушают нас с удивлением и интересом. На полгорода летят наши песни, до самого Парка Победы, где лежат герои войны. А соседка Валя Кононова скажет мне через загородку:

- Ну и много же, наверно, вы получаете за такие песни! Внучку свою хочу отправить в музыкальную школу.

А мы с Садовским переглянёмся, перемигнемся:

- Маруся, раз-два-три, калина!
Чернявая дивчина
В саду ягоду брала.

Перейдём в дом, в комнату, где Садовский мои песни на ноты клал, а тут четыре стены со всех сторон, а не как в саду вокруг свободное пространство. Тут-то на тебя и навалится что-то странное, необычное и в то же время привычное, что враз меняет картину, переводит душу в другое состояние. Тут уж «распрягайте, хлопцы, коней» не пойдут. Не то настроение, не те слова и мелодии. И Садовский это понял. Тихо тронул он одну, другую кнопку баяна. Положил голову на мехи и едва-едва слышно запел старую казачью, любимую песню Шолохова. Так и видишь Шолохова, вроде сидит он в подпитии, обхватив голову руками, и вдруг эта песня откуда-то. Остановишься на половине дыханья, вздрогнешь, душа встрепенется, сладко заноет внутри.

И поёт ее Садовский просто, задушевно, с казачьими малороссизмами, под голос баяна:

- Не для меня цветёт весна,
Не для меня Дон разольётся.
И сердце девичье забьётся
С восторгом чувств не для меня.
И сердце девичье забьётся
С восто – с восторгом чувств не для меня.
Не для меня тякуть ручьи,
Звенять алмазными струями.
Там дева с чёрными бровями,
Она растёть не для меня.
Там де – там дева с чёрными бровями,
Она растёть не для меня.
Не для меня цветуть сады,
Над яром роща расцветаеть.
Там соловей весну встречаеть,
Он бу – он будет петь не для меня.

Душа моя поплыла, оторвалась от земли, ввысь куда-то взлетела. Просто невозможно стало, так стало вдруг хорошо. И Дон, и дева, и сады, что расцветают, так и слились с Садовским, с его неприхотливым, человеческим голосом, с простым его исполнением, аж сердце защемило.

Не для меня Пасха придеть,
Родня за стол вся соберётся.

«Христос воскрес»! Вино польется,
Но эта жизнь не для меня.

Баян разливается, баян поет голосом Садовского, тонет где-то в степи, куда уходит с конём казак.

А для меня придеть война.
На фронт германский я умчуся.
Домой я больше не вернуся.
Там пу – там пуля ждёт меня одна.
И прилетит кусок свинца,
Он в тело белое вопьётся.
Вот е – вот ента смерть там ждёт меня.
Вот е – вот ента смерть там ждёт меня.
Не для меня придеть весна,
Не для меня Дон разольётся.

Одна война германская не дошла сюда, так другая зацепила белое тело казака. Вёшенская, Шолохов, Шукшин в образе солдата Лопахина в фильме «Они сражались за родину». Вот такие картины, как в кино, мелькают одна за другой за этой песней казачьей о судьбе человека.

Так всего меня и перевернуло.

- Друг! – говорю я Садовскому. – Дай-ка и я попробую, я ведь тоже казак.

- Попробуй, - тронул Садовский белые кнопки баяна.

«Ну что там? – думаю. - Оперные вещи, неаполитанские песни пою. Эта вроде проще, народная, как про ямщика. Евгений Дятлов поёт, слышали, хорошо поёт, а за душу так не берёт. Поёт Садовский так хорошо, так естественно, и не знает ведь, как он поёт»…

И вспомнились мне тут «Певцы» Тургенева, Яков Турок в шинке. Поют певцы один за другим. За Якова рубаху последнюю снимешь, а другого послушаешь, похлопаешь в ладоши, и всё.

- Витя, – говорю я. - Как хорошо, что ты есть на свете. Что есть у тебя баян, что ты поёшь эту песню. Она у тебя из нутра идёт, ты даже сам не знаешь, как выворачивает она всего меня, всю мою человеческую натуру.

- Хочешь, я тебе расскажу, откуда у меня баян, - увлажнились у Вити глаза. - Все в этих стихах, посвященных отцу моему Фёдору Макаровичу.

- Послушай, на озере Чад
Изысканный бродит жираф, - говорю я таинственное, гумилевское.

- Послушай, жираф, - улыбнулся Садовский. – Про этот мой первый, купленный батькой баян.

БАЯН (в сокращении)

Продав на ярмарке корову,
Не положив гроша в карман,
Отец купил в сельмаге новый
Известной фабрики баян.
Домой пришел «уже хороший» -
Полураздет, полуразут –
И на вопрос: «Где, Федя, гроши?»,
Открыв футляр, ткнул пальцем: «Тут».
Мать, где стояла, там и села.
Но, зная мужа нрав крутой,
Скандал затеять не посмела.
Лишь прошептала: «Боже мой!»
«Сын третий год без инструмента.
У хлопца – к музе интерес.
А ты все ту же крутишь ленту,
Послухай лучше полонез.
А ну, сынок, заграй для батьки.
Нажми на клавиши, сынок».
Я отложил свои тетрадки
И жал на клавиши, как мог.
Играл Огинского и Баха,
Набор мелодий из кино…
Отец стоял в дверях и плакал.
Точнее – плакало вино.
Потом, впервые не буяня,
Обнял за плечи нежно мать.
«Не думай, Вер, что я по пьяни, -
Сынок играет на баяне,
Большим артистом может стать».

- А что, - сказал я, - молодец – отец.
Купил баян тебе… Не Лист!
Но всё же, Витя, ты артист.
А мне мой дедушка Макарыч
Всё скрипку собирался сделать вроде.
Чертёж так и лежит, положен на ночь,
А пролежал сто лет в комоде.

- Опять экспромт? – сказал мне Виктор. - Помнишь, как «Горлинку» свою ты сочинил?

- Когда?

- Я песню клал тебе на ноты.

- А, помню… прилетела горлинка и села на березу, что напротив наших окон, и перелетела в сад. Бросился я к ней с фотоаппаратом. А после стихи написал, наверно, за полчаса.

- И музыку минут за пятнадцать, - улыбнулся Садовский. - Экспромт! И я тут же положил их на ноты. Поем теперь её с тобой иногда… «Горлинка»…

- Про меня хватит, - говорю. – Про меня ты сказал достаточно. Я же пишу про тебя, Витя, про твои книги, стихи, циклы стихов. Скажу про такие, какие особо понравились мне. Например, «Пруд Савиной». Про тургеневское Спасское-Лутовиново. Это живопись словом, любовь стареющего Тургенева к молодой актрисе.

- Ну, а «Четыре чубука»? – спросил меня Виктор Садовский. – А как они тебе показались?

- Мощные! Одна аллитерация чего стоит. Че-че… «четыре чубука»… Как у Пушкина: «очей очарованье»…

- Я всегда говорил, - рассмеялся Садовский, - что у тебя есть вкус. Значит, для тебя можно писать «четырнадцать чубуков»…

И что я скажу напоследок. Всяко у человека бывает. Мелькнет он перед тобой как мастер, как метеор, но не исчезнет, так и останется в тебе, пока ты живой. Спасибо, дорогой, что ты есть, что ты будешь во мне. Бывают люди-двойники, которые сходны внешне, а мы с тобой, наверно, сходимся внутренне.

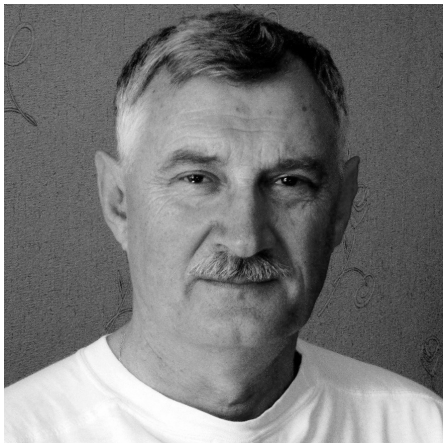
Ты, Витя, спел мне казачью песню, любимую Шолоховым. Спасибо тебе за песню. Без неё я не осуществил бы мечту своей жизни, не написал бы оперу. Вот она на аудиокассете «Голубая дивизия», где ты поёшь под баян эту песню «Не для меня».

Я вижу тебя, ты видишь меня, мы видим с тобой друг друга. Русское поле под солнцем – и мы с тобой, два казака, дети солнца, идём по нему и поём под баян.

Будет добрым год-хлебород.
Было всяко, всяко пройдёт.
Пой, златая рожь, пой, кудрявый лён.
Мы идём с конем по полю вдвоём.

Из книги «Орловская лавра»

ВИКТОР САДОВСКИЙ



ОРЁЛ ЗА ДЫМАМИ ВРЕМЁН

Музыкально-поэтическая композиция на музыку Е. Дербенко (журнальный вариант)

Посвящается 450-летнему юбилею города Орла.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

К КОРНЯМ РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА

Я вошёл в монастырскую келью –
Тихо скрипнула дверь за спиной –
И внезапно попал в параллельный –
Мир похожий, но всё же иной.

Изменилось пространство. И время
Отсчитало обратно века.
Я стоял меж высоких деревьев,
Там, где Орлик ласкает Ока,
Как младенца Пречистая Дева
На своей материнской груди.
Здесь Орла родословное древо
Очень скоро должно прорасти.

Не случайно ведь конь белогривый
Пьёт холодную воду в реке:
Вон сидит человек над обрывом,
Нить судьбы в его царской руке.

Тяжела, видно, шапка монаршья.
Расписали морщины чело.
Не по возрасту выглядит – старше.
И уставшим. Уставшим зело?.

Озабочен весьма и угрюмый,
Глядя вдаль, говорит сам с собой.
Дай послушаю царские думы,
Постою у него за спиной…

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДУМА ЦАРЯ ГРОЗНОГО

То не туча грозовая с поля Дикого.
То не ветер-вихрь дорожкою торёною.
То на Русь опять с гортанным
диким гиканьем
Крымский хан Гирей летит
стрелой калёною.
Всё сметает на пути шальная конница.
Дым пожарищ занавесил небо синее.
Полонянками шатры верблюжьи полнятся.
Вдовий плач висит позором над Россиею.
Взял Казань я, путь открыт
за Пояс Каменный.
Велика Сибирь – гуляй, казачья вольница!
Города руби. Кали железо в пламени…
Полудённый край теперь моя бессонница:
Чем границу удержать?
Где крепость выстроить,
Чтоб была щитом надёжным
для Московии?
Не могу я холостым зарядом выстрелить.
Слово царское – не повод для злословия.
Быть щиту!
На землях непокорных вятичей,
У слияния Орла с Окой-красавицей,
Дело важное немедля будет начато.
Пой во славу, хор, Руси Великой здравицу!
Многая лета! Многая лета! Многая лета!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ОРЛОВ НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ СТОН

О чём вы шумите, дубы над Окой,
Без буйного ветра?
Кто смел потревожить ваш древний покой
Порой предрассветной?
К чему беспокойно кружатся орлы
Над старым гнездовьем?
Неужто услышали посвист стрелы –
Предвестника крови?
О, нет! Завывания стрел для орлов –
Привычная песня.
И крепким стволам необъятных дубов
Напев их известен.
Осенний рассвет обозначил закат
Для рощи дубовой.
Сегодня орлы навсегда улетят
На поиски новой.
Услышит ли их ностальгический стон
Народ с топорами,
Кому государево слово – закон?
Не держит совета сиятельный трон
Ни с ним, ни с орлами.
Монаршим Указом царь Грозный у птиц
Гнездовье отнимет,
Как вырвет из книги
часть важных страниц.
Но гордое имя
И образ орла он оставит в гербе,
Потомки чтоб знали:
Царь Грозный не памятник ставил себе –
Орловская крепость в Державной судьбе,
Как запись в Скрижали.
Гордитесь и славьте деяния тех,
Кто граду дал имя.
Разрушить гнездовье, конечно же, – грех.
Но если деянье – во благо для всех,
Бог грех этот снимет.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗАКЛАДКА КРЕПОСТИ

1.

Поплыло над лесом солнце,
Небо светом полнится.
Зазвонили в колокольцы
На походной звоннице.
Воевода Безобразов,
Шапку сняв, идёт с Указом
К иерарху старшему:
-«Благослови,Владыко, нас
С честью выполнить Указ
Государя нашего!.
-Благословляю! Божья Воля -
В царском повелении:
«…бысть потавлен град на поли
на реке Орлее! »
Крест целует воевода:
«Любо, люди ратные!»
«Любо!..» - громом с небосвода
Эхо троекратное.
«Любо! Любо!» - вторят войску
Мужики работные.
Льётся солнце тёплым воском
На ряды их плотные.
Бабье лето вяжет нити
Паутин серебряных.
-Люди добрые, взгляните!
Вот и ангел наш хранитель
Кружится над дебрями!
В завершение молебна,
К месту церкви будущей
Прилетел – спустился с неба –
Голубок воркующий.
Крест подняв над головою,
Иерарх со свитою,
Всех кропя святой водою,
Двинулся с молитвою
К месту будущих ворот,
Где река Орёл течёт:
«…утверди, Господи, ограждение се…
избави его от губительства,
труса и потопа, огня и меча,
нашествия иноплеменных,
междуусобной брани.
И даруй насельникам града сего
жизнь счастливую».

2.

На реке волна рябит,
Пригревает солнышко.
Возглас дьякона: «Руби!»
Рог походный протрубил,
И – пошла работушка.
Застучали топоры,
Брёвнышки дубовые
Зачищаем от коры,
Строим крепость новую
Позарез Орлу нужны
Всякие работники.
Землекопам нет цены,
Дровосекам, плотникам…
Из окрестных деревень
Мужики не хилые
Ходят в крепость каждый день
С топорами, пилами…
Всех Орёл готов принять,
Чтоб расправить крылышки.
Слух летит стрелы быстрей
По России-матушке.
Чешут выю хан Гирей
И литвин на ратуше:
Крепость русская – что кость
Горлу ненасытному…
Не буди в медведе злость,
Приходи на Русь как гость,
Чтоб не быти битому.

3.

Догорают берёзки и клёны
У корней родословных Орла.
Новый город, как юный орлёнок,
Лишь готовится встать на крыла?.
Будет путь и прямой, и извилист,
По велению властной руки.
Дай-то Бог, чтоб вовек не мутились,
Чтобы девственно чистыми бились
В руслах рек и в сердцах родники.

Мне пора бы уже возвращаться
В свой бурлящий проблемами век,
Круг времён стал обратно вращаться,
Но к несчастью, а может быть к счастью,
Кони-годы замедлили бег…
Предо мною эпоха иная.
Позади царство смуты и лжи.
Укрепляются Вера Святая,
И державы родной рубежи.

Город, шире расправивший крылья,
Закрепился на двух берегах,
Порождая легенды и были,
И вопросы в пытливых умах.

-С коренным пообщайся народом!-
Прокричал на сосне витютень.
Что ж, пойду погулять на природу,
У орлян нынче праздничный день.

КАРТИНА ПЯТАЯ

КУЛАЧКИ

1.

После праздничной
службы храмовой,
Богомолия
всенародного,
Собирался люд
за рекой Окой
На широкий луг,
на кулачный бой.
Вереницами
шли со всех слобод
Показать себя,
посмотреть народ.
Шли боярские –
шибко гордые.
Монастырские –
люди тёртые,
Шёл кузнец-боец –
с булаву кулак,
Шёл пушкарь, стрелец
и лихой казак
В праздник Троицы
Распотешиться.
Чай, с Велика Дня
руки чешутся.
Ведь не каждый день, -
лишь в Престольные
Кулакам в Орле
воля вольная.
Воля вольная,
но по правилам,
Тем, что предками
нам оставлены.

2.

Ты стелись под ноги, травка,
Скатертью шелковою,
Начинается затравка
Ребятнёй бедовою.

На пушкарских – казачата,
Цепкие, ершистые,
С места в бой пошли завзято
Стеночкой волнистою.
Дружно чешут кулачонки...
И, сверкая глазками,
«Не робей, – кричат девчонки, -
Не срами Черкасскую!»

Погляди-ка, пушкарята
Тоже, брат, не робкие,
Щёки пламенем объяты,
С виду неторопкие.
Стенка – ровным частоколом,
Не пробьёшь из пушечки.
Как ядра удар тяжёлый
Кулака-игрушечки.

3.

После эдакой затравки лихой,
Слободская недоросль рвётся в бой.
А за ними и женатая рать,
В нетерпеньи рвётся кости размять.
А потом уж и бойцы-старики
Бьются с левой, как и с правой руки.

- А мы хлопцы – хоть куды,
хоть куды!
Из Покровской слободы,
Слободы.
Нам для пятницких братков-
казаков
В праздник Троицы не жаль
кулаков!

А чего бояться нам –
пушкарям?!
Мы привыкли к кулакам,
тумакам.
Если пушку заряжаем
ядром,
Забиваем в ствол ядро
кулаком.

А вот так! Эх! Ух!
Не лови, брат, мух!
На бочок – в лопух!»
А лежачих тут не бьют.
Ох, не бьют!
Но и мёду тоже тут
Не дают!

Вот пошли на монастырских –
стрельцы.
Дети видят, как дерутся
отцы.
Час пробьёт и для стрельцов-сорванцов
Заменить на службе ратной
отцов.

4.

– Расступись, честной народ! -
Крикнул голос зычный. –
В бой кузнец Фома идёт!
Он боец отличный!
Кулачищем с булаву
Богатырь-громила
Ложит пачками в траву,
Нехотя, в полсилы
И посадских, и черкасс,
Пятницких, заречных…
А поди ж ты, пьёт лишь квас,
В драках не замечен.

Но кулачки – честный бой,
Не хмельная драка.
На Фому пошёл рябой
Ванька Кожемяка.
Коренаст.
В кости широк.
Руки – что лопаты.
Бугая валяет с ног,
Не взимая платы.
Без труда подковы гнёт,
Как ивняк прибрежный.
Но меж вдовушек слывёт
Кавалером нежным.
С кузнецом Иван в друзьях.
Но на поле бранном
Уступать никак нельзя
Даже кровным братьям.
А сегодня Кожемяк
В супротивном стане:
Продал на день свой кулак

Торгашам с Рязани.
Будут брагой угощать
И деньжат отвалят,
Если сможет устоять
И Фому повалит.
У Фомы – тяжёл удар.
Ванька – в хватке ярый.
Но в кулачках сей товар
Не в ходу и даром.
Потому таит рукав
Зубчату свинчатку…
Врежь, Фома!
Рази шульгой
меж бровей лохматых!
Ванька вскинул над собой
Ручищи-лопаты.
Из прорехи в рукаве
Выхватил свинчатку,
Но …удар по голове,
Усмирил Ванятку.
Что ж, в кулачках не резон
Нарушать обычай –
Вряд ли вынесешь позор,
Пересудов перезвон,
Даже с шеей бычьей.

5.

После битвушки
рать кулачная
В речку сигает,
отмывается.
И опять идёт
к полю бранному,
Ставшим скатертью
самобранною.
Мировую пьют
да братаются.
Силой, удалью
похваляются.
Ведь не каждый день –
лишь в Престольные
Кулакам в Орле –
воля вольная.

Русский бой, кулачный бой –
Мирная забава.
А пойдут на нас войной,
Будет страшным русский бой.
Будет громкой слава.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ГРАБЁЖ

Под мостами тёмной ночкой
Не ходите в одиночку:
Там – жуть!
Там ждуть,
кого ножичом пырнуть!
А не хочешь в спину нож,
Отдавай последний грош.
Караул!
Гра-бёж!
Гра-бёж!
Гра-бёж!
Ну, а что ж городовой
Не спешит пресечь разбой?
-Ка-кой ещё раз-бой?!
У него, городового,
На сей счёт порядок свой:
Не на каждый голосок,
К помощи взывающий,
Заливается свисток.
Так, друзья- товарищи!
В прошлый год отца Никиту
В рясе сбросили в Оку,
Ну и что? Всё шито-крыто.
Слава Богу, жив Никита,
Крест серебряный – ку-ку!
Говорят, лежит на дне,
На приличной глубине.
Грех, однако, невелик –
Есть чему дивиться:
Под мостом забил родник
Со святой водицей!!!
-Ну, приятель, ты даёшь!
Словно даришь рубль.
Отчего ж тогда грабёж
Не пошёл на убыль?
-Преуспело в этом зле
Кудеяра племя.
Извести его в Орле
Не приспело время.
Потому и не поймёшь
Хитрую науку –
Где поборы, где грабёж,
Кто чью моет руку.
Тут бы в пору всех послать
Площадною бранью…
Только мать жаль поминать».

«Ну, зачем же трогать мать,
Посылай всех – в баню!»

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

БАНЯ

Божий храм – купель души.
В баню, знамо дело,
Православный люд спешит
Для души и тела.
Банный дух – что мёд хмельной,
Как настой целебный,
Жарким летом и зимой –
Для людей потребный.
Будь мороз хоть трижды лют,
Никакой отсрочки
Мамки дочкам не дают,
А отцы сыночкам.
Стражник, плотник иль пушкарь,
Знатная ль особа, –
Раз в неделю кости парь,
Не впущай хворобу.

В бане правила строги,
Как в бою кулачном:
Выше согнутой ноги
Зрить на женщин не моги,
Тут – не ряд калачный.
На язык набрось узду
И на глаз прицельный,
Чтоб не париться на льду
С веничком метельным.
Банщик, дядя Ерофей
С трёхоктавным басом,
Ходит, словно архиерей,
С веником на Спаса:
- Кто просил парку?
Поддам…
Бабы, не шумите!
А не то подброшу вам
Парить деда Митю.

Бабы – в хохот:
- Парь, не парь,-
(Шепотком на ушко)
Митю хоть на углях жарь,
Никудышним стал пушкарь:
Не стреляет пушка.

Под весёлый разговор –
Аж гудит парная! –
Мужики бегут во двор,
В чистый снег ныряя.
И – обратно на полок,
Под высокий градус!
Баня русская, милок,
Даже мёртвым в радость!

Постепенно тише смех,
Плеск воды, звон шаек.
И с помывки прежде всех
Банщик провожает:
Мамок, юных дочерей,
Вдов и молодаек…
Стоя стражем у дверей,
Строго наблюдает,
Чтоб глаза у молодцов
Были к долу ниже.
А не то, – ушат в лицо!
И клеймо «Бесстыжий!»

После бани все идут,
Как из церкви Божьей.
В чистом теле – крепче дух!
И душа моложе.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

КАЗАКИ В ОРЛЕ

(Праздник по случаю победы в войне 1812 г.)

День осенний, мерзкая погода.
А по главной площади Орла
Снова, снова конница в походе,
Под оркестр стремится, как стрела.

Стук копыт.
Срослись с конями хлопцы.
Шашки – вон!
Чубы – на козырьки!
То на праздник прибыли к орловцам
Платова лихие казаки.

На шальном ветру трепещет знамя.
Рядом с ним казачий атаман:
На коне, с огнистыми глазами,
Коренастый, смуглый, как цыган.

В кои веки видится такое!
И летит «Ура!» со всех сторон.
Без потерь,
Без выстрела,
Без боя
Взял Орёл казачий эскадрон.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

БАЛ В ИНСТИТУТЕ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

Весна.
Институт благородных девиц.
Как много красивых, взволнованных лиц.
Воспитанниц, в бальные платья одетых,
С поклоном на вальс приглашают кадеты.
И кружатся, кружатся лёгкие пары.
А в юных сердцах полыхают пожары.
И мальчикам в строгих
мундирах парадных
Бал кажется первой в их жизни наградой.

Медленный вальс.
Раз, два, три, раз, два, три, раз…
Жар нежных плеч.
Шёпот, несвязная речь.

«А вы…?»
«Да, читала… какая любовь!..»
«Тургенев изыскан…»
«Но ярче Лесков».
«А Тютчев?.. А тонкая лирика Фета?»
«Увы!
Но сударыня, мы же – кадеты.
В стенах «Бахтина»
не до чувственной лиры.
Случится война – береги честь мундира!»
«Простите, Серёжа!»
«Не стоит, Наташа!
Вы нынче прелестны! Наряда нет краше!»

Медленный вальс.
Раз, два, три, раз, два, три, раз…
Жар нежных плеч.
Шёпот, несвязная речь.

Вздыхают валторны и трубы поют.
Шумит благородных девиц институт.
Почётных гостей в ночь увозят кареты.
В казармы уйдут ровным строем кадеты.
Крылатою тройкою время промчится.
Надёжными жёнами станут девицы.
А новым кадетам в мундирах парадных
Бал станет их первою в жизни наградой.

Медленный вальс.
Раз, два, три, раз, два, три, раз…
Жар нежных плеч.
Шёпот, несвязная речь.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

НА ЩЕПНОМ РЫНКЕ

(Вторая половина XX века)

1. ЛИВЕНКА

Иду, сквозь толпу прорываясь, к пивной,
Где хвастаясь звонким разливом,
На круг зазывает с частушкой лихой
Певунья – гармошка из Ливен.

Лукавый старик – борода как меха,
На кнопках корявые пальцы.
Но как он играет, волшебник и маг,
На этой коробочке вальсы!

Туман от махорки – хоть вешай топор.
И в Англию ездить не надо.
Любимых мелодий нехитрый набор –
Души захмелевшей отрада.

«Давай-ка, Петрович,
По-нашенски – «К ней!»
Малиновый мех развернулся:
«Серебряны планочки, пойте дружней,
Иду на свиданье к Марусе!»

А вот и – «От ней!»
Застрадала гармонь.
Толпа животы надрывает:
«Эх, парень!»
«Эх, промах!»
«А девка-т – огонь!
Любовь и похлеще бывает».

Пристал покупатель:
Ну как – продаёшь?
«Не думай об этом товаре.

Она не продажна».
«Ну ты, брат, хорош!
Зачем же сидишь на базаре?»

Старик недовольно плечами пожал
И шумно потёр ладони:
«На ливенке нашей Есенин играл,
Цены нету этой гармони!»

Прошёлся неспешно по звучным ладам,
Меха пристегнул ремешками:
«Годков через …надцать
И даром отдам.
А нынче мы – сами с усами!»

Седой фронтовик – без погонов мундир –
С потрёпанным тульским баяном
Подсел к гармонисту:
«Давай, командир,
Ребят батальонных вспомянем,
Что гнули фашистскую нечисть в дугу,
Салют в честь Орла приближали.
Запой нашу песню, а я помогу».
И оба – на кнопки нажали.

Старинный мотив, но другие слова.
А песня, по сути, о том же:
О воинстве русском не стихнет молва!
Русь-матушка крепостью духа жива!
И быть по-другому – не может!

2. ЗА ОКОЮ МЫ СТОЯЛИ

На возморье мы стояли,
На германском бережку.
(народная песня Орл. обл.)
За Окою мы стояли,
На высоком бережку.
Грозно пушки грохотали,
Били пушки по врагу.

Размечтался, подлый фюрер,
Войско русское разбить!
Береги свою фигуру –
Русский любит угостить!

Как пошла метать «Катюша»
С пылу-жару пироги,
Под Змиёвкой и на Зуше
Обжигались вороги!

Прозвучал приказ – «В атаку!»
Распрямилася дуга.
Понеслись лавиной танки
На заклятого врага.

Бой – жестокий!
Бой – кровавый!
Силу – Силушка смела!
И гремел Салют во славу
Града русского – Орла!

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

«ГИМН ОРЛУ (Песенный триптих)»

1. «ЛЮБЛЮ МОЙ ОРЁЛ…»

Люблю мой Орёл на исходе ночей,
Когда, величавый и крупный,
Парит в ожидании первых лучей
Михайло-Архангельский купол.

Люблю, когда первый трамвай прозвенит
И звук его,
медленно тая,
Над городом сонным,
дрожащий, летит,
А небо светлеет:
Светает.

Люблю растворяться в симфонии дня,
В рабочем размеренном ритме,
Когда этот ритм наполняет меня,
Подобно высокой молитве.

Люблю мой Орёл предзакатной порой,
Когда уже солнышко низко
И лучик последний его золотой
Скользит по звезде обелиска.

И мягкая свежесть окрестных лесов
Вливается в микрорайоны…
Люблю тебя, город мой –
Песня без слов.
И вечно останусь влюблённым.

2. «ПАДАЮТ ЗВЁЗДЫ НА ГОРОД ОРЁЛ...»

Падают звёзды на город Орёл,
падают звёзды.
Словно для этого, город родной,
ты был и создан.

Падают звёзды, падают,
души влюблённых радуют.
Падают звёзды,
падают звёзды,
звёзды на город родной.

Небо ночное плывёт над Окой,
над куполами.
В сон погружается город родной,
вечность над нами.

Падают звёзды, падают,
души влюблённых радуют.
Падают звёзды,
падают звёзды,
звёзды на город родной.

Жизнь незаметно, как в речке вода,
вдаль убегает.
Время в прошедшее нас никогда
не возвращает.
Но падают звёзды, падают,
души влюблённых радуют.
Падают звёзды,
падают звёзды,
звёзды на город родной.

3. ГИМН ОРЛУ

Город-крепость над Окою
С гордым именем Орёл,
Не померкнет над тобою
Ратной славы ореол.
В лихолетиях суровых,
Город мой, ты смог сберечь
И тургеневское слово,
И живую нашу речь!

Пусть же солнце каждым утром
Мирно всходит над тобой,
Город Первого салюта,
Над красавицей Окой!

Славы предков будь достоин!
Ты судьбу в боях обрёл,
Город – труженик и воин
С гордым именем – Орёл!

ЭПИЛОГ

Вот опять – монастырская келья.
Тихо скрипнула дверь за спиной.
И растаявший мир параллельный
Лёгкой тенью взлетел надо мной.

Ворковала голубка на храме.
На закате кудрявился клён.
Милый город парил над дымами
Навсегда отгоревших времён.

Орёл, 2012-2013 гг.

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

НАСЛЕДСТВО

Перебираю жизни лоскутки,
Остатки ярких, сброшенных нарядов.
Все воды вешние за счастьем утекли,
Им возвращаться в прошлое не надо…
А мне куда от памяти моей?!
Пропето, отгорело, отзвучало…
И лоскутков не хватит для затей
Лоскутного, как в детстве, одеяла…

Н. Акимова

I.

Мама, переспорив родственников, наперебой предлагавших для новорожденной вычурные имена, назвала её Надеждой.

Когда Надя подросла и полюбопытничала, почему у неё такое «простецкое» имя, мама растолковала: «Даже в самую трудную минуту, когда может показаться (не дай-то Бог!), что тебя в жизни ничего не держит, если ты останешься один на один со страшной бедой, и некому тебе помочь, знай, что ты не одна, у тебя есть НАДЕЖДА – ты сама. С таким именем ты просто обязана верить, что все несчастья, которые редко кого обходят стороной, обязательно минут, и всё образуется.

Надя уж и позабыла тот давний разговор, но, видать, имя у неё, действительно, не такое обычное, как ей казалось. По крайней мере, каких-то больших напастей (кроме развода) за сорок с хвостиком с нею не приключилось.

Школа, институт, рождение сына, всё, как и положено, как у всех хороших девочек. Может быть, судьба и до конца дней не заморачивалась бы, но вот уже десяток лет она выживает в другой стране. Не стало той, в которой она росла, училась, начала работать. Канул в Лету Советский Союз.

К этому ни она, ни её родные, ни соседи, ни сотрудники не были готовы. Неразбериха сбила с привычного ритма столицу, прокралась и в её провинциальный городишко. На Надиных глазах рушился десятилетиями устоявшийся уклад, а с ним надежды миллионов людей на покой и стабильность.

Видно, настал тот самый, тяжкий, час, о котором когда-то говорила и которого так опасалась её мама. Беды посыпались одна за другой. Ну, так ещё бабушка сказывала: «Пришла беда, отворяй шире ворота, потому как одна она в гости не наведывается, всё с сестрой да с кумой».

Первый раз она (эта треклятая беда) возникла в образе заведующей их отделом Людмилы Петровны, которая объявила о сокращении штата на 70%. Среди «осчастливленных» оказалась и Надя.

Закончив ИНЯЗ, она двадцать лет отработала на заводе. Переводить технические бумаги – скукотища, не весть что. Но это кормило. Конечно, они с сыном Витей жили более чем скромно. Надя научилась превращать бумажные купюры в «резиновые» - растягивала зарплату так, что хватало

одеться-обуться-прокормиться, выкраивала даже на Витину художку. Продуктами помогали родители, так и не рискнувшие (как она их ни уговаривала) переехать к ней в город.

В той, заводской, жизни случались и маленькие радости.

Как-то в День её Рождения сотрудники скинулись, и, когда утром она подошла к своему столу, обнаружила на нём длинный алый футлярчик с ниткой крупного жемчуга.

«Розовый,- икринка к икринке! – затараторила подруга Катерина, заглядывая через плечо. - Примерь, примерь, или не рада? Это тебе от нашей дружной компании. Заметь, неделю в очередях из-за этой прелести толкалась, выстояла!» – отрапортовала она с гордостью.

Надя, конечно, порадовалась, даже разволновалась. На хлеб, одёжку она ещё наскребала, а чтобы украшения! Это откладывалось на неопределённое будущее.

Но через несколько месяцев завод обмер в недобром предчувствии, едва дышали кое-какие чудом уцелевшие цеха.

Она вышла через проходную в звонкий апрельский день. В лужах чуфыкались воробьи, на газонах «трещала», пробиваясь сквозь прошлогоднюю листву, первая поросль. Весна дирижировала в сквере неумолчными грачиными оркестрами. После зимнего полусна снова зажурчала, зазвенела, занабирала обороты неуёмная жизнь. Всё вокруг жило в ожидании каждодневных перемен, чего-то обязательно лучшего, светлого и радостного.

А Надежда шла по улице с сумкой, в которой среди толстенных, скопившихся за двадцать лет словарей, затерялся тонюсенький конверт с последней зарплатой. О том, когда она, эта вечная головная боль – зарплата, появится снова, придавленная навалившейся безнадёгой Надя, в те злосчастные минуты мыслить не могла. Она знала, как не просто сыскать более-менее оплачиваемую работу. Ежедневно предприятия города за проходные, в никуда, выплёскивали потоки рабочего и служащего люда, разом ставшего лишним, ненужным.

Надежде вспомнилось вдруг, как перетерпевала горе-несчастье её мать. Всегда жизнерадостная и открытая, она вдруг суровела лицом, замыкалась. Становилась немногословной. Действия её приобретали совершенно выверенные движения. Напрасно не растрачивались ни слова, ни взгляды. Нарядный пуловер заменялся на повседневную, штопанную-перештопанную кофту. А самое главное – мать искала утешение, а быть может и силы, окунаясь с головой в работу. Перестирывалось нужное и ненужное, выпекались башни блинов, открывались кладовки: чистилось, драилось, выметалось, выскабливалось. Уходя с головой в хозяйство, она отвлекалась от неприятностей, монотонность хлопот наталкивала на размышления. Проходил день-другой, и в голове её созревало решение, отыскивался выход из неурядиц.

Обнаружив, что наконец-таки в доме и во дворе всё блестело и сверкало, а мать, куда-то сбегав, с кем-то потолковав, снова прихорашивалась у трельяжа, Надя понимала: схлынуло, отлегло у родимой на сердце, разрешились тяготившие её напасти.

Дома, задвинув под письменный стол сумку со словарями, Надежда сняла бусы, уложила в бархатный футлярчик и вместе с конвертом подоткнула в комоде под стопку постельного. Мелькнуло: «Надо, чтобы Витя о случившемся не знал как можно дольше. Пусть живёт спокойно, а то задёргается… выпускной класс».

И начались каждодневные пустопорожние скитания по неотягощённому предприятиями городу. Но там, где, надеялась она, могли бы пригодиться её знания, опыт, шли свои увольнения, сокращения. Надя обивала пороги школ. Но (как никогда!) учителя держались за свои безденежные места мёртвой хваткой.

Город переполнился безработными, превратился в огромную барахолку. Торговали всем, чем только могли. Занищавший люд тащил на рынок накопленное годами. Рядом с извечными базарными торговками, не стесняясь знакомых, стояли инженеры,

квалифицированные служащие, врачи, студенты, учителя.

Надя, перехватив деньжат у Катерины, которая каким-то волшебным образом всё-таки держалась в отделе, смоталась в столицу, накупила всякой всячины и тайком от Вити вышла на базарную площадь.

Боже мой! Разве станет кто-нибудь рассматривать её копеечные безделушки, когда все только и делают, что измудряются хоть как-то «втюхать» рекой слоняющемуся безработному люду что-нибудь из своего «бесценного» товара.

И вот настал тот час, когда у Надежды, кроме неё самой, действительно ничего не осталось.

Слава Богу, Витя этого не видел. Уже год, как он учился в МАРХИ. Сам поехал, сам поступил, сам устроился в строительную фирму на работу, освоил какую-то итальянскую штукатурку, подрабатывал. Как бедовал, не рассказывал, но домой не возвращался. Даже ей помогал. Стыдно… А что поделаешь?

Явился под Рождество. Заглянул в холодильник. Только и сказал: «Всё ясно. Мышь повесилась. Собирайся». Сгрёб её, повёл в магазин, набросал в тележку круп-макаронов, банок-консервов, прихватил бутылочку её любимого брюта да мандаринов, расплатился. Встретил с матерью праздник и снова уехал. Какие там студенческие каникулы!.. Спасибо Господу за сына…

Надежда – одна из тех женщин, которые между сорока и сорока пятью проживают десяток лет, которому не под силу затронуть ни красоты, ни стати. О таких, как она, обычно говорят: «Без возраста». Это у Нади по материнской линии. И мама, и бабушка, и прабабка - светловолосые, голубоглазые, ростом - чуть выше среднего. Крепкие, ладные. Долго копались в женихах, но зато замуж выходили раз – и навсегда. И хотя Надежда поломала эти традиции, не стерпела, развелась-таки со своим непутёвым гулёхой Николаем, видать, как все её родственницы, осталась убеждённой однолюбкой. Научилась не замечать ни на работе, ни на улице сластолюбивых взглядов.

Безрезультатно колеся по городу в поисках заработка, забредала она то в одно, то в другое учреждение. Однажды, устав от недвусмысленных намёков работодателей, переступив порог Дома творчества, и обнаружив, что из кресла директора выглядывал неказистый мужичонка, Надя подумала: «Ну, с этим можно сосуществовать спокойно. С такой внешностью женщин надо не обходить стороной, а обегать за пять вёрст». И, окрестив начальника «Жабом», согласилась на невесть какой, но всё же – оклад!

Через месяц она снова штудировала газеты, наматывала десятки километров в поисках хотя бы какого-то приработка. Жаб оказался на редкость предприимчив. В кабинет, где она (вспомнив о своём давнем увлечении) во второй половине дня занималась со школьницами домашним рукоделием, переместили зачем-то диван. И Жаб зачастил к концу занятий с проверками, напрашиваясь на нескафе-голд, который приносил каждый раз с собой, а, уходя, незаметно прихватывал до следующего раза.

Поначалу Надя, превозмогая отвращение, терпела посещение начальника, оттирая после него до блеска чашку, сердилась сама на себя, вот, мол, до чего нищета доводит, будь её воля, воздухом одним бы дышать не стала.

Но в марте, поздравив за праздничным застольем женский коллектив, подвыпивший начальник перехватил её в тёмном коридоре. Прижал своим мягким противным глобусом, спрятанным под длинный, в горошек галстук к стене, и его короткие жабьи лапки заскользили по Надиной шёлковой блузке, она рванулась что было сил, залепила пощёчину, вытянулась, как струна (казалось, даже подросла), и быстрым шагом направилась прочь. С оборвавшейся нитки сыпались на паркет, стучали, подпрыгивали и раскатывались по щелям её любимые бусы, но она старалась этого не замечать.

Добравшись до дома, упала в прихожей на стул, не раздеваясь, просидела несколько часов, повторяя: «Беда! Вторая! Жди третью…»

Наутро, вволю нарыдавшись (на новом месте не успела даже первой зарплаты получить, а идти за ней она уже не могла себе

позволить), взяла ножницы и, не помня, что творит, обчекрыжила свою чудесную шевелюру. Вымыла рамы, перестирала шторы, вытащила на свежий, принесённый внезапной вчерашней метелью снежок, дорожки. Лупила по ним с такой силой, что сломала выбивалку. Вечером, окинув придирчивым взглядом квартиру, подуспокоилась. Но потом опять две ночи не спала, просыпалась и ревела, ревела.

Наконец, с красными рачьими глазами, посеревшая и осунувшаяся, постучалась к Катерине подровнять как зря торчащие локоны, подвести за чаем итоги очередной неудачной попытки обрести хоть какой-то достаток.

«Не дрейфь! Прорвёмся,- поддержала Надежду никогда не киснувшая подруга, - или в стране что-нибудь изменится, или сами что-нибудь надумаем, не может же так продолжаться бесконечно». Катерина понимала, что и она в любой момент может оказаться безработной, да ещё и без крыши над головой. Прозябала она уже с десяток лет в ведомственном жилье. Но такова уж была подруга. Вот кого надо было назвать Надеждой!

Зиму Надя перебивалась частными уроками (Катерина где-то раздобыла для неё двух выпускниц), постройнела на пару размеров, еле-еле сводила концы с концами, но держалась. Родителям так и не осмелилась заикнуться о своём житье-существовании.

Им и своего горя хватало. Гордая, сильная духом мама слегла. Обострилась застарелая болячка. Казалось, что держалась матушка теперь только этой самой силой духа. Больше уж и нечем. Как такой о своих горестях поплачешься… Отец? Если быть честной, ему - спасибо… за то, что упрямился, не переезжал к ней, освобождал от тягот по уходу за больной мамой. Не обманешь родительского сердца. Видать, догадывался родный, как не сладко ей приходится.

Надя, как только объявлялись какие-никакие деньги, мчалась проведать стариков. Постирать-приготовить, помочь по дому, в огороде. Просто потолковать, приободрить, мол, у неё всё в порядке. А мама не верила: «Глаза у тебя, Надюша, грустные. Ох, неладно что-то у тебя, неладно!»

Под Троицу опять приехал сын, опять потащил по магазинам. Надя сопротивлялась.

-Зачем тратишься? Откуда такие деньжищи?

- С работы, вестимо! – отшучивался Витя.

- Вагоны разгружаешь? – вспомнила она, как в её молодости ребята- однокурсники бегали по ночам прирабатывать на вокзал, а потом, на лекциях, вповалку спали.

- Специальностью, специальностью надо зарабатывать. Я, как никак, будущий архитектор! – улыбался Витя, но тайну своих доходов до конца не раскрывал, секретничал.

Она знала: упрямый, с расспросами лучше не приставать. Тихо радовалась: «Мужик растёт!» А с этой потаённой радостью затеплилась и надежда, может, хоть мальчик (чем чёрт не шутит?) при его характере вырвется из болота, которое её уже, видать, никогда не отпустит - опереться не на что и не на кого. Рядом – такие же, мечущиеся в безысходности друзья, знакомые, соседи.

II.

В тот день Надя пересаживала свой любимый плющ. Вымахал, за последний год, раздвоился, проскользнул из прихожей одним усом в кухню, другим заполонил спальню. Катерина прозывала его почему-то «мужегон» и каждый раз ворчала, мол, сколько тебе говорить, подруга, избавься ты от этого лопуха. А Наде нравился его вездесущий норов, его неуёмное стремление к жизни. Цветок прищемляли дверью, отхватывая огромные плети, забывали поливать, а он – молодчага, всё прощал, имел весьма сносный, даже на редкость терпеливый характер. Ну, не могла Надежда согласиться с такой необоснованной кличкой для любимца - «мужегон»! Для неё он был чудо-дерево, привезённое из Сочи, напоминание о единственном, самом ярком семейном отпуске, после которого и появился её Витюшка.

Прикупив в хозмаге громаднющую кадку, Надя пыталась перевалить в неё плющевое, непомерно разросшееся корневище. Руки по локоть в земле. Умаявшись, серчала,

выговаривала своему «зеленоухому другу», когда раздался звонок. Надя, отряхнув коекак перепачканные руки, схватила трубку.

Безо всякой подготовки, далёким-далёким, словно с Сахалина, почти неузнаваемым голосом отец произнёс три страшных слова: «Умерла мама... Приезжай!»

Вот она – третья беда! Самая большая!

Тело разом потеряло контроль, перестало ей подчиняться, как-то неуклюже обмякло. Медленно оседая, она сползла по стене… села на расстеленные вокруг кадки, перемазанные землёй газеты. Из трубки, вдруг спохватившись, кричал отец: «Надя! Дочка! Надя!» Но что-то с неимоверной силой сжало её, она окаменела… одни лишь плечи вздрагивали и вздрагивали в беззвучном рыдании.

Почему-то вспомнилось, что мама не хотела умирать в холода… радовалась, что дотянула до травки… Конец апреля…. Черёмуха буреломит… А её не стало! И уже никогда-никогда не будет!

Надя не помнила, как добралась до родительской усадьбы. Последние годы в опустевшей деревне на многие вёрсты горел один-единственный огонёк - их крылечный фонарь, словно в безбрежной, непроглядной пучине сиротливый маяк. Оглохший и почти ослепший от старости Дружок, вот уже год, как не выбегал навстречу.

Ступая осторожно, словно боясь кого разбудить, Надя подошла к калитке. Накатила, душила страшная тишина. Чёрные, провалившиеся глазницы окон… Может, неправда? Света нет!.. Может, спят?.. Сердце захолынуло… Но ведь последние годы, как только слегла мама, до рассвета в доме не гасили ночник!

На ватных ногах дотащилась до крыльца. В темени позднего вечера наткнулась на что-то мягкое. «Дружок! Дружок!» Пёс даже не пошевелился. Попыталась растолкать – не откликается. Охватил ужас – и он!..

Постучала… Фонарь над входом обжог своей холодной пронзительностью. Послышались шаркающие шаги… Отец!

- Что ж ты … в темноте-то?!

- А зачем мне теперь свет?

Если сейчас спросить… похорон она не помнила… Как в тумане… Погруженная в только одной ей ведомые думы поехала на кладбище, сама выбрала место для могилы (чтоб на полянке, чтоб на просторе, где посветлее), отдала какие-то распоряжения по приготовлению к поминкам. На удивление родственников две ночи (пока тело мамы стояло в горнице) всё укрывала её напоследок бабушкиным пледом. Его убирали, - жара. А она снова находила и покрывала маму. Отвечая на немые вопросы, говорила: «Холодно… Она боялась холода». Кроме обычного смертного, разыскала мамин любимый костюм. На подкладке. Ничего не видя сквозь слёзы, наощупь переодела в него покойницу, заменила тоненький платочек на шерстяной подшалок, кроме чулок, чтоб теплее – гамаши. Всё, что ещё могла сделать.

…С уходом мамы для Нади наступило безвременье. В самом прямом смысле. На похоронах у неё пропали подаренные когда-то мамой часы. Она пыталась разобраться, что значила эта добавочная потеря. «Какой-то знак свыше», - думалось ей. Но какой?..

Она не спешила обзаводиться новыми часами. И время для неё остановилось…

Навещая отца, Надя старалась переманить его к себе, в город. Но все уговоры заканчивались одним и тем же: «Слягу – тогда не откажись, а пока колтыхаю, нечего мне в ваших городах искать». И тогда Надя предупредила и брата, и невестку: «Раз такое дело, пока отец будет здесь, всё должно остаться по-прежнему, как при маме».

Полгода после похорон она не открывала шкафов, не заглядывала в комоды. Не могла… Там лежали вещи, которые хранили мамино прикосновение, пахли её любимой «Красной Москвой». Пустые флакончики заботливо разложены между аккуратных стопочек белья, рассованы по карманам пальто и плащей. Казалось, там ещё витал мамин дух. Открой дверцу – и он испарится, вылетит, исчезнет навсегда. Надя крепилась, держалась этим ощущением, ощущением последней тончайшей, эфимерной близости с мамой.

Правда, с тех пор, как её не стало, Надя, прислушиваясь, как вздыхает за перегородкой отец, не могла ни одну ночь, проведённую в опустевшем, ставшем почему-то неизмеримо просторным, родительском доме, сомкнуть, хоть на минуту, глаза. Она находила себе любые дела (как когда-то мама), чтобы обрести равновесие, чтобы хоть как-то справиться с не отступавшим от неё горем: драила полы, чистила посуду, делала всё, чтобы не смотреть на опрятно застеленную материнскую кровать.

Однажды отец, озабоченный её состоянием, надеясь, что Надя хоть как-то отвлечётся, зашёл издалека: «Ты бы посмотрела всёж-таки, что там у матери в сундуках, в шкафах. Разобралась бы. Мне эти ваши отрезы, рушники да подзоры не к чему. Забери, для тебя ж берегла… У тебя жисть впереди, может, что сгодится… Да… говорят, что одёжу, в чём покойница помирала… постельное там… сжечь бы… Петровна присоветовала… Полагается…»

Надя, молча, взяла узелок, в который, снаряжая маму в последний путь, уложила снятые с неё вещи: ночная сорочка, ситцевый платочек, вязанки, наволочки-простыни. Он, этот узел, так и оставался с самых похорон в углу осиротевшей кровати. Никто не смел к нему прикоснуться.

На пустыре, по сумеркам, развела костёр. Одна… без отца… чтобы не видел, как она сжимает зубы, как не может справиться с выплёскивающимися из неё рыданиями, как воет, причитает, бросая в костёр последнюю мамину одёжу. Долго смотрела на пламя, забыть его не сможет до конца своих дней.

Отец не тревожил, не окликал.

Наконец, последние искорки отлетели к небесам. Костёр погас, и показалось: с его умиранием на крошечную, мельчайшую капельку, притупилась, заглушилась, пригасла нестерпимая боль потери.

III.

На другой день, лишь забрезжило, Надежда отправилась в кладовку. Принимать наследство.

На самом деле это и не кладовка вовсе. Много лет назад, когда не стало отцовых родителей, эту засиротевшую светлицу так и не стали обживать заново. Здесь всё осталось по-прежнему, как при стариках: та же никелированная кровать, с блестящими шарами, в которые маленькой девчонкой Надя любила смотреться и корчить всевозможные рожицы, тот же, тканый на тогда уже разваливавшемся, перевязанном, скрученном вожжами прабабкином стане, настенный ковёр.

В самой середине его без каких-либо схем-чертежей, просто так, по генетической памяти, хранившей передаваемый из библейских времён лик Пресвятой Богородицы, любовно выткана женщина, покрытая омофором. С ярко-золотистым (благодаря окрасу нитей особыми травами) нимбом, с воздетыми к небесам руками – Мать Оранта.

Каждый вечер, отчитавшись за прожитый день, посоветовавшись о завтрашнем со Святыми угодниками с Божницы, укладываясь на взбитую перину, рядышком с Надей, старушка, словно продолжение молитвы, шептала внучке осевшие в памяти Нади на всю оставшуюся жизнь слова: «Спи, дитятко, с миром. С нами крестная сила и Матерь Оранта… и денно, и нощно. Перекрестися на неё с поклоном, покуда не чуешь, к спящей, она к тебе сотан-то и не допустит!»

Наде припомнилось из раннего детства, как на дворе в двухведёрных пузатых чугунах, водружённых на каменку, бурлил крутой кипяток. В него подсыпали из газетных кулёчков красители, выбранные у Петрушистарьёвшика на мену. Подбавляли дубовой коры, соснового лапника, а коли потребуется - сенца, бузены-чернильницы, зверобойчика. Мотки овечьей пряжи, тонко сработанные за зиму, окрашивали в яркие, до рези в глазах, цвета.

Просушивали здесь же, в саду, развешивая на яблоневых и грушевых сучках. В такие дни сад для маленькой Нади превращался в сказочное три-девятьземелье. Она ныряла меж пёстрых нитей, вытянутых до самой земли прикреплёнными к их концам валунками. Пахло овечками, Глашкой и Нежданкой. А солнечные лучи, просачивавши-

еся сквозь разморенную красильными парами листву сада воспламеняли подворье в какие-то неземные цвета.

Надя кружилась на месте, перед ней мелькал гигантский калейдоскоп, и подворье окрашивалось, как по мановению волшебной палочки, в изумрудно-лилово-бирюзово-пурпурные тона.

Может, бабуля – и не бабуля вовсе, а какая-то добрая ворожея? Помешивая шерсть в чугунах выструганной дедушкой специально для этого дела рогулькой, стряпает она своё колдовское зелье, которое (если раскрутится быстрее) белогористого Барсика выпачкает каким-нибудь серо-буро-малиновым, совсем некошачьим цветом, а перышки на красном крылечном петушке вдруг засияют такими перламутровыми переливами, что покажется, вот-вот он встрепенётся и заорёт на всю округу, мол, радость – то какая объявилась, день-то какой лучезарный!

На кровати, как и при стариках, пуховые подушки. Маки-незабудки на наволочках поблёкли, но всё ещё можно различить витиеватые прошивы. На одной: «Первый звон – пропадай мой сон; второй звон – земной поклон; третий звон – из дому вон», а на другой: «Страшен сон, да милостив Бог». В Надином роду всегда спали на таких подушках, с расшитыми наволочками. И всегда на них какая-нибудь присказка прописана. Дед, например, любил, чтобы у него под головой было напоминание: «Долго спать – с долгом вставать» и «Хвали сон, когда сбудется».

На большущих подушках до самого потолка одна на другой – думочки разных размеров, одна другой меньше. И все в цветах-птичках, все со старинными поговорками.

С тех пор, как не стало стариков, наезжая домой, Надя любила (как бы ни отговаривали родители, мол, там уж и духа жилого нет) ночевать в этой комнатушке, в которую теперь снашивали ненужные вещи и которую постепенно, к огорчению Надежды, захламляли. Здесь когда-то, да изредка и сейчас, снились ласковые сны, здесь ей было тепло и уютно. Каждая занавеска, каждый половичок напоминали о её детстве.

Бывало, разойдутся все из дому кто куда, останутся только Надя да бабушка. Малая кукол пеленает, старая - за громаднющим ткацким станом. В деревне пристыдят за леность, коли полы не устелить «свойскими» половиками. Порвёт-подерёт бабуля старое старьё на длиннющие лоскуты и «наработает» половиков да дорожек: и в простую полосочку, и хитротканые, с заумными узорами. Но половики- что!

Вот коли речь повести о бездонном бабулином сундуке, так и дня не хватит на тот рассказ. Боже мой! Сколько этот старикашка знает, сколько помнит! Наверно, не забыл и тот день под Рождество.

Надя уже в школу ходила, во второй класс. В самом начале каникул, поспорив с подружкой Машкой, кто больше сосулек съест, нализалась-нахрустелась их столько, что Машке вовек не осилить. Уже к вечеру расхворалась, была укутана крест-накрест бабулиной шалью, растёрта гусиным жиром и на все каникулы отлучена от санок. Сколько ни просилась, «ни-за-что!», - отрезали, сговорившись, все.

Замотавшись в предрождественских хлопотах, родные на какое-то время о болезной позабыли. Где там! И пирогов напеки, и холодца настряпай.

Бабуля оставила свой драгоценный сундук распахнутым, видать, искала в нём что-то, может, праздничную скатерть, а может, нарядиться, подшалок новый. Стопами лежали на лавках рушники и отрезы ситцев-штапелей, шали и покрывала.

Надя, разобидевшись на весь белый свет, влезла на табуретку и спрыгнула на дно. Крышка от её прыжка и захлопнись. Бабушка доила в сарае корову, мама тоже хлопотала где-то по двору. Дома – никого.

Сначала Надя ещё пыталась выкарабкаться из ловушки, но не тут–то было! Тяжеленная крышища не поддавалась. Наконец, наревевшись досыта, она свернулась на самом донышке калачиком и заснула. Какой переполох устроила своим исчезновением - не передать!

Он и сейчас ещё здесь, тот дубовый, таинственный, удивительный, самый большой,

из всех, что Надя видела в своей жизни, старый-престарый (кажется, ещё прапрабабкин) красавец сундук.

Когда-то он был празднично расписан: крупными аляповатыми заморскими бутонами на крышке; по бокам возлежали две жар-птицы; а в центре – красивая пара. Надя до сих пор не знает о ней ни сказки, ни были, не припоминала их и бабуля, видать, затерялись в закоулках памяти (её или того раньше - её бабушки), но называла она их – Бова Королевич и Королевна Дружевна.

Цвета поистёрлись, и теперь лишь можно догадываться о стародавней немудрёной раскраске сундука. Бабуля огорчалась, что в семье никто так и не обновил на нём узорочья. «Ить вот Витя-т мал-малецки «красит!» – сетовала порой старушка.

Если отрывать картинки, наклеенные на внутренней стороне крышки, слой за слоем, то до каких времён можно добраться, Надя не знала. Наверно, можно отыскать и лубочные картинки, и дагерротипы.

Последняя оклейка, скорее всего, произошла лет тридцать назад, когда в клуб по два раза на неделе возили индийское кино. Бабуля выпросила у киномеханика афишу с двумя индианками-близнецами, заварила на муке клейстер и пришлёпнула портреты полюбившихся чернокосых девчонок под крышку своего сундука.

Может быть, в наши, с заморскими мебельными гарнитурами, времена, покажется странным удивительная теплота и нежность, охватывавшая Надю всякий раз, когда она дотрагивалась до простецкого, потерявшего счёт годам сундука с железной, кованой отделкой. А она в такие минуты словно погружалась в бабулины сказки, в самые что ни наесть преданья старины глубокой. Особо далеко ходить не надо, и выдумывать ничего не надо. В углу – прялка, по стенам – лавки, под окном – стол с широкой деревянной столешницей. Сказочный, волшебный мир детства!

Вот ведь были же мастера…Вроде бы что за невидаль – сундук! А какая на нём ручная декоративная ковка! Бока изукрашены тяжёлыми коваными уголками, верх и стороны – такими же полосами. Бабушка сказывала, что привёз его в подарок прадед своей жене аж из Новгорода. Зачем его забросила судьба в те дальние края, она не ведала.

Многие годы, оставаясь в семье, переходя лишь по наследству, какую только роль не играл этот сундук за долгую свою жизнь: был и столом, и стулом, и кроватью, а самое главное - служил для хранения одежды. В нём же держали важные бумаги и документы. Бабуля прятала меж отрезов ситчика завязанный узелочком носовой платок, в котором сберегала копейку - другую про чёрный день. Здесь же хранилась и стопка фотографий её и дедовых многочисленных родственников, которых к концу жизни они уже начали путать: братьев, сестёр, двоюродных, зятьёв, невесток, сватьёв, кумовьёв; их и своих детей, внуков, всех тех, кто не поместился в длинный ряд рамок на стенах светлицы.

Бабуля никогда не называла сундук сундуком, для неё он всегда оставался «коробеем». Как-то покусился было Надин отец на жизнь заблудившегося во времени сундука. Так бабушка подняла такой гвалт, что больше никто и заикнуться не посмел о покупке шифоньера ли, комода ли для стариковской светлицы.

Кроме навесного, обычного замка, имел он потаённый, встроенный, секретный механизмик, который, несмотря на давность лет, работал, как швейцарские часы, сбою никогда не давал. Лишь в войну, когда бабуля, вместе с другими вещами завалила его в шейной яме хворостом да копну сверху водрузила, замочек забарахлил, зачихал было от сырости, но Василич, местный Кулибин, что-то подвинтил, поплевал, постучал и с тех пор – замок не шалит.

После того, как во время внезапного пожара, спасая самое ценное, шестеро мужиков на вожжах еле-еле вытащили сундучище на вольный дух, дед приладил по бокам четыре крепчайших ручки (чтобы впрок ловчее перетаскивать).

Крышка у сундука тоже не из простецких, с секретом, в ней у бабули хранилось самое дорогое, требующее особого сбережения.

Конечно же, по такому случаю здесь был свой особый охранник – замок, хитрей которого вряд ли сыщешь.

Кроме этого сундука, было у бабули несколько ларей. Но замысловатостью и изяществом они не отличались, простые, грубые. А потому и отношения бережного к себе не имели. Стояли они в сенцах, в прохладе и наполняли их, сколько Надежда помнит, и зерном, и мукой, и солью, и чем попадя.

От самой старшей в роду самой младшей передавались всегда на Руси такие сундуки, набитые всякой бабьей всячиной. У Надиной мамы тоже имелся сундук, и не один. Но начала наследница осмотр своего добра именно с бабушкиного, потому как знала, что в этом «коробее» сберегались заботливо пересыпанные полынными цветиками от моли (как говорили в этих краях: «от шашала») вещи ещё её прабабки. Вынимались они лишь для проветривания и просушки, в летний жаркий день. А чтоб не выгорали на солнышке, вывешивались в полутенёчке.

Раньше Надежду удивляло, с каким трепетом бабушка доставала прабабкины панёвы, как ухаживала за ними, оберегая от моли и солнца. «Одёжка, как одёжка, что в ней особого, дорогого?» - думалось когда-то Наде.

Но для бабули ни одно подаренное Надиными родителями платье не могло иметь ту цену, которой обладали три наряда, три панёвы, над которыми пуще всего суетилась старушка.

Одна из них звалась «годовой», надевали её только по Великим дням, по Двунадесятым праздникам. И была она самой нарядной. Богатство же этого наряда определялось по украшениям на подоле. Чем больше ярких полос, тем ценнее панёва, тем наряднее хозяйка. На годовой панёве цветастых полос аж семь штук!

«Полугодовую» носили по очередным праздникам, по всевозможным торжествам, крестинам, именинам. Наряд этой панёвы был более скромным. Но из-за того, что одежда эта, как правило, была распашная, женщины и тут умели показать форс – носили её с «подтыком», поднимали, подтыкали полы за пояс, фигура становилась более пышной, статной.

Третья панёва – самая скромная. Но и она отличалась своей особой красотой. Обычно в ней ходили по воскресеньям к обедне.

Такие панёвы надевались (вроде юбок) на длинные рубахи.

Надя покопалась, пытаясь найти рубашку. Кажется, была одна такая. Но вспомнила, что бабуля наказала положить её в гроб неприметно в ней.

Цепкая детская память запечатлела, сберегла для тёплых воспоминаний в будущем роскошь ручной вышивки, символику добра на вороте, подоле и рукавах. Повсюду - круги, кресты и ромбы, птицы, олени и кони. Рубаха была расшита красными и чёрными нитками, разными техниками: и «крестом», и «набором», и «настилом», и «росписью», длиннее панёвы, а потому великолепные райские птицы на подоле, словно выпархивали из-под её пёстрых полос.

И вот теперь наряды, которыми дорожили женщины её рода, принадлежали Надежде. Давно нет бабули, не стало и мамы, некому, кроме неё, ухаживать за накопленным несколькими поколениями «бабьим добром».

День прокопалась она в старом сундуке, прежде чем добралась до донышка. Оглянулась: на лавках, на столе, на кровати – повсюду стопки и стопочки, вороха и кучи «бабьей радости». Одних рушников - под сотню, не меньше, гора горой. И крестом, и гладью, и стежком, и списом, чем только не измудрялись их расшивать. А кружева по концам – любая Елецкая мастерица обзавидуется. Ведь дочка у матери, оттачивая мастерство, сберегая самое ценное, переснимала самые лучшие мотивы.

По качеству и количеству рушников судили о мастерстве и достатке невесты. Надя помнила ещё то время, когда под праздники вместе с бабушкой украшала светёлку самыми красивыми, самыми старыми рушниками, доставшимися её бабушке, кажется, ещё от прабабки. Вышиты они были одним из самых древних русских счётных швов – росписью (письмом).

Она тогда всё не могла понять: как это так в старину могли вышивать, что с обеих сторон всё выходило гладко да аккуратно, не было ни изнанки, ни лицевой стороны. Видать,

её предки-прабабки были мастерицы, что надо. Бабуля толковала, мол, такой искусный шов удваивает обереговую силу рушника. А название его – письмо – указывает на то, что вышивки на этих старинных полотенцах вовсе не бессодержательные картинки, а самая что ни на есть книга, в которой особым языком записаны-вышиты очень важные знания русского народа. Письмена эти разные, но объединяет их всегда одно: обязательное пожелание здоровья, семейного благополучия, добра и счастья.

В русской хате полотенце занимало особое место. Без него не обходилось ни одно важное событие: и дружков, отправляясь свататься, перевязать, и новорожденного на него принять, и иконостас обрядить, и раму, в которой вся родня рядком сидит, украсить. На полотенцах и в последний путь из дома выносили-провожали, и в могилу на них опускали.

Особое место среди нарядов занимали передники. Сколько Надя помнит, на кухонной вешалке всегда можно было обнаружить несколько штук. Стряпать ли, подать ли на стол – обязательно пригодятся. Но то были простецкие, каждодневные фартуки. И в сундуке таким места не отводилось.

Праздничный передник, тот, что надевали по особым дням, - наряд особый. Украшали его сплошь вышивкой да всевозможным кружевом, рюшами да оборками, кто во что горазд. Бабуля передник звала «завеской». «Что за фартук такой? Завеска и есть завеска», - утверждала она, и пытаться её переубедить было совершенно бесполезно.

Заглянувший в распахнутое окно отец не решился потревожить дочку, погрузившуюся в воспоминания ли, в размышления о будущем (кто знает?), лишь на мгновение задержал свой взгляд на распотрошенном сундуке, на разложенных по столу фотографиях и тихонько удалился.

Надя даже не вышла к ужину. Как сидела на кровати среди вороха родных, знакомых с самых ранних лет вещей, укрывшись любимой бабулиной белокрайкой, так не заметила, как уснула. Первый раз за столько времени не помнила, как промигнула ночь.

С рассветом сбегала на кухню, прихватила кринку молока да полкраюхи, и опять на стариковскую половину. К маминому сундуку ещё и не подступалась. Сундук этот, хоть и даден был маме в приданое, оказался, спустя самое малое время, вещью почти что ненужной. Выглядел он намного проще бабулиного, неказистенький, ящик ящиком. Накупив шифоньеров и комодов, родители, стесняясь выставлять «пережиток прошлого» напоказ, задвигали сундучишко то в дальний угол, то выпроваживали в сенцы, а как не стало стариков, убрали в светлицу – с глаз долой.

Фотографий в нём не хранили, теперь про то альбомы имелись. Одежда – в платяных шкафах и комодах. Денег, припасённых на чёрный день, у Надиных родителей не водилось, потому как этот чёрный день слишком затянулся, длился для наших деревень уже не один год, и накопленные про худые времена деньжата истаяли, как вешний снег.

Откинув крышку сундука, Надя подивилась: на дне его лежал увесистый узелок. В льняной скатерти аккуратно уложены какие-то вещи. А под хохолок узелка подоткнута бумажка.

Надя развернула её и тут же узнала этот «неправильный», в левую сторону, наклон, которым грешили многие медработники. Мама, по окончании медучилища, столько лет профельдшерствовала в родной деревушке! Её почерк. Всего несколько слов: «Для Вити. Для правнучки или правнука».

Развязав «посылку в будущее», Надежда обнаружила полное детское приданое. Надо же, и когда только успела! Таилась, подарок готовила. Всё любопытствовала, нет ли у Вити подружки, обрадовалась, когда узнала, что внук собирается обзавестись семьей, и вроде бы даже потомство намечается. Зачуяв свой недолгий век (вдруг не дождётся!), потихоньку собирала для Вити, что могла»… Распашонки и чепчики. Всё обвязала кружавчиками, расшила орнаментами-завитушками. Море ситцевых и фланелевых пелёнок. Вязаные пенеточки-таптушки, даже костюмчик из мягчайшего козьего пуха. Но, когда Надежда добралась до последнего

дара, ахнула. Детское лоскутное одеяльце! Легчайшее, невесомое. Так вот куда пошли исчезнувшие пару лет назад две пуховые подушки!

Как-то летом, просушивая на выставленных на припёке лавках постели – великое множество перин и подушек, Надя, зная им счёт, подумала, что просто обсчиталась. А, оказывается, уже тогда мамина тайная работа по подготовке детского приданого шла полным ходом. Видать, торопилась, чуяла, что силы покидают её, а так хотелось оставить для внука что-нибудь сделанное своими руками. Пусть не сможет она увидеть, понянчить правнуков. Эти пелёнки, вместо неё, обнимут и согреют её потомство… её кровиночку.

Вспомнилось вдруг, что на Руси лоскутные одеяла испокон веков считались оберегами. Мать шила новорожденному одеяло из своих юбок и сарафанов, защищая таким образом дитятко от злых сил.

Надя пригляделась к квадратикам и треугольничкам, из которых выстраивался какой-то фантастический, знаковый узор. В каждом из них она узнавала кусочек, частичку какого-нибудь материнского платья, блузки. Этот – в горошек, от нарядной кофточки, в которую мама любила наряжаться в самые счастливые дни её жизни, Этот, травянисто-зелёный - от шёлкового костюма, что подарил ей отец на пятидесятилетний юбилей. А вот этот - в мелкий розанчик – от любимого платья, что привезла она себе из поездки к сестре, в Москву. «Мудрая, хорошая моя», - слёзы катились по Надиным щекам, капали на разложенное на её коленях одеяльце.

Она – эта крошечная детская одеялочка, была справлена с таким сердцем, что Надя долго не могла её выпустить из рук. Казалось, что через неожиданный подарок для её сына Надя соприкасается с матерью, читает её думы, ощущает нежность, которой насквозь прошито, вдоль и поперёк простёгано это последнее в маминой жизни рукоделье.

Обратная сторона одеяла подбита небесным щёлком, ярко-синей строчкой выписаны то ли морозные узоры, то ли перья неведомых птиц. Лицевая же, самая нарядная сторона, поражала своей необычностью. Среди пестряди ловко подобранных полос и квадратов, в самом центре – тёмно-синее поле, а на нём -кипенно-белый ангел. Крылья распростёр, словно пытался обнять, защитить. Надо же, выдумщица какая,- улыбнулась Надя, погладила умело вырезанное из газовой косынки, мастерски прилаженное перламутровое оперенье ангелочка.

На своём веку она видела столько лоскутных одеял, что удивить её каким-либо было не просто. В их доме всегда пользовались только такими, сшитыми бабушкой или мамой.

Лоскутное одеяло, как линия жизни: в детстве – маленькое, а под старость – большущее, «нарощенное» годами, судьбой, детьми, внуками.

Вон стоит в углу, отдыхает, списанная на пенсию, когда-то неумолчная старая-престарая швейная машинка. Сколько поработала на своём веку! Сколько обнов перешила! И не припомнит.

Сначала на ней стучала бабуля, шила незамысловатые наряды: штапельные юбки, ситцевые кофточки для себя, порты и рубахи для деда; модные послевоенные юбки и жакеты для дочерей.

Потом облюбовала её мама, навострилась мастерить себе и подружкам сарафаны да блузки. А уж как замуж вышла, да деток нарожала, тут «зингерка» и совсем покой потеряла. Жужжала и днём и ночью, строчила-выдумывала детские платьица, костюмчики.

Как ни старайся, как ни наловчись экономно, по-хозяйски кроить, а нет-нет да останутся непригодные лоскутки, обрезки, небольшие отходы материи. Но и они у рачительной хозяйки пойдут в дело. Ткани на Руси всегда были дорогими и прекрасными, прежде всего вложенным в них трудом множества человеческих рук. Ценился каждый остаток. Ничего не выбрасывалось.

Из таких обрезков собирались, подгонялись по размеру косяки. Полосочка к полосочке, треугольник к треугольнику. Из них сострачивались квадраты. А уж из квадра-

тов – полотнища для одеял: хочешь, махни рукой на цвет – распестри, как попадя, а задумаешь понарядней, полюбопытней, так поломай голову, разложи лоскутики так, чтоб любо-дорого посмотреть – не одеяло получилось, а сплошное дивное узорочье.

В работе с лоскутами главное – цвет. Пёстрое при первом приближении, оно оказывается на удивление гармоничным при более внимательном рассмотрении. Такие вещицы считали, конечно, роскошью.

А вообще-то, появилось это рукоделие не из богатства. Тканью всегда в народе дорожили, лишний её кусочек никогда не пропадал. Измудрялись «востожить» такие одеяла и из старых вещей, экономно выкраивая несношенные, уцелевшие лоскуты, ведь одежда, сшитая из натуральных материалов, из льна, хлопка, носилась долго, зачастую передавалась из поколения в поколение.

Готовясь к замужеству, девушка должна была (непременно сама!), как залог счастливого брака, сшить свадебное лоскутное одеяло. Да не простое: для него собирали лоскутки от одежды жениха и невесты, их родственников с пожеланиями счастья и благополучия молодым. Такое одеяло являлось праздничным, первой реликвией для новой семьи, считалось её оберегом и передавалось по наследству старшему ребёнку.

Надя задумывалась и раньше, не находила объяснения, почему так завораживают, так притягивают взгляд старые вещи и предметы. Какой магической силой наделены старинные вышивки и лоскутные одеяла? Непонятна, неразгаданна и таинственна замысловатая вязь узоров, берущих своё начало ещё в дохристианской Руси.

Уж откуда повелось, Надя и не помнила, только отношение к «самделешным» одеялам было в их семье какое-то особое. Сработанные бабушкой и мамой для каждого члена семьи, они никогда не выносились со двора, не показывались посторонним, и уж тем более ими не укрывали гостей. Приезжим, даже родственникам, эти одеяла никогда не подавали. Для гостей держали городские, покупные - ватные, а про летний день – суконные.

Надя даже и не представляла родительский дом без лоскутного одеяла. Вот и сейчас бабулину кровать украшает такое. Уже совсем выцветшее, выгоревшее, но от этого не менее ласковое и родное. Укрываться таким одеялом на печи ли, на кровати, - было обычным делом, у всех соседей можно сыскать (да не одно!) подобное.

Для наших баб шить лоскутные одеяла и покрывала – дело обычное и понятное. Скорее всего, для них эти вещицы, тряпичные куклы да вышивка являлись самыми первыми рукодельными произведениями.

Прикинешь одеяльцем постель, и в комнате воцаряется уют, от знакомых-перезнакомых «кубинетиков» источается такое тепло, такой свет, что в хате сразу водворяется лад и покой. Скромная, повседневная вещица, а одаривает немудрёное крестьянское жилище радостными красками, согревает в долгие знойкие зимы. Залатано-перелатано. Истрёпанное, затёртое, с узорами грубых швов, ватное лоскутное одеяло… неприснившихся снов, несбывшихся мечт.

Лоскутное одеяло - кладезь памяти. Расстели одно за другим, и получится нить, связующая многие поколения, ведь на его полотне и лоскутки от маминого платья, и уголки-квадраты от бабушкиной юбки, и клетчатые ромбы от рубашки брата, и крохотные полоски от распашонки сына. Сшито-сметано оно из разных отрезков жизни людской. Здесь и радость встреч, и горе разлук, и потери, и ожидания, и веселье и грусть – всё, чем жила семья на протяжении многих десятков лет. Оно - из воспоминаний о поездках, именинах и крестинах, рождениях детей и свадьбах; о бедах и похоронах, о болезнях и потерях… О самой жизни. Ведь она сродни «самоделишному» одеялу» - собрана из встреч, переживаний, радостей и расставаний.

Каждое событие так же, как в жизни, на лоскутном одеяле оставляет свой след. А люди, укрывавшиеся им, тоже какого-то определённого цвета, как и клочки ткани. Вот лоскуток ярко-зелёный, цвета майской травки - детский; этот, нежнейший, – яблоне-

вого цвета – девичий, а вот эти – вишнёвый и знойно-красный – женские. Насыщенно-зелёный или синий, с переходом в фиолетовый, – явно мужской.

Одеялочка такая из тончайших ароматов и красок. Развернёшь – и разлетятся лоскутки, словно весёлый рой махаонов, капустниц и крапивниц. Синий, жёлтый, зелёный, оранжевый – мелькают клочки от фартуков и занавесок, покрывал и халатов. Пригождалось всё: штапель и батист, шерсть и ситец, шёлк и креп-жоржет, бостон и панбархат.

Вытрется на нём ситчик, потеряет блеск шёлк, там - пустота, там - заплатка, вата скомкается, заветшает любимая вещица: с кем-то расстался, и кусочек тут же выпал, но приложит к нему хозяйка свои ловкие руки, подштопает, подстрочит, прирастит новыми лоскуточками – и опять согревает оно ставших для него навеки родными домочадцев.

Только к концу жизни одеяло лоскутное у всех разное, нет ни одного схожего: у кого-то – жалкие лохмотья и обрывки, у кого-то – маленькое, чуть укроешься. Но у большинства – непомерные, роскошные двуспальные. А на его «поле», словно на подворье за широко расставленными праздничными столами много-много ярких ляпочков – деток, внуков, правнуков… А как же иначе? Жизнь на том и стоит…

Как выбросишь дорогие сердцу воспоминания: танцы под радиолу или гармошку, застолье по поводу первенца, поездки в гости, Рождество и Пасху, юбилеи и сватаньё? Эти одеяла-памятки связывают в единое целое, в большущее семейство и живых, и тех, кого уже нет рядом, но о них всё ещё ведут беседы, шепчутся по ночам лоскутки их рубашек и платьев на этом чудо-одеяле.

IV.

Спустя месяц, нагрянувшая Катерина застала подругу ползающей по полу квартиры, смётывающей какие-то уголочки-квадратики. Повсюду горы лоскутов и обрезков однотонной и цветастой, в полосочку и горошек, в огурчик и звёздочку-мушку, шёлковой и штапельной, льняной и шерстяной материи.

- И куда ж ты запропастилась?- пробираясь сквозь бедлам, полюбопытствовала она у Надежды.

- Да я и не пропадала вовсе, делом вот занимаюсь.

- Боже мой! Куда мы катимся, не знаю! Рыться в производственных отходах теперь делом прозывается? – съехидничала чем-то расстроенная Катерина.

- Что стряслось-то? – Надя, почуяв неладное, отложила ножницы. - Выкладывай.

- Можешь меня в подручные взять, будем вдвоём в хархарах твоих копаться. Времени у меня теперь - через край.

- Ясно! Свободна, как птица?

- А чего ожидать-то? Последний цех накрылся. Все заводские помещения под бутики-салоны распроданы. Ловко! Производить теперь ничегошеньки не станем. Заграница нам поможет! Так, кажется, заверял незабвенный Остап Ибрагимович? Закупил за бугром – у нас в тридорога толкнул, опять закупил – опять толкнул. Боже мой! Жить страшно…

Надя впервые видела подругу такой беспомощной.

- Давай-ка на кухню, ставь чайник. Я сейчас, через минутку. Почаёвничаем, потолкуем. Глядишь, что и прикумекаем. У меня к тебе предложеньице наклёвывается.

До самого вечера говорили и говорили они о будущем житье-бытье. Надежда рассказала, о том, что недавно приезжал Витя со своей Наташей, вот, мол, мама, принимай невестку.

- А мне что, вижу: любят друг друга, дитё вот-вот народится. Разве ж я стану меж ними? Если Витя счастлив, так я – вдвойне.

- Чем невестка–то занимается?

- Да студентка ещё, третий курс текстильного. Не знаю… говорит, мол, академ возьмёт, а я так думаю: пусть ко мне дитё привозят, справлюсь, я теперь закалённая. А потом – я ж не одна!

- С кем это ещё?

- Как с кем? С Надеждой! – вспомнила мамины слова и улыбнулась Надя, - ну, а теперь – о главном. А не открыть ли нам с тобой, Катерина, общее дело?

- И чем же заниматься станем?

- А ты не удивляйся, потерпи, не сбивай, я тебе всё путём и растолкую.

Надя принесла недавно законченное лоскутное одеяло, в голубых тонах, с небесной шёлковой подкладкой. Развернула и молчит, наблюдает, понравилось ли подруге.

- Витя, небось, подарил? Дорогущее, наверно!

- Да нет, уж! Сами с усами. Из таких же лоскутков, которые ты «харахарами» обозвала!

- Не может быть! Ну, Надежда, ну, рукодельница! Что ж ты талантище зарывала? И куда его теперь? Что дальше-то?

И Надя рассказала подруге о том, какое наследство оставили ей бабушка и мама. Показала старую «Зингерку», с горем пополам притащила с собой из деревни. Отвела Катерину в спальню, где на месте комода поселился бабулин красавец сундук. (Мамин Надя оставила в светлице, сложив в него кое-какие вещи).

Щёлкнув хитромудрым замочком, приоткрыла крышку «коробея». Дохнуло полынком, чем-то родным-родным, до боли знакомым, глубинным. А когда начала хвастаться содержимым, Катерина загорелась.

- Я знаю, что делать! Это не должно лежать мёртвым грузом! Это просто не может молчать! Надо, что-то придумать! Может, выставку какую устроить? - не переставала она тараторить.

- Подумаем. Может, и выставку. Только я не о том. Невестка-то у меня толковая оказалась. Я ж из деревни два мешка лоскутов притащила. Накопилось, некому было в дело определить. Только развернула я свою «фабрику по пошиву лоскутных одеял», как приехали мои молодые. Наталья-то, как увидела моё рукоделье, так и заявила, мол, если в салоне народных промыслов выставить, с руками оторвут.

Пока погостевали, я ещё одно одеяльце сладить успела. Увезли они оба одеяла с собой, а через неделю перевод выслали и телеграмму, мол, ещё готовь. Я с почтампта пешком шла, не могла в транспорте. Слёзы ручьём бежали, успокоиться мочи не было …

Нет со мной ни бабушки, ни мамы, а мне, куда ни взгляну, чудится, что они рядом… Словно куда-то вышли на минуточку и вот-вот вернутся… И бабуля подсядет к окну, раздвинет ситцевые с голубками занавески, привычным движением, не глядя, нащупает на липовой этажерке очки и затеет смётывать-«сбирать» очередное одеяло, а мама потопает в сенцах валенками, пообобивает с них бурьянным веником ледышки, распахнёт с хрустким вздохом двери, пропустит впереди себя клубы искрящегося пара, протянет мне раскрасневшимися застывшими руками огромную охапку свежестиранных рушников, таращащихся от каляного мороза, дышаших свежестью, полыньёй и рождественскими хвойными ветрами…

Царство им обеим небесное!.. Выручают они меня и по сей день… поддерживают. Память о них да оставленное ими наследство, дай-то Бог, помогут перебедовать, да стать на ноги…

Только не знаю уж, отчего, подруга, щемит у меня на душе и щемит, словно предаю я их в чём. Ведь не по нраву было бы бабуле, что одеяла мои лоскутные по миру разлетаются... Знаю точно, не по нраву… Осерчала бы она на меня: «Что ж ты, девонька, ай, нехристь, душу-то выстужаешь, напоказ выворачиваешь? Не след так-то... дажить за-ради куска хлеба, не след… Занедужит душенька враспашку-то, ветрами чужими захворает. То, что не напоказ, не для чужих глаз, самоё сокровенное, в самой что ни на есть глубине носить следно, сберегать. Деткам сгодится».

ЕЛЕНА КОВАЛЁВА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КАЛЕНДАРЯ

* * *

Атака зимы захлебнулась дождем,
Разорваны в клочья знамена метели,
Армады снежинок напрасно летели
На землю. Ну что же, еще подождем.
Ведь в наших краях белизны торжество
Лишь времени дело. Покров безупречный
Январское небо набросит на плечи
Усталому городу под Рождество.
Придется к лицу этот праздничный дар
Старинным домам, площадям, закоулкам
И нашему скверу. Пойдем на прогулку
Тотчас же – пока еще бел тротуар.
Канун Рождества будет ясен и нем,
Как свет, что ведет за собой в Вифлеем.

ОТТЕПЕЛЬ

Февраль. Нашествие тепла
Несвоевременного: лужи
Мерцают, словно зеркала
Под фонарями, ветер кружит
Сырой. Повсюду топь и мгла.
А все-таки морозы хуже
Для тех влюбленных, что угла
Не отыскали. Бродят в стужу
Среди озябших черных лип
И слушают их жалкий скрип
В аллеях брошенного парка.
Пусть будет мокрый снег с утра
И дуют южные ветра,
Когда ты ждешь под темной аркой.

* * *

Ты говоришь: «Вернемся в берега,
Не будем нарушать покой друг друга...»
В начале март, и старые снега
Над Орликом темнеют от испуга.
День ото дня все выше небосвод,
Все раньше будят ликованьем птицы,
Увидим скоро, как взорвется лед,
Река разрушит тесные границы.
Уйдет под воду мостик подвесной,
Ока захватит дальние угодья,
Затопит парк…. И все-таки весной
Как праздник мы встречаем половодье.
Как будто отворив речные воды,
Апрель и нам дает глоток свободы.

* * *

Легко даются описанья драм.
Про счастье рассказать дано не многим
Так, чтобы к гармоническим строкам
Склоняли слух пирующие боги.

Где дышат чувства, там бедны слова –
Фигуры красноречия тускнеют.
Пока любовь крылатая жива,
Предпочитаю ямбам и хореям
Неловкие слова о пустяках,
Касанья рук, невыразимость взглядов
И щебет птиц на вешних берегах,
Где мы с тобой порой бываем рядом.
Когда увянет луг, тогда из строк
О радостях весны сплету венок.

ЗАРЯ

Сумерки – время не речи, а взглядов.
Светло-лазоревый, белый и алый –
Три этих цвета заря начертала.
Небо, как стяг накануне парада.
Тучек собрав серебристое стадо,
Жаркие вспышки по ним разбросала.
Страстью окрасился край покрывала –
Небо не знает роскошней наряда.
Ты говоришь: «Посмотри – над домами
Майской зари распускается знамя
Светлое! Видишь ли?» Но близорукий
Взгляд мой не ценит красот заоконных,
Но различает тепло и влюбленно
То, что так близко: твой профиль и руки.

ЛИПЫ

Полуденная улица мертва
От зноя, даже ветра стихли стоны,
Блестя на солнце, липовые кроны
В атласе темных листьев кружева
Расправили. Колеблется едва,
Медовым ароматом напоенный,
Июньский воздух, и гудит влюбленный
Рой пчел, и чуть кружится голова
От запаха – манит его струенье
Припасть лицом к соцветьям и вдыхать
До дна, до слез, до умопомраченья….
Но током крови движутся мгновенья,
И нет того, что может задержать
Летящий миг на пике вдохновенья.

* * *

А. Михайлову.

Жара и пламя, мир летит во тьму –
Горят леса, строенья…, недотроги
Спасаются, не разобрав дороги.
Мой грустный спутник заплутал в дыму,
А я роняю веер Вам под ноги.
Нечаянно? Нарочно? – Не пойму –
Не доверяю женскому уму
И не желаю подводить итоги,
Пока решает благородный дон
В неловкой позе: проявить бонтон
Иль сделать вид, что уронил монету,
И отойти подальше от греха,
Пробормотав: «Какая чепуха –
Везде огонь и ни крупицы света!»

КОЗЫ НА КЛАДБИЩЕ

Надгробья от домов недалеко –
Разрушена ограда, буквы смыты,
Не отыскать искусственных венков,
Но спелою травою все увито.
И козам забрести сюда легко –
Бессмысленно уставятся на плиты,
Жуют и тяжелеют молоком,
Не ведая о том, что под гранитом.
Так смерть питает солнечную жизнь,
А жизнь навстречу ей всегда бежит,
И нет границ у этой круговерти.
Но те, чьи имена едва видны,
Насельниками стали той страны,
Где места нет ни суете, ни смерти.

БЛАГОРАЗУМИЕ

Размениваю чувства на слова,
Как золото на медные монеты,
Как рощу на сосновые дрова
Под осень, из желанья быть согретой,
Когда нагрянут ветер и мороз.
Вот так, благоразумием болея,
Заготовляем долго и всерьез
Сухие листья нежного шалфея.
Готовимся к печальным временам –
Пусть достиженья выльются в награды,
Весомей, звонче станут имена –
Чего еще на склоне жизни надо?
Влюбленность – порох: вспыхнуло и нет…
Надежнее чернил лиловый след.

ФРАНКЕНШТЕЙНУ

К. Лисицыну

Октябрь затуманил и мысли, и дали,
Ослабло дыхание огненной пневмы,
Но негою дышит и зноем полдневным
Пурпурная роза, что Вы мне прислали
В письме с изложеньем
научной проблемы.
О разуме том, что не знает печали,
Толкуете: цепи, мемристоры, схемы…,
Его соберут из точнейших деталей
И выйдет андроид: Геракла сильнее,
Изящней Париса, хитрей Одиссея.
А может быть, новая дева Юнона…
В моем представленье она неизменно
Спокойна, чиста и красой совершенна,
Как роза из розового силикона.

В ВАЛЕНСИИ НОЯБРЬ

Валенсия… по теплым тротуарам,
По глянцевым камням Аюнтамьенто
Гуляли чужестранной тихой парой,
Растягивая каждого момента
Течение. Ты помнишь, как над нами
В спокойном ритме праздничной паваны
Раскачивали пальмы головами,
Листвой шумели серые платаны
Слегка увядшей, но не от ненастья –
От щедрого тепла…. Ты помнишь, наше
Там целым было медленное счастье,
Тяжелым, как наполненная чаша,
И спелым, словно гроздья апельсинов,
Что падали с ветвей на Сан Мартина.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

(На композицию В. Сырова «Зима в Красном-на Волге»)

Художнику дано увидеть рай,
А нам – полюбоваться на картину,
Увидеть, как отраден будет край,
Который неразумно был покинут.
Так узнается в радости тоска –
Звучит призыв, но не войти за раму.
Недостижима тихая река
И снежный берег, к маленькому храму
Не подойти, озябшею рукой
Не ощутить шершавый ствол березы,
В окно не заглянуть – везде покой
И свет на всем, но от чего-то слезы....
Лишь месяц бледный сказочным серпом
Кивает мне на небе золотом.

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ

ОСТРОВКИ
(миниатюры)

Золото

Ранняя осень. Над тротуаром летят первые жёлтые листья, танцуя, словно огоньки костра.

На остановке – я и две незнакомки. Одна – в дорогих кожаных сапожках, напомаженная, с золотыми кольцами и серёжками, другая – без косметики, худенькая, в сером пальто, без единого перстенёчка. Одна смотрит гордо, высокомерно, с запросом, другая – скромно, боязливо, молитвенно вдыхая сырость редеющих крон.

В её бледно-кофейных глазах отражается танец осенних листьев.

Истинное золото.

Весточки

Закружился в подворотне северный ветер. Разыгралась метель-крестница. Потемнело вокруг, хоть глаз выколи.

На моё окно спрыгнули две синицы и стучат в стекло.

К чему?..

Пора в дорогу. В автобусе холодно, на остановке замёрз пуще волчьего хвоста. А на работе – неприятности, начальница посмотрела на меня по-змеиному.

Разболелся я, слёг, закручинился...

Вот вам и весточки.

Покос

Пахнут сладким соком спелые травы – от оврага до вечернего зарева. Оживает душа в мягком клевере.

Месяц серпом повис на раките-вдовушке.

Вышли мужики на луг, скользят бруски по отбитым лезвиям, падают к ногам росы алые, словно ягоды.

Отражая небо, течёт по траве душа, а по небу – млечный сок.

Расплывается закат, уносит покос капельки души ко Всевышнему.

Океан

Роща на холме. Сидим, выпиваем. Костёр потрескивает, сырок в траве под обветренную краюху спрятался...

Вижу – вдалеке облако, высокое, холодящее, а вокруг него – свинцовое марево: айсберг-небосвод окропил вечернюю мглу льдинками.

Движется океан над землёй. Тихо, словно перед бурей.

Калина

За огородом – овражек, рытвины от окопов ещё с войны остались, а в одном из них – калина.

Шумит, ветвями машет, точно разговаривает.

Сорвал ягоду – поползла по рту горечь лютая, такая, что молоком не запьешь.

Кровь земли, кровь солдатская...

Растёт за огородом калина на людских костях, зазывает путника.

«Зелёный дух»

Разыгралась малышня на окраине села, возле Семёнова сада: ветви гнёт, яблоки тянет, по траве катается, шумит.

Дед Семён строг – сухой, с седой бородой до пояса, жилистый.

– Не шумите, – говорит, – в саду зелёный дух живёт.

– Какой дух, дед Семён? – спрашивает малышня.

Молчит, бороду чешет. Сам не знает.

– Семён, Семён – зелёный дух! – закричала малышня, засверкала пятками.

Дитя

У меня родилась дочь. Крохотное дитя. Смотрю на неё и понимаю: это же почти я, только маленький.

Как всё-таки здорово. Я снова стал ребёнком.

«Кровинушка»

Встретил на лугу корову. Белая, с чёрным бочком, глаза – человеческие. Дал ей горсть травы, она жуёт.

«Как же, – думаю, – такую красу можно на тушёнку пускать?..»

Отошёл, загрустил. Слышу – хозяйка кричит:

– Кровинушка! Домой...

И – палкой её по рёбрам.

Нет, слаб всё-таки человек. Не может он без предательства.

Новое небо

Видел сон – ни понять, ни взять: был на другой планете, стоял, задравши голову, словно суслик на космодроме.

Небо – сплошь усыпано звёздами, пустого места нет. Млечный Путь раз в пять шире нашего, почти круглый. Звезды величиной с грецкий орех, рукой достать можно.

Всё – иное: небо – новое. Оглянулся, а вокруг – дома с резными наличниками, мазанки в лопухах, скирды в тумане, река под холмом...

Чудно всё-таки устроена человеческая душа.

Головастик

Отгремела гроза, разлилась за огородом лужа, а через две недели завелись в ней головастики – превеликое множество. Плавают быстро – водяные живчики.

Опустил руки в лужу. Извозился весь – по локоть, лицо глиной испачкал. Стал и сам почти головастиком.

Но не вижу я ничего в этом зазорного, потому что в каждой маленькой тварьке – Бог.

Медицина

Много думал я – столько, что голова трещит, разрывается на куски сердце-библия.

Потяну себя за чуб – слева чёрт стоит, уколю себя в ладонь – ангел кружится. Тянут они меня в обе стороны.

Наклоняюсь над строкой – хуже прежнего.

Набираю телефон друга, медика. Говорю ему обо всём – бью по темечку.

Строго выслушав беду, говорит мне друг:

– Медицина здесь, увы, – дело вредное...

Душа

На днях улетела от меня душа к сёстрам-звёздочкам. Звал, умолял: «Вернись...» Искручинился.

На Луне – пустырь, на Венере – жар, а в созвездии Весов – гуманоиды. Уши красные, носы-огурцы, один глаз на всех, да и тот – внутренний.

Долго летала душа по небу, но одумалась, возвратилась в дом, к моему окну, где я думаю, песней мучаюсь.

– Где же, – спрашиваю, – ты была, душа-семечко?

А она в ответ:

– И не спрашивай... Расскажу тебе обо всём – умом тронешься...

Островки

Многое в памяти остается, многое забывается. Помню, как я – худенький мальчишка – ловил с песчаного островка плотвичек. Неумело, словно аистёнок.

Юрка, двадцатилетний крепыш, с мокрой коряги головой вниз нырял. Теперь уже десять лет прошло, как Юрки нет.

Всё истлеет, всё забудется.

Но островки останутся.

По моей душе

С неба текут лучи, расплываясь по медному куполу, словно яблочный сок.

Спал в шалаше, на опилках. Видел в мутном целлофане звезду-сверстницу. А теперь – рассвет, ползёт по мне муравей.

Беру блокнот. Пишу:

Над рекой моей
встали купола,
с тоненьких ветвей
капает смола.

В утреннем бору
солнце расцвело;
трогает кору
летнее тепло.

На далёкий склон
смотрит древний храм:
раскололся звон
в поле пополам...

Уголёк свечи
гаснет в шалаше,
потекли лучи
по моей душе.

И откуда берётся такое?..
Текут лучи по моей душе.

Суховей

Помню жаркое лето. Корни ракитовые на берег из глины выползли, словно змеи из-под порога. Пруд пересох. Лягушки томно прыгают за немощными комарами.

А ветер всё кружит, шумит печёной листвой над оврагами. Надувает рубашку пузырём. Кажется, сейчас вспыхнет на спине огонь.

Подхожу возле околицы к затхлому колодцу. Из трубы вода не течёт, и со дна нечем зачерпнуть. Иссушил моё горло суховей.

Падаю в прохладную траву. Одно спасение.

Греция

Выпивал с гостями – учёными-греками. Беленькую. Греки звенели рюмками, словно копьями.

– А что, – спрашиваю, – в Греции водки нет?..

– Есть, – отвечают, – только в основном палёная...

Надо же. Всё в Европе не слава Богу, везде двойные стандарты. И Греция туда же.

Окраина

Я родился и вырос на окраине. С малых лет меня ласкало русское полюшко, ясень-схимник волосы расчёсывал, заливала душу звуками река-дудочка, а тропинка на холме звала, словно юная девица.

Здесь я в первый раз увидел небо и сказал «мама», в первый раз лежал в сырых одуванчиках.

Над июльским садом взошла звезда, улыбнулась мне, а за нею – тьма, тьма пустынная...

Солнце наше тоже летит по окраине.

Подарок

Несколько лет назад на день рождения младший брат подарил мне футлярчик, а в нём – карандаш и авторучка. Железные, тяжёлые, блестят, словно новенькие патроны.

То-то писать шибко будут...

Не повезло брату: из колледжа ушёл со скандалом, из армии комиссовали, в девятнадцать лет женился, через три дня развёлся, сын растёт без отца... Мотается брат, мается.

Одна кровь у нас, одна основа, из одного дома-футляра, из-под одной крыши, а судьбы написаны по-разному: моя – чернилами, его – карандашом...

Сам, наверно, не понял брат, какой подарок мне сделал. Всю жизнь помнить буду.

Голубок

Над базарной площадью, возле церковного купола, порхает голубок.

Две старушки – Марья и Настя. Одна – добрая, другая – злая, жадная. Торгуют семечками. Разница в цене – рубль за стакан.

Отвернулась Настя.

Слетает с купола голубок и – ест семечки в четыре крыла.

– Кыш, сорванец!..

– Это, – смеётся Марья, – тебе налог – за вредность.

Лаванда

От лимонного мыла на душе кисло, как после проваленного экзамена. При виде хозяйственного вспоминаются времена Горбачёва. Банное пахнет прачечной, хвойное – забава для лесничего, яичное – гордость советских птицефабрик...

Купил вчера фиолетовый кусочек с блеклыми прожилками – весна ухнула в январе, закружился в голове вихрь-половодник, снег на балконе цветами вспыхнул.

Лаванда.

Женский запах. Хочется покорять вершины.

Гитара

Поругался. Настроение – крокодил загорюнится. «Дай, – думаю, – хотя бы на гитаре сыграю...»

Не звучит гитара, сопротивляется.

К воскресенью подобрел. Другое дело: ни одной фальшивой ноты, ни одной оборванной песни.

Метко сказал мой давнишний приятель:

«Гитара – лучшая женщина: хотя и деревянная, но зато как поёт...»

Поёт, когда на душе светло.

Ожидание зимы

Уезжаю из провинциального городка. Иду к вокзалу. Окрепший морозец выдавил из тротуаров последнюю влагу. Мусор. Песок. Пыль скрипит на зубах, зябко и пустынно, как на заброшенном полигоне. Небо дырявым мешком висит над богадельней.

А ведь лет пятнадцать назад, бывало, сядешь в начале декабря у окна – снегири сыплют рябину в бархатное лукошко позёмки...

– Господи, – думаю я, – когда же замёрзнет лёд и заискрятся сугробы? Когда придёт настоящая русская зима?..

Где я?..

Задал себе странный вопрос: «Где я?..» Сижу возле окна, а сам летаю в облаках – от сухой коры под ольхой до пульсаров-всполохов. Пытаюсь постичь Вселенную.

Не по зубам Вселенная. Возвращаюсь домой, а над садом – волшебница радуга, возле лужи собака сидит на цепи, любуется собой, словно в зеркало.

Нет, не там я, а здесь – по вечерней росе иду.

Ничего нет краше Земли-матушки. Не встречал пока.

Красота

За моим окном – локоны берёзы в утреннем инее. Серебрится её ствол, точно Млечный Путь.

Сосед стучит за стеной молотком, а я – поплыл, вспоминаю: когда же в первый раз я такую красоту увидел?..

Вспомнил. Давным-давно. ...Снег хрустит под ногами. Отец меня в школу ведёт. Тогда-то я и догадался, где красота, а где – так, суета сует.

Неправильно мы все-таки живём. Каждой секунде радоваться надо.

Цвета

В школе, где-то классе в четвёртом, взволновал нас один вопрос: «Какой цвет любимее?..»

– Оранжевый! – кричит Олег.

– Зелёный, – признаётся Света.

– Синий, – говорю я, – потому что небо синее...

Спрашиваю теперь. Не могу ответить. Все цвета любимые, кроме хаки.

Критика

Дал одному престарелому критику стихи на рецензию. Три месяца ждал, думал, что его уже давно ощипали...

Нет. Одумался, пригласил.

– Ты пишешь мастерски, – говорит, – как семидесятилетний мэтр, но тебе ещё рано так писать... Пиши хуже.

«Надо же, – подумал я, – литературный индюк...»

По этому поводу Пушкин ещё двести лет назад сказал, что поэты та-лантливые появились, а критики пока нет.

В общем, так всё и стоит на одном месте.

Настроение

На улице хуже, чем в промокшей медвежьей берлоге. Слякоть, мгла. Река с пеной на бетонном уступе моста бьётся в берег, точно из своей шкуры хочет выпрыгнуть.

Грачи роем пикируют над собором.

Машины бросают грязью и в прохожих, и в придорожные клумбы, перекопанные под зиму.

Кто-то ругается, кто-то ворчит, а я иду спокойно, уверенно, ровно, даже улыбаюсь.

У меня – хорошее настроение, потому что каждый день – с нерукотворным миром. И с Богом.

Горечь

Приехал брат из Москвы – оголтелый. Прыгает по квартире. Глаза блестят, словно у бельчонка.

– Надо, – говорит, – бабушкин старый дом продать, олигархов в провинцию потянуло...

– Предки наши, – объясняю, – на этом месте пять веков жили...

Поспорили: ему – деньги главное, а мне – память.

Неужели продадим?..

Горько на душе от этой мысли.

Юность

Шелестит на холме муравьиная трава, словно руно серебристого агнца. Смотрит на меня краса-дерево, а в длинных волосах – листья узкие.

Ищу гармонию, ищу любовь.

В детстве думал, что юность живёт в лесу за моим огородом, а теперь уверен, что юность – везде: от липкой грязи под окном до звёзд-бусинок.

Надену на твою шею рябиновые бусы, не носить мне их уже. Не по возрасту.

Верба

Было мне пять лет, когда с мамою посадил я под окном вербу-девицу. Бросила она ввысь косы-весточки, вытянулась за два года в доброе деревце.

Распустилась её крона в ширину на полулицы, закачалась, зацвела к Пасхе золотом. Но упала тень от её волос на постылый двор, прибежал сосед с хулой-руганью.

Долго он терзал её дерзостью, каждый день проклинал нас, жалил-пакостил. И засохло, и умерло, не выдержав, наше деревце, превратилось в труху за один лишь год.

Много лет прошло, но всё думаю: видно, есть душа в каждой веточке, в каждой травушке, в каждом листике.

Добрые люди

Задумался, стоя на пороге Дома культуры. Люди идут – разные: красивые, некрасивые, худые, толстые, хромые, горбатые, стройные... Кто с корзиной, кто с рюкзаком. Один похож на варёного петуха, другой – на Петра Первого.

Весело мне на людей смотреть.

И вдруг – озаряет меня странное чувство: люблю их всех, до последнего, каждого встречного, каждого прохожего...

Добрые люди, дай Бог вам спасения.

Ноябрь-декабрь 2008, июль 2013 г.

АНТОНИНА СЫТНИКОВА

И БРЕДЯТ РУСЬЮ ВАСИЛЬКИ

* * *

Мороз крепчает на Крещенье.
Народ, по древнему преданью,
Ждет искупленья и прощенья
После купанья в Иордани.
И, может быть, надеждам внемля,
Придет - в который раз - по водам
Спасать поруганную землю,
Однажды принятой народом,
И распинаемой так часто
В душе у каждого грехами,
С неиссякаемым участьем
Вновь наблюдающий за нами.

* * *

Земля родная, знаешь ты
Свой путь сквозь бури и невзгоды.
Все было: годы немоты
И громкой славы были годы.
Врага разили, и не раз,
Сыны твои на поле брани.
Смотрю – ведь нет врага сейчас!
А кровью истекают раны.

Шипы вранья и воровства
Рвут на клочки твои одежды.
«Иван, не помнящий родства»,
Живет без веры и надежды.

* * *

Сжалась, как шагреневая кожа
Бывшая великая страна.
Стала абсолютно непохожей
На себя, просторную, она.

Только за распахнутой калиткой
Колобродит прежний соловей...
А туман распухшею улиткой
Зелень объедает у ветвей.

Цепь тревожно звякнула в колодце.
Долго ль новой ожидать беды?
Бог помилуй! – может быть придется
Нам платить за капельку воды.

За духмяный вересковый воздух,
За журчанье вешнего ручья.
Слюнки истекают у прохвостов –
Изобильна родина моя.

Выйду на рубиновом рассвете
Травы-изумруды собирать,
Рябью набежит жемчужный ветер
На аквамариновую гладь.

Все это дарилось, безусловно,
Мне, рожденной в звонкой красоте.
Пусть и дальше соловей влюбленный
Трели рассыпает в темноте.

* * *

Памяти моего дяди Алексея Неговора

Здесь сентябрь, как пирог слоеный,
То оранжевый, то зеленый.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем, как домой собраться,
Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчел, в согласии дружном, стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лешка – костыль под мышкой,
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

* * *

Висят подзорами туманы
Над речкой Сасенкой с утра.
Я снова в домике саманном,
И будто не было утрат,
И сердцу милая Украйна –
Лишь окоем большой земли.
На расстояниях бескрайних
Еще границы не легли.
Еще звучат былые песни,
Веселье плещет через край,
И в танцевальном круге тесно,
– Эй, гармонист, давай играй!
И бабы лучшие наряды,
Чтоб в поле выйти, достают.
И – не поверите! – но радость
Приносит бескорыстный труд.
И за расхристанным туманом,
С утра присевшим у реки,
Растут во ржи косынкой рваной
И бредят Русью васильки.

* * *

В саду заброшенном антоновка
Невероятно хороша.
И наливное, с ветки тоненькой,
Срываю молча я, спеша
Вдохнуть глубокий и пленительный,
Неповторимый аромат.
И вспомнить ярко и пронзительно,
Как много-много лет назад
Шла через двор неспешно бабушка,
Сорвав такое же в саду.
На нем роса светилась радужно.
Стирая капли на ходу
Изнанкой фартука атласного,
Бабуля шествовала в хлев.
Несла буренке чудо-лакомство,
Мне подождать в саду велев…
Держу сейчас в руке антоновку,
Как будто кружку молока.
И в этот миг я – внучка Тонюшка,
И снова жизнь легка-легка.

НА ФЕРМЕ

Здесь когда-то молочные реки
Меж кисельных текли берегов.
В двадцать первом свихнувшемся веке –
Только отзвук случайных шагов.
Ветер западный вольно гоняет
Шелуху долгих брошенных лет,
И дырявая крыша роняет
На пол горсточку медных монет,
Да лопух прорастает сквозь стену.

Он давно-предавно мне знаком.
Помню, как напоили отменным
Нежно-сладким парным молоком.
Я тогда возвращалась из леса
Мимо фермы – коротким путем.
И накрыло колючей завесой –
Неожиданно ярым дождем.
Град впивался в озябшее тело,
Словно дикий безжалостный зверь.
Повезло! На бегу разглядела,
Как приют, приоткрытую дверь.
Притомившаяся молодуха
Протянула кувшин с молоком,
А собака с оторванным ухом
Норовила лизнуть языком.
Выходило смешно и нелепо.
Словно горсть золотого тепла,
Мне краюху домашнего хлеба,
Улыбаясь, доярка дала.
Ноздреватого, с легкой кислинкой.
Помню запах его и теперь.
Он пророс во мне каждой крупинкой,
Заглушая печаль от потерь.

* * *

Яркой бабочкой на асфальте
Шевелится осенний лист.
Миг – и ветер его подхватит,
Понесет по дорожке вниз,

Где беспечно играет речка
В прятки с веточками ветлы,
А по берегу, будто свечки –
Обнаженных берез стволы.

Лист по водным скользнет ладоням,
Побежит с говорун-рекой,
И однажды в тиши затона
Долгожданный найдет покой.

Как листок на ладонях речки,
Я на Божьих плыву руках,
Каждый день обретая вечность,
Каждый день побеждая страх.

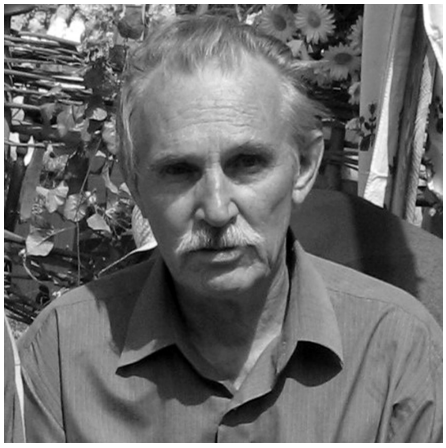
* * *

Всему на земле нужно время,
Чтоб силу почуять свою …
Взошло полновесное семя,
И снова я песни пою.
О ясных медвяных закатах
Над сонной прохладной Окой,
Где месяц в убранстве богатом
Всю ночь караулит покой
Российской срединной природы
В излучине древней реки.
Здесь ивы плакучие в воду
Свои окунают платки,
И стайка берез белоствольных
Почти подбегает к воде.
Здесь так хорошо и привольно,
Как больше не будет нигде…
И водной мелодии вторя,
Иду вдоль реки не спеша.
Пою о российском просторе
И полнится светом душа.

* * *

Такие вот сегодня времена:
Апрель – а все бело от снега.
Не позволяет вырваться из сна
Природе расслабляющая нега
Несобранной и ветреной весны –
Она опять о сроках забывает.
Лишь на стволе коричневом сосны
Дрожит янтарно капелька живая.
И в унисон дрожит моя душа,
Туманные улавливая звуки,
И чувства обновленные спешат
Освободиться из объятий скуки.
Пусть напоследок ярится зима,
Созрела удивительная сила.
И, открывая жизни закрома,
Перерождение провозгласила.
И на пороге нового пути
Пульсируют волнующие соки.
Стучит в висках – Пора! Пора идти!
А сроки?.. Разные бывают сроки.

МИХАИЛ ТУРБИН



АРТИСТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
(рассказ)

Преображался, загадочным человеком делался Зиновий Павлович в день получения пенсии. Выходил из квартиры на лестничную площадку и, блаженно вытягивал вверх руки, тянул их к потолку всем своим долговязым корпусом до тех пор, пока на стене от падающего из окна света не появлялся, по его мнению, «призрак отца Гамлета». Добившись нужного сходства, удовлетворённо бормотал:

- Вижу, вижу, ты уже здесь и ждёшь расплаты за злодеяния...

После чего шёл на базар покупать дешёвые куриные лапки. На переходе останавливался у светофора и громко спрашивал у горожан-пешеходов, какой горит свет, красный или зелёный?

- Слепой, что ли? Видишь, стоим, ждём зелёный! – недовольно говорил кто-нибудь в ответ.

- А вы не сердитесь. Я – дальтоник, мне что ни свет горящий, то божий, зовущий вперёд, а вы тут, как вкопанные все стоите, ничего не понимаю...

Темнит Зиновий Павлович, никакой он не дальтоник. Очки обычные, возрастные - плюс три диоптрия. Это утренняя пенсия чуть согрела его душу и заговорила она о чём-то своём.

На базаре, в мясной торговой палатке, он внимательно рассматривает куриные лапки, словно драгоценный клад, прежде чем купить их и сунуть в авоську. Стоящая за ним в очереди интеллигентного вида старушка не скрывает своего любопытства:

- Вы, извините меня, птичьи ножки берёте для холодца или для супчика?

В мозгах его что-то лихо щёлкнуло, напустил на себя таинственный вид, полуобернулся и резко заявил, словно услышал неуместный вопрос:

- Я – вегетарианец!

Продавщица информирует:

- Для кошек и собак тоже берут!

-Нет у меня животных! – уточняет он.

На этот раз сказал чистую правду: никогда не держал в квартире ни кошек, ни собак.

- Позвольте, - волнуется старушка – я не понимаю цели вашей покупки: если не для еды, то зачем они вам? Извините, конечно, за любопытство...

- Они нужны мне для научных целей. Так сказать, ради познания истины, но объяснять это непосвященным людям несколько затруднительно, впрочем...

Тут Зиновий Павлович оглядывается, что-то прикидывает в уме.

Ему бы взять авоську и идти за следующей покупкой, скажем, за луком, нет же, на глазах превращается в вальяжного учёного мужа со снисходительной улыбкой на лице. Стоит, ждёт, чтобы вокруг него собрались хотя бы пять-шесть слушателей. Потом, словно нехотя, «уступает» просьбам любопытствующих, устраивает короткую импровизированную лекцию:

- Вам, должно быть, известна фамилия советского учёного, знаменитого антрополога, археолога и скульптора Герасимова Михаила Михайловича. Теперь он многими забыт, а в середине прошлого века его знал каждый школьник. Михаил Михайлович активно занимался восстановлением внешнего облика ископаемых людей и некоторых известных исторических личностей по их скелетным остаткам. Это, надо сказать, трудная, кропотливая работа, связанная с математическими измерениями и расчётами. Он сумел воссоздать былой внешний облик Ивана Грозного, флотоводца Ушакова, хана Улугбека... Благодаря ему, мы знаем, как выглядел, например, мальчик из эпохи неолита. Сегодня Герасимову было бы намного проще производить необходимые расчёты с помощью современной техники, того же компьютера, но – увы, не дожил.

Вы спросите меня: причём здесь моя покупка? Отвечаю: это же богатейший материал для воссоздания внешнего вида, во всей былой красоте, курицы или петуха! Меня интересуют породы этих птиц. Дело в том, что на кожаном покрове лапок кур имеются неповторимые узоры. Извольте лично взглянуть и убедиться в справедливости моих слов... Видите эти рисочки-насечки? Так вот, их у меня имеется огромная коллекция, собранная за последние пятнадцать лет! Я работаю день и ночь с разными породами куриных лапкок, завезёнными к нам со всех уголков мира. Систематизирую их, строю компьютерные графики, рассматриваю под микроскопом костяное строение и кожный рисунок. Анализирую, строю графики, сравниваю, переношу данные на электронный накопитель. Что же получается? Вы думаете, нас кормит исключительно своя, Нарышкинская птицефабрика? Ошибаетесь, ох, как ошибаетесь! На днях я представлю научной общественности нужные материалы. В них - свидетельство о мировом заговоре против России с целью истребления местных пород, хорошо прижившихся в нашей полосе кур. Многое должно заинтересовать следственные органы и паразитологов. Я имею в виду массовый падеж птицы в последние годы. В моём компьютере заложена доказательная база. Я сделаю сенсацию. Мы ещё посмотрим, кому в этом мире быть, а кому не быть!..

Зиновий Павлович не просто на одном дыхании выкладывает это слушателям, нет, по ходу своей импровизированной лекции он, как и положено солидному учёному, глубокомысленно «экает» и «бэкает», и у присутствующих сомнений не возникает - перед ними знаток своего дела, крупный учёный.

Закончив гневно речь, Зиновий Павлович тут же спохватывается и с авоськой величественно покидает изумлённых слушателей. Дальнейшие вопросы ему ни к чему - достаточно произведённого эффекта. И если бы у него спросили, для чего он так убедительно врёт, не смог бы толком объяснить. Скорее всего, отделался бы шутливым разъяснением: «Удовлетворил общественный запрос!»

Странности на этом не кончаются. Зиновий Павлович от базара идёт к трамвайной остановке, и когда переполненный трамвай распахивает двери, он аккуратно стоит, пропуская выходящих пассажиров. И надо же, женщина средних лет, с тяжёлой сумкой, не удерживается на ступеньке. Зиновий Павлович потянул было руки, чтобы помочь ей, но мгновенно передумал, даже посторонился, чтобы она не зацепила его. Женщина незамедлительно падает на асфальт, тут же поднимается с гневным упрёком в его адрес:

-Тоже мне, мужчина называется! Мог бы поддержать...

Конечно, мог бы. Но у него своя логика:

-Извините, я как-то помог такой же женщине, а она мне: «Ишь, воспользовался, обхватил ручищами, жену свою лапай!..»

Возвращаясь с базара и купив по дороге бутылку дешёвого вина, Зиновий Павлович на лестничной площадке своей квартиры вновь пытается на стене изобразить тень отца Гамлета, но свет падает уже с другой стороны, и он сокрушенно бормочет:

- «Пусто, пусто, батюшка Гамлета! Нечего делать в этом бессердечном мире. Сходил на базар - улетело двести рублей. Как жить? Жди, скоро встретимся...

Мало кто знает, что он вегетарианец, но, опять-таки, странный: мясо не ест от пенсии до пенсии, но в день её получения устраивает себе «разгрузочный день», точнее вечер: покупает килограмм куриных лапок и бутылку красного вина. Отваренные лапки охлаждает. Потом грызёт их, запивая вином. Это он называет «скатиться с горки для очистки». Наутро просыпается с опухшим лицом и спешит к холодильнику, чтобы извлечь пакет холодного кефира. Пьёт его, а спустя некоторое время бежит в туалет.

На этом его «мясоедство» заканчивается до следующей пенсии.

В его двухкомнатной квартире полно книг по радиотехнике и электронике, но он ими не интересуется с тех пор, как завод развалился. К тому времени он уже вышел на пенсию. Как бывший инженер, полгода поработал в образовавшемся акционерном обществе на территории родного завода, но вскоре убедился: никаких новаций у новых хозяев не предвидится, разве что таковыми можно считать всевозможные способы хищения остатков оборудования огромного заводского цеха. Этого он не мог вынести. Ушёл. Старым друзьям так и сказал: «С жуликами мне не по пути!».

Как-то, разговорившись со старым заводчанином, Яшей Марковичем, он понял, что половина знакомых ему евреев давно перебралась на жительство в Израиль. Остальные готовятся туда же, и он советует ему последовать их примеру. Зиновий Павлович, несмотря на то, что после смерти жены остался один, а детей у них не было, решительно отказался:

-Да ни в жизнь! Это же насквозь религиозное государство. Какой из меня иудей?

- Остаток жизни поживешь по-человечески. Мир посмотришь, а не понравится, опять вернёшься, российское гражданство за тобой остаётся. Что тебя здесь удерживает? – удивился Маркович.

- Всё! – резанул Зиновий Павлович - от Брестской земли до Камчатской! Это же мой мир. Я ещё не успел хорошенько посмотреть Урал, почти не был в Сибири – всё больше отдыхал на Кавказе, да в Крыму. В короткие командировки ездил на заводы: то в Казахстан, то в Белоруссию...

- Израиль – наша историческая родина. Не чувствуешь зова крови?

- Не чувствую! – честно признался Зиновий Павлович - Не кочевой я человек – осёдлый. Знаешь, что чувствую?

-Что? – уже вяло поинтересовался Яков.

- Стыд и боль! Какой телеканал ни включу, какую газету ни возьму, - всюду я на переднем плане в компании себе подобных. Всех подмял этот я, - наглый, напористый, будто один знаю, как надо жить. Задаю себе вопрос: почему я самый-самый умный? И отвечаю, даже не задумываясь: у меня в руках все основные финансовые, экономические и политические рычаги, за исключением военных, где традиционно без меня обходятся, но эти ребята смирные, привыкшие слушать старших...

- Что ты этим хочешь сказать?

-То же, что и Эдуард Тополь… Ага, вижу по глазам, ты понял, что он имел в виду! Но это он ко мне обращался, а не к вам. Вы люди честные, неимущие, почти гои-изгои, а я, к загребущим рукам своим, всё прибрал. Мне в России хорошо - я здесь главный!

-Понёс чепуху и бред, словно коммунист ярый. Ты же им никогда не был! И потом, какое нам дело до олигархов с их рычагами власти? Если они ухватились за них, пусть себе управляют, но без нас. Мы не несём ответственности за происходящее в этой стране. Мы хотим жить спокойно, нормально, без политики. Ты всё же подумай о выезде, не лезь в чужие проблемы, решай свои...

Зиновий Павлович пошёл, недоумевая, как это у него с языка слетели слова, которых он ему не собирался произносить? Потом успокоился, говоря себе: «Пусть не зарывается; ещё неизвестно, во что это выльется. Разве я не вижу, как демократическими нитками к русскому туловищу пришивается еврейская голова? Впрочем, голова эта издревле мечтает управлять человечеством... Сколько раз объяснял разным марковичам, что я – Соловьёв - русским себя чувствую и никем иным!»

Раньше таким странным он не был. Судьба Зиновия Павловича резко изменилась, когда он попал под влияние Ларисы из бывшего заводского конструкторского бюро. Она, после смерти его жены, не оставляла Зиновия без внимания. И до дома провожала, и в гости захаживала, поскольку дружна была с покойницей. Лариса – грудастая холостячка с рыжей прической и серыми насмешливыми глазами. В молодости часто ходила в турпоходы, а с распадом СССР стала увлекаться спиритизмом, потом учением старца Иванова. Круглый год - по утрам и вечерам - ходила босиком вокруг бетонных многоэтажек своего микрорайона. Где-нибудь в безлюдном месте останавливалась, вытягивала ладони в сторону солнца и «подкреплялась» его энергией. Летом принимала холодный душ, а зимой купалась в проруби с единоверцами. Энергии накопила - хоть отбавляй, а мужчины, как сговорились, - обходили её стороной, не брали в жёны, хотя внешне она была не хуже других. Что-то настораживало кандидатов в мужья. Возможно, не ощущали в ней спокойного постоянства. В подтверждение этому, например, ей стало тесно в рамках учения бородатого старца. Прослышала как-то от московских подруг, что появился в Красноярском крае некий проповедник с божественным огнём в груди по имени Виссарион. К нему, говорили они, начали стекаться люди со всех концов России - люди духовного поиска для совместной жизни в ладу с природой. Едут к нему – говорили они - целыми семьями разных специальностей: от профессоров с учёными степенями до рядовых школьных учителей и библиотекарей. Даже обеспеченные москвичи вдруг начали продавать своё недвижимое имущество и отправляться в таёжную глухомань. Там они принялись возводить новые жилища, чтобы стать членами общины Церкви Последнего Завета. Не по нраву пришёлся им нынешний торгашеский мир, несущий, по их мнению, гибель человечеству.

Лариса так красочно нарисовала картину новой жизни, что он подумал: «И впрямь, страна движется в пропасть. Любопытно было бы взглянуть на этого спасителя - Виссариона!»

Зиновий Павлович поехал с Ларисой в Москву на встречу с новым мессией. Тот как раз приехал в столицу для очередного разъяснения сути своего учения. Выяснилось вскоре, что к нему трудно попасть, надо ждать очереди. Наконец, дождались, встретились.

Это было самое скверное время в жизни страны. Москвичи тогда едва очухались от порохового дыма танков, бивших по парламенту. Недоумённое, и что-то затаённо-отчуждённое читалось на их лицах; редко-редко проступало самодовольство. Москва как никогда выглядела замусоренной, неприветливой, чужой.

Встреча с Виссарионом прошла на окраине, в обыкновенной двухкомнатной квартире многоэтажного дома. Когда они вошли и поздоровались, то почуяли в его больших глазах лучевое тепло доброжелательности. Он усадил их за стол, зажёг свечу, заговорил первым:

- Я знаю, что вы пришли ко мне со своими сомнениями. Даже за это вас люблю. Я дам вам Путь, а всё остальное зависит от вас. Если пойдёте по нему с умом, то упрётесь во Тьму, а если будете руководствоваться сердцем, то оно приведёт к Свету и рассеются все ваши сомнения. Вы познаете Сущее, что составляет тайное и явное, видимое и невидимое. Мирской глаз сегодня помутнён соблазнами: пустыми речами и заманчивыми вещами... Надо уходить из лукавого мира. Надо строить новый Иерусалим по велению сердца. Я выбрал для этого место в Сибири, в районе озера Тиберкуль и горы Сухой. Каждый день к нам прибывают люди. Молятся и строятся, помогают друг другу жить. Знаю: будут уезжать обратно люди слабые духом, не выдержав испытание трудами. Я их не осуждаю. Такое случается с человеком, взвалившим на плечи ношу не по силам. Не думайте, что Путь лёгкий. Нет, нет, уверяю вас в обратном, и говорю: подумайте трижды, прежде чем сделаете

окончательный выбор. Спросите себя, можете ли отказаться от прежней жизни?

А теперь, расскажите о себе...

Лариса тогда ушла от проповедника восхищённой, да и Зиновий Павлович почувствовал в душе радостный прилив необъяснимых сил. Вокруг суетилась холодная многомиллионная голодная Москва, затеявшая масштабный хаос и безжалостно ввергнувшая в него необъятную страну.

Они возвратились в Орёл сторонниками Виссариона. Всю зиму готовились к переезду, наконец, продали свои квартиры и уехали в Красноярский край, в неизвестную им деревню Журавлёво.

Старанием Ларисы быстро купили за небольшую цену ещё крепкий деревянный дом с мышиными окнами. Зиновий Павлович перегородил его пополам, сделав два отдельных входа – для себя и для Ларисы. Чувствовалось, что она этого не хотела, но Зиновий Павлович, не испытывавший к ней мужской тяги, предпочёл спокойное одиночество. Его римский нос смотрел влево, когда она стояла справа, и наоборот. Он давно считался стойким однолюбом, а после смерти жены и вовсе стал походить на грустного лебедя, потерявшего лебёдушку. Лишь огород при доме сделался общим местом их труда, и они с удовольствием принялись возделывать его, чтобы обеспечить себя на предстоящую зиму продуктами. Лето выдалось тёплым и дождливым. До поздней осени ягоды, грибы манили их за околицей. Мёд и молоко в райцентре стоили намного дешевле, чем в Орле, а вот устроиться на работу было почти невозможно - деревни заполнились сторонниками Виссариона. Людей с разными специальностями хватало: и столяров с плотниками, и электриков со слесарями. Искали себе место компьютерщики, врачи, учителя, артисты и музыканты. Безработные виссарионовцы в основном трудились на своих земельных участках так же, как и они.

Неугомонная, вездесущая Лариса быстро перезнакомилась со всеми соседями. От неё он узнал, что Виссариона местные знают, как Торопа Сергея Анатольевича. Ранее он работал участковым инспектором милиции. Получил среднее образование, женат, имеет четырёх детей. Ему 33 или 34 года. Местные относятся к нему по-разному: пожилые люди не одобряют его кипучую проповедническую деятельность, из-за которой, считают они, «всё вокруг истоптано, житья не стало». Молодые посмеиваются: «Нам всё равно, Христос он или нет, для житья у нас мест на всех хватит». Сторонников мессии среди местных жителей, по словам Ларисы, мало.

Зиновий Павлович одобрительно кивал:

- Всё правильно, как говорится, нет праведника в своём Отечестве. Пора нам, Лариса, в Черемшанках побывать, начинать приобщаться к общему делу...

Поехали, нашли знакомых москвичек с мужьями и детьми. Те переехали раньше их и уже начали возводить большой дом из кирпича с хозяйственными постройками и гаражом. Привезли с собой пианино, телевизор, магнитофон и книги - на целую библиотеку. Москвичи, и их соседи, были полны планов по созданию школы, аптеки, медпункта, независимых от местных властей. Лариса даже позавидовала, что поспешила с жильём в Журавлёве. Черемшанки являлись образцом поселения с новой коллективностью и новой религиозностью. Село считалось центром притяжения новых поселений.

Вскоре, наладив свой быт, Лариса и Зиновий Павлович стали принимать участие во всех мероприятиях Церкви Последнего Завета. Устав её мало чем стеснял верующих. Поощрялся труд на общественных полях, пастбищах и огородах, велись работы по облагораживанию территории поселений, созданию лесопарка и питомника редких растений. Подумывали о создании своего кирпичного заводика, столярного цеха и мастерских. Начали выпускаться газеты: «Путь Любви» и «Земля обетованная». Несколько раз Зиновий Павлович ездил с активистами общины в райцентр, чтобы решить вопрос по аренде земли в районе озера Тиберкуль, и для получения лицензий на ведение строительных работ.

Много поселенческих сил уходило на выкорчевывание деревьев на склоне горы Сухой, а запас общинных денег с каждым днём таял. Приходилось искать спонсоров и ожидать гуманитарной помощи. Надеялись на Виссариона. Он часто выезжал в зарубежные поездки, и кое-какая помощь оттуда приходила, но всё равно средств не хватало, даже, несмотря на то, что его финансово поддерживали такие известные люди в Москве, как внучка академика Карпинского - Мария Карпинская, и известный музыкант из «Ласкового мая» Вадим Редькин.

Постепенно Зиновий Павлович стал принимать участие в общих «Священных кругах». Обычно верующие, взявшись за руки, ходили вокруг зажженной свечи, молились и пели песни. При этом царила непринуждённая доброжелательная обстановка. Женщины надевали длинные юбки и сарафаны, а мужчины облачались в хитоны. Он и у себя дома ставил на стол свечи от всяких тёмных энергий, а перед едой читал «Отче наш». Вечерами раздумывал над содержанием Библии, но чаще с головой уходил в романы светского содержания, тем более что поселенцы привезли с собой предостаточно книг и охотно ими делились. Так неожиданно открылся ему мир художественной литературы. Сам удивлялся: «Надо же, - раньше голова моя занималась только электроникой, - сколько же потерял!»

Лариса близко сошлась с врачами-поселенцами, часто отсутствовала - ездила с ними по деревням, помогать лечить больных детей, или же принимать роды. Кажется, она нашла применение своей кипучей энергии и не замечала, что всё больше и больше приезжие люди нищали, некоторые начали подумывать о возвращении в срединную Россию. Прав был отец Виссарион, Путь к Свету не всем под силу.

Зимнее время общинники использовали по своему усмотрению. Моления и проповеди о близкой кончине заблудшего мира не шли в противоречие с нескончаемыми бракосочетаниями, поскольку прелюбодеяния осуждались среди семейных людей, а свободные – искали друг друга. Были и те, что тянулись к творчеству. Тут и у Зиновия Павловича на полную мощь открылся актёрский дар, чему способствовала новая обстановка. Он всю зиму охотно участвовал в самодеятельном театре, в котором ставились постановки по древним трагедиям. На Шекспире, например, словно помешались, - на меньшее действо режиссер-питерец Глоткин не соглашался. Зиновий Павлович с интересом слушал рекомендации и замечания этого профессионального мастера, отдавая всего себя общему делу. Вскоре его стали хвалить за творческий рост. Играя, даже третьестепенные роли, он добивался неповторимой яркости и запоминаемости.

- Зиновий, ты – гений! – кричал восторженный Глоткин. – Как тебе это удаётся? Ай да молодец! Погоди, я свезу тебя в Питер, мы потрясём просвещённую публику игрой! Пусть знают: мы раскованы, как лошади, отработавшие срок!

Лариса, присутствовавшая при этом, заметила:

- Ничего удивительного, это у него от предков. Господь заложил в избранный народ гены гениальности, причём, в каждого его представителя. Правда, у многих эти гены закончились с возникновением Нового Завета, но не у всех. У Зиновия Павловича проявилась Божья Благодать именно здесь, на святой земле отца Виссариона. Дождёмся и мы своего часа…

Ближе к весне Глоткин тайно запил, подолгу отлёживался в постели и театральные постановки прекратились. Как-то Зиновий Павлович зашёл его проведать и застал режиссёра в кальсонах, заправленных в валенки. На плечах мастера свешивалось до пола шерстяное одеяло, а на голой шее висел красный галстук. Глоткин что-то репетировал, держа в руке гранёный стакан. При появлении гостя переложил его в левую руку и протянул ему для приветствия - правую. Видно было, что он находился в крепком подпитии. Не извиняясь за свой вид, кинулся искать второй стакан, но Зиновий Павлович наотрез отказался от угощения:

- Понимаешь, Левон (так звали Глоткина)

раньше я работал на заводе, где спирта было – залейся. Тайком выносили в карманных фляжках и пили за проходной, а чаще – перед тем, как её пройти. Я в своё время выпил, считай, цистерну дармового спирта и больше не хочу - печень не позволяет.

- Твоё, брат, дело, а у меня - тоска лютая. Да разве я пью? Идёт очистка организма от гадости жизни. У меня скверны внутри – что твоя цистерна! Пью и оздоровляюсь в рассуждениях! Так вот, я всё больше и больше убеждаюсь: жизнь наша – театр, а постановщик – Создатель. Да, да - гениальнейший! На планете, под названием Земля, идёт игра по неизвестному нам сценарию. Господь дал нам свободу выбора, то есть свободу делать телодвижения – не более того, а сюжетная линия вне нашего ума. Она лишь ощущается нами в виде общих грёз о воли. Но! – Глоткин поднял вверх палец для особого внимания – всюду натыкаешься на запреты...

-Живи в тайге, – отреагировал на это Зиновий Павлович, - кто не даёт? Найдётся уголок для любого желающего, да и отец Виссарион благословит. Что, слабо?

-Не в этом дело! – Глоткин резко развернулся на 360 градусов так, что подлетело одеяло, обнажив волосатые плечи - Нетворческие люди для меня – тайга, а таковых всё больше сюда прибывает, хотя сам отец Виссарион – человек созидательный, но, чем дальше от него, тем гуще людская тайга. Им дела нет до Шекспира! Они и своей-то трагедии не замечают, не растут духом, и заметь: ни религиозным, ни светским! Погоди, Зиновий, не возражай, я здесь, в отличие от тебя, уже три года проживаю, насмотрелся на приезжий народ. Зачем сюда приехали, если не духовно переродиться?

- Подожди, великая литература тоже игра?

- Да, друг мой, игра! Игра воображения художника! Нередко на грани шизофрении. Ты же сам чувствуешь как актёр, в какие бездны нас порой заносит! Нормальному человеку там делать нечего, а слушать ненормального ему интересно – дух захватывает. Человеку кажется: бездна превращается в горные вершины. Вот и весь фокус. Без воображения пишутся газетные очерки, репортажи и прочая бытовщина, облечённая в ту или иную форму на потребу дня. Но! – Глоткин вновь поднял указательный палец. – Игра-то игра, но до определённых пределов. Ну, удивил тебя писатель текстом, развлёк-отвлёк от насущного, а дальше что? Читатель стал духовно богаче? Увы, друг мой, не стал. Ни игровой образ, ни язык художника не заставят его приблизиться к тайне божественного сценария. Создателя не устраивает земной театр абсурда, а мы этого не понимаем в своих телодвижениях. Вот почему настоящий писатель отходит со временем от понимания литературы как простой игры воображения и направляет свой дар на глубокое осознание окружающего его абсурда. Он начинает рисовать нас такими, какими ему кажемся. Здесь важно всё: подход, отстранённость пера, глаз, дыхание, стиль, манера. И всё это заключено в языке! Писатель должен тронуть человеческую душу! Подвести к зеркалу, ткнуть носом: смотри, любуйся на себя! Хорош? Сорок образов создал, и все это – ты!

Сегодня литература заглядывает в виртуальный мир, уходит от одного абсурда в другой абсурд - постмодернизм, ещё более чуждый человеку.

- Отец Виссарион говорит, что без любви к человеку ничего не создаётся.

- Он прав. Всякая игра воображения возникает из сочувствия к ближнему. Только этот ближний удаляется от меня в свою душевную тайгу. Как тут не запьёшь?

- Роптать начинаешь? - поинтересовался Зиновий Павлович – «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться? »

- Ладно, устыдил! – признался Глоткин, поправляя на плечах одеяло. – Дай дочищу свой организм, потом покаюсь, а через недельку-другую начнём опять телодвижения. Хочешь, сейчас изображу императора Тиберия, его речь в Сенате?..

Зиновий Павлович посмотрел-посмотрел на «Тиберия» и поспешил распрощаться. Он уже начал ощущать в душе опустошённость, гнетущую тоску о чём-то несбывшем-

ся, не находил себе места. Часто снилась жена, оставленная в Орле на Наугорском кладбище. «Куда ты делся?» - спрашивала она, одетая в белое венчальное платье. Вспомнилось ему, как она уходила, таяла на глазах, а он в отчаянии от бессилия кричал ей: «Знай, если помрёшь, я тебя откопаю и уши надеру за такой поступок!» Она слабо улыбалась, говоря шепотом: «Успокойся, Зиновик, успокойся, я обязательно встану, мне уже легче...»

Почему во снах она спрашивает: «Куда я делся?» - думал он – и просыпался с колотящимся сердцем в груди, долго раздумывая, как сюда попал и что приобрёл? И отвечал себе: «Ничего, ничего. Нашёл свободу и нищету, но это же везде - во всей России. Да, здесь проще и тише, но это обманная тишина. Расслоение на бедных и богатых и тут происходит. Взять того же отца Виссариона. Он не знает никакой нужды, живёт в полном достатке у всех на виду. Не замечает, что люди давно мыкаются, мечтают уехать, но нет денег на обратный проезд и найти их не предвидится. Кто им поможет, когда многие сами еле сводят концы с концами? Странно, что Лариса не чувствует этого. Она, как заводная, вращается с утра до вечера среди поселенцев, и везде - своя. Начнёт рассказывать, – всё у неё хорошо - глаза горят от восхищения, а в действительности - повседневность серая, мелочная. Забота и суета. Вот, у Шекспира – возвышенность! Трагедии, потрясающие небеса... А мы здесь кто? - сбежавшие от проблем жалкие души, бросившие всё на свете. Разве кучками спасаются?»

По ночам вздыхал: «Не нужно мне личного спасения, зная, что миллиарды людей от грехов своих погибнут. Не будет душа ощущать счастья при таком раскладе, иначе она не должна называться душой»!

Сибирская весна заторопила Зиновия Павловича в обратную дорогу. Сцепились гены кочевые с оседлыми, и победили последние. Продал свою половину жилья, возвратился на родину. Хорошо, что при отъезде часть денег положил на сберкнижку, их едва хватило на покупку ветхой «хрущёвки» на окраине города. Успел-таки перед дефолтом зацепиться. Даже не ворчал, что «сибирская эпопея» стоила ему большой двухкомнатной квартиры в центре города. Он был рад площадям и улицам, знакомым с детства, даже хмурым лицам озабоченных горожан. Всё вокруг дышало родным, несмотря на продолжающуюся эгоизацию жизни. Он и вегетарианцем сделался от нужды. Иногда украдкой заглядывал в мусорные баки в поисках куска хлеба, но чаще собирал пустые бутылки, чтобы хоть как-то утолить чувство голода при полном безденежье, считая дни до получения жалкой пенсии. Таких трудных времён ему не приходилось испытывать даже в Журавлёво, где всё же была какая-никакая взаимовыручка, да и Лариса не оставляла его без поддержки.

Как же она глядела на него, когда сообщил ей о возвращении! Как на отступника, как на предателя веры. И без того рыжая, она превратилась в горящее медное солнце возмущения. Словно не Лариса смотрела на него, а нечто гневное, вневременное и бесполое. Правда, потом отошла, смягчилась, помогла подготовиться к отъезду, напоследок откровенно вздохнула:

-Эх, Палыч, Палыч! - сдвинулся ты мозгами на репетициях у Глоткина, увлёк он тебя в бесовские игрища. Ты хоть в Орле не бери в голову лишнего, не переигрывай себя. Жаль, что уезжаешь, я так на тебя надеялась!..

Зиновий Павлович не ощущал, сдвинулись или не сдвинулись у него мозги, но некоторые странности за собой подмечал, считая их возрастными. Иногда, шагая по улице, внутренне спорил с руководителем страны, сам не замечая, как при этом останавливался и громко возмущался:

-Шёл бы ты к чертям, бревно толсторожее! Обещал народу одно - делаешь другое...

Случайные прохожие сразу догадывались, о ком идёт речь, охотно соглашались с его посыльными восклицаниями, делились накипевшей болью:

- Верно говоришь, этот жулик обобрал нас

до нитки, и теперь все перевёртыши называют себя господами. Откуда взялись? Сталина на них нет!..

Хоть импровизированный митинг открывай, но Зиновий Павлович смущался этими, случайно вырвавшимися словами, и, не желая ожесточать людские сердца, шёл дальше по своим делам: обходил подъезды домов, подбирая бутылки и художественную литературу. К этому времени пошла дурная мода – выставлять книги около мусорных контейнеров, причём стопками и в хорошем состоянии, словно говоря этим: «Нам они теперь не к чему». Некоторые жильцы выбрасывали старые телевизоры, холодильники, мебель... Зиновий Павлович, подбирая книги, за короткий срок создал из них приличную домашнюю библиотеку. Прибавились дела поважнее: после того, как осквернители могил прошлись по Наугорскому кладбищу и, в числе других надгробий, завалили набок надгробие его жены. Нужны были цемент, песок, транспорт. Главное - нужны были деньги.

Неожиданно из затруднения нашёлся выход.

Как-то у подъезда своего дома встретилась Скоролётка – бойкая сухенькая старушонка из соседнего подъезда. Она знала всех жильцов в округе. Не баба, а сорока-трещотка. Не захочешь, - разговорит. Мимо не пройдёшь, - обязательно зацепит вопросом. Вот и сейчас подлетела, затараторила:

- Миленький, голубчик, Зиновий Палыч, будь ласка, зайди ко мне, телевизир спортился – тоска без него. Стукну по ему – картинка идёт, а звук не даёт, проклятый, руки оббила, сколько можно?

- Мастера вызывай! – посоветовал он.

- Милый, какие мастера? Откуда? Кончились они! Пошла в ателье, у меня спрашивают: «Какая марка?» Отвечаю: черно-белый «Рекорд», вот - паспорт на него сохранила. Смеются, окаянные: «Выкинь его на свалку, мы такие не ремонтируем, купи себе, бабка, японскую «Соню», только такие обслуживаем!»

- Правильно тебе объяснили! – буркнул Зиновий Павлович – я что, мастер?

- Э-э-э, не беднись, инженер всё же заводской, приборы собирал, похлеще телевизира, а тут, делов-то - на пять минут. Чего тебе стоит поковыряться, может, проводок какой отскочил, бес его знает. Я ж говорю: стукну по ему – картинка идёт, но молчит, паразит, как глухонемой.

- У меня ничего нет: ни паяльника, ни отвёрток, ни запчастей. Я давно этим не занимаюсь, отошёл от техники, понимаешь?

- Голубчик мой, да я всё понимаю, но ты уважь бабку вниманием, а не выйдет, мучиться что ль? В любом случае труд оплачу. Как без энтого? Пойдём, живу одна. Мне помочь некому, зятья ноги не кажут, дочка бессердечная, забыла мать…Отвёртки, запчасти мы найдём где-нибудь, мир не без добрых людей…

Так, сыпля словами, Скоролётка юркой галкой склевала упирающегося Зиновия Павловича. Оглянуться не успел – усадила перед телевизором, только и смог заметить на кухне самогонный аппарат, прикрытый от посторонних глаз простынёю, да уловил стойкий бродильный запах. Сразу мелькнула мысль: «Привыкла к бражному чаду, думает, если форточку открыла - свежий ветер его выветрит. Ну и ну! Сама, словно ведьма, с помелом во дворе гоняет с лавочек пьяниц, и их же спаивает!»

Пока Скоролётка ходила к соседям за отвёрткой, он заглянул под стол и обнаружил там двухведёрную флягу с брагой. Не долго думая, нашёл на кухонной полке пачку соли. Взял да и всыпал во флягу полпачки. По опыту знал, процесс брожения должен прекратиться.

По-мальчишески весело шмыгнул носом и стал дожидаться прихода хозяйки.

Отчего звук пропал в телике, понял сразу после первых её слов ещё у подъезда. Теперь, для вида повозился полчаса с отвёрткой, потом, устранив неполадок, поинтересовался:

- Егоровна, у тебя кошка сидит на телевизоре?

- Сидит, это же её любимое место, когда я смотрю сериялы.

- Вот что, сгоняй её. Она хвостом разомкнула цепь, и звук исчез!

- Зацепила, поди, хвостом-то?

- Совсем не то. На хвосте у неё отрицательный заряд. Стекает вниз и – бзык – замыкание!

- Ох, ох! – заохала Скоролётка – да кабы я знала, что отрицательный!.. Она ж ко мне так и ластится, так и ластится, а я её сдуру глажу.

- Гладь по спине, а хвоста опасайся!

Чушь конечно, но Зиновий Павлович не удержался от соблазна хоть этим подурачить соседку за свой нежелательный привод.

С этой поры зачастили к нему жители ближайших домов с подобными просьбами, по-видимому, Скоролётка постаралась. Кому отказал, а кому и помог с ремонтом принесённой аппаратуры, потому как слёзно просили: «Христа ради» - отказать невозможно. Постепенно втянулся в работу по выполнению заказов. Пошли дни трудовые. Невольно образовалось неофициальное малое предприятие. Деньги появились, правда, небольшие, но они помогли восстановить надгробие жены. Любимое занятие - чтение книг пришлось отложить до лучших времён, а тут, как раз кто-то из соседей, которым надоели ошибочные звонки, крупно вывел краской на бетонной стене дома: «РЕМОНТ АППАРАТУРЫ, 3 ЭТАЖ, 13 КВ». У другого мастера после такой рекламы дела пошли бы в гору. У Зиновия Павловича, наоборот, – с горы. Не прошло и полгода, как явился к нему участковый, пузатый старлей Жихарев. Впустил, думая, что и ему потребовалось что-то отремонтировать, но участковый повёл речь совсем о другом:

- Гражданин мастер, я понимаю, что сейчас трудные времена и каждый человек, так сказать, ради куска хлеба выживает, – начал он втолковывать ему – но, насколько я знаю, вы нигде не оформляли право на оказание населению бытовых услуг по ремонту. Так ведь?

- Так! – согласился Зиновий Павлович – И что из этого выходит? Я должен людям отказывать в помощи?

- Послушайте, - вспылил Жихарев, надвигаясь на него животом - у меня дел невпроворот, времени нет на пустые разговоры. Умный же вы человек, должны понимать, что можно, а чего – нельзя. Нельзя о своих незаконных услугах писать на стене дома! Нельзя работать, как вздумается. Короче, рекламу закрасить, а самому – оформить документы на предпринимательство в установленном порядке. Всё! Считайте, что я вас предупредил, и даже протокол о нарушении не составил, понимая незлостность обстоятельства на моём участке.

Ушёл быстрее, чем появился, а Зиновий Павлович, почесывая затылок, стал раздумывать над сказанным: «стена дома», «реклама»... Что бы это значило? Вышел во двор, огляделся. Бросилась в глаза крупная надпись на стене. Вспыхнул гневный, недоумённый вопрос: «Кто подложил свинью?» Потом решил: «Скоролётка! Баба языкастая, ну, погоди!»

Ночью подошёл к её подъезду дома и высоко вывел броскую надпись куском мела: «САМОГОН, КРУГЛОСУТОЧНО, КВ. 70». Пошёл, удовлетворённо потирая руки.

Через несколько дней Скоролётка, не сумев выгнать из прокисшей браги самогонку, заняла на кухне привычное место у окна. Она сидела грустная, переживая фляжный убыток. Но и с прибытком она могла, как добровольный страж, часами наблюдать за каждым движением во дворе. Случалось, пулей вылетала во двор, заметив какой-либо непорядок. В полдень в сектор её обзора попался «Москвич» её этажного соседа - Яшки Егорушкина, торгующего на вещевом рынке рыболовными принадлежностями. Он заехал двумя колёсами на чахлую газонную травку. Скоролётка, – тут как тут - выскочила, заполыхала гневом:

- А ну, отгоняй свою вонючку, ставь на привычное место! Чего глазами семафоришь? От ваших машин уже дышать нечем, ребятишкам негде поиграть!..

- Марь Андреевна, ты кто, ГАИ? – ехидно поинтересовался молодой шустряк Егорушкин, играя глазами. Они у него разноцветные: один – карий, другой – изумрудный.

Скоролётка разъярилась ещё сильнее:

- Лезь в машину, не рассуждай, отъезжай, ты меня знаешь!..

Знает, потому и бросает напоследок: «Иди ты!..» Однако опасаясь сказать, куда именно. Не хочет связываться со зловредной соседкой. Егорушкин послушно ставит «Москвича» на привычное место у мусорного контейнера в конце двора. «Чёртова Скоролётка, - ворчит он, - у меня задняя передача заедает, как теперь назад буду сдавать? Надо же, - подлетела!»

Поставив автомобиль и проходя мимо Скоролётки, посоветовал в сердцах:

- Вышивкой занялась бы, как другие пенсионерки, чем пялиться из окна!

- Нашёл вышивальщицу! С моими-то глазами? Мне надо полдня целиться ниткой в иголку...

- Понятно с глазами! – бросает Егор – Тогда я прочитаю тебе, что над дверями написано: «Самогон, круглосуточно, квартира 70». Раньше никак не мог понять, откуда бражный запах? Теперь – знаю!»

И захлопнул дверь подъезда, ухмыляясь, оставив во дворе остолбеневшую соседку. Не скоро пришла в себя Скоролётка. Потом всё же подошла, вглядываясь в меловые буквы. «Это что же, подкоп? – недоумевает она. Кому дорогу перешла? Вроде бы никому. Правда, рано утром прибегал с просьбой дать в долг бутылку алкаш Колька по прозвищу Конь. Трясся, умолял, но получил отказ. Забыл правило: «Без денег – нет опохмела». Стоит один раз дать в долг – покоя не дадут: «Дай, дай, дай!» Конь тогда обматерил её и ушёл. Неужто его работа? Нет, эта трясучая сопля так высоко не дотянется. Разве что Валентин из барака? Он - жердёвый, руки до плеч исколоты рисунками: русалками, змеями, кинжалами. Но Валентин, говорят, бросил пить, за ум взялся – рубщиком туш устроился на базаре. Зачем ему мелом баловаться. Тогда кто?»

Гадала она, гадала, ни к чему не пришла. Принесла табуретку, полезла надпись смахивать тряпкой. Потянулась на цыпочках - высоко написано, не достать. Тянулась, тянулась и загремела с табуретки на цементную площадку. Лежит, охает, слезами заливается, силится подняться, да не может - ногу вывихнула. Егорушкин услышал, помог подняться, да ещё надпись стёр по её просьбе.

На другой день увидел Зиновий Павлович с палкой хромающую Скоролётку, поинтересовался причиной недуга. Та и рассказала о падении с табуретки, не вдаваясь в подробности. Не этого он ждал от неё, сурово заметил:

- Искать надо причину в себе, а не в табуретке. И потом, все мы – грешники... Кстати, знаешь ли, что такое грех?

- Чего проще, это когда против Бога идём!

- Так-то оно так, да не совсем. Против Бога, Мария Андреевна, идти бесполезно. Ему навредить никто ничем не может. Грех – это рана, которую человек наносит сам себе, когда нарушает божьи заповеди. Господь их установил для пользы самого же человека. Исполняй их и будешь нормальным, а выйдешь за пределы – тебе же хуже, сам себя ранишь. Например, ты захромала, а это сигнал о том, что в твоей жизни произошло какое-то отклонение от нормы. Ищи причину в себе, а на табуретку не ссылайся!

- Зиновий Павлович, ты часом, не от гостей идёшь? Что-то я не пойму тебя, словно ты с Луны свалился, мил-человек! Мы ж на Земле живём. Здесь шагу ступить без греха нельзя, ноги протянуть можно безгрешному... Не ожидала от тебя такой укоризны. Иль думаешь, что я тёмная, неучёная, церковь не понимаю? Сам-то ты, как насчёт греха, святой ли? Извини, конечно...

- Не поняла ты меня, это правда. Я, может, в сто раз грешнее тебя, но всегда ищу причину греха в себе, чтобы покаяться и не повторять его. Чуешь разницу? Ищу в себе, а не в других. Так оно как-то лучше. Иногда забываю, перекладываю вину на окружающих, например на тебя, но спохватываюсь и

копаюсь в себе. И потом, мы с тобой почти ровесники, много чего повидали на белом свете и можем говорить друг другу нечто для взаимной пользы. Не согласна?

- С этой стороны согласие имею, – важно заметила Скоролётка, – но убытки слишком большие, чтобы польза их возместила. Не знаешь порой, где взять доходов. За всё приходится платить. Мы к этому не приучены, раньше жили в достатке. Какого рожна нам не хватало? Только теперь стала понимать, чего лишились простые люди. Забили нам голову свободой, а её как не было тогда, так и нет теперь. Ждали, что будет жизня наша более справедливая, а вышло что? Раньше хотя бы про труд говорили, а нынешняя власть – молчит или сплошь брешет. Вспомни, они перво-наперво рай для себя начала строить. Нет бы, с заботы о детях начать, – куда там, им собственные коттеджи важнее. Как же я, мил-человек, в себе должна копаться, грехи свои выискивать, когда богатеи только и ждут, чтобы им не мешали. Кто ж их усовестит?

Зиновий Павлович пожал плечами:

- Бессовестных разве усовестишь? Это Господу под силу, а нам мучение дано для размышления, мы должны искать сообща пути праведные. С тобой я и то понимания не нахожу, а как найти его с властями? Время требуется...

- Нету у нас с тобой времечка, мил-человек - было и вышло. Молодых теперь отучили думать, они пиву сосут, дымят, сквернословят, безобразничают от безделья. На них-то какая надежда? Не скоро созреют, да и не увидим плодов. Я, видишь, ковыляю пока, а дальше на какие шиши жить? Дочка с зятем ноги не кажут – некогда им. Одна, да одна...

Зиновий Павлович хотел было ей о вреде самогоноварения наставление сделать, но передумал, чувствуя свою причастность к её хромоте. Чёрт его надоумил взяться за мел, да ещё о грехе толковать... Теперь он испытывал к Скоролётке искреннюю жалость. Поехал в магазин покупать ей костыль.

*

В это время Лариса приехала в Орёл из Москвы. Ей предстояла поездка в столицу, а потом – в Европу, по делам отца Виссариона. Захотелось в родном городе знакомых повидать, главным образом Зиновия Павловича, но никак не могла разузнать его новый адрес. Бывшие коллеги и знакомые не могли ей в этом помочь – не знали, где он проживает, лишь успели выложить кучу городских новостей, не имеющих к Соловьёву никакого отношения, а в городском адресном бюро он всё ещё значился выписанным. Полтора года прошло – ни одного письма от него, жив ли, нет ли? Она уже подумывала, не поехать ли на вокзал, как вдруг на площадке перед магазином на Приборостроительной улице увидела драку и из любопытства решила подойти поближе.

Тут надо сделать пояснение, поскольку участником драки невольно стал Зиновий Павлович. Купленный им костыль, как мы знаем, предназначался в качестве третьей опоры для Скоролётки. С этим костылём он встал в очередь, образовавшуюся за дешёвыми мясными рёбрышками, привезёнными к магазину на автомашине. С неё шла бойкая торговля. Говяжьи косточки охотно брал пожилой народ, в основном, женский. Зиновий Павлович, стоя в очереди, обратил внимание на двух парней нахального вида, шныряющих туда-сюда, выясняя, за кем они ранее стояли. При этом теснили покупателей, заглядывая в лица. Зиновий Павлович не выдержал:

- Молодые люди, вас здесь не было. Вы сошли с троллейбуса и сразу же пошли в пивной ларёк. Я видел, как подъехала машина, как образовалась очередь, подошёл, а потом из пивной вышли вы!

- Тебя не спрашивают, – рыкнул один из них – стой и молчи, без тебя разберёмся!..

Грубо сказал, но Зиновий Павлович промолчал, может, и впрямь обидел своим замечанием. Спешить ему некуда, рёбрышек на всех хватит, но тут он заметил, как рука второго парня юркнула в карман пиджака

пожилой женщины в брюках. Он тут же ловко зажал руку карманника с возгласом:

- Ах ты, гад!.. Вот, значит, чем занимаешься? Зовите люди милицию, вора держу!..

Обернулась очередь, распалась, заохала женщина в брюках, чуть не ставшая добычей карманника, посыпались гневные крики:

- Выпустили ворюг из тюрем на наши головы! Мерзавцы! Нашли, кого грабить среди белого дня! Как вас земля терпит?! Мужчина, держите его крепче, мы сейчас в милицию позвоним...

Приятель карманника сразу же бросился на Зиновия Павловича с кулаками, но мгновенно получив от него костылём по голове и отскочив, вновь ринулся в атаку. От пивной уже торопились на помощь карманникам их собутыльники - ещё двое зрелых мужиков. Зиновий Павлович понял, что вора ему не удержать, отпустил руку карманника, приготовился к бою – один против четырёх. Тут же завязалась яростная схватка... Но не так просто нанести урон Зиновию Павловичу с его-то богатырским ростом, да ещё с костылём в руке. У него в голове даже мысль сверкнула: «Крепкие делают костыли отечественные фирмы! Куда как прочнее иностранных...» Словно знал те и другие...

Ничего не смогли поделать с пенсионером – так разошёлся Зиновий Павлович, что разогнал их по подворотням. Вот такого его – разгорячённого, разгневанного – приняла в свои объятия случайно оказавшаяся здесь Лариса.

Смущенный, он неловко отстранился от неё думая, что это потерпевшая женщина в брюках, но, взглянув, признал: Лариса. Опять щёлкнуло что-то в его голове, забормотал, сделав недоумённое лицо:

- Извините, гражданка, вы ошиблись, я не ваш родственник!..

- Зиновий!.. Что за шутки? И это ты говоришь мне? Здравствуй! Куда же ты уходишь?..

- Здравствуйте! – автоматически произнёс Зиновий Павлович, обращаясь к Ларисе – Вы меня простите, но я стою за рёбрышками...

И направился к женской толпе, почтительно расступившейся перед ним. Послышались искренние голоса: «Хоть один настоящий мужчина нашёлся!», «Молодец, дал им!», «Пусть берёт без очереди!», «Подходите, подходите...»

Женщина в брюках, чуть не ставшая жертвой карманника, всё ходила рядом и повторяла: «Дайте, я за него заплачу! Дайте заплачу...»

Зиновий Павлович ничего не мог поделать, его буквально подвели за руки к белому столику с весами и вручили, не взвешивая, самых лучших мясных косточек, – целый пакет - и дружно выпроводили из очереди, чтобы не дать возможности оплатить покупку.

Лариса всё ещё приходила в себя, стоя поодаль, наблюдая и не понимая происходящего...

Он прошёл мимо неё с гордо поднятой головой, даже не взглянув, держа подмышкой костыль, а в руке - пакет. Она, после раздумий, понуро поплелась за ним до троллейбусной остановки. Вдруг он резко повернулся, радостно воскликнув:

- Ба-а-а! Кого я вижу? Лариса Сергеевна, вы ли это? Каким ветром к нам занесло? Здравствуй, рад тебя видеть, Солоха, в нашем мешке!..

Она бросилась к нему, всхлипывая:

- Не ожидала от тебя бессердечности... Артист паршивый!..

И прижалась рыжими кудрями к его плечу:

- Я тебя ищу, ищу, а ты дурачишься...

- Успокойся, Лора, успокойся! – утешал её Зиновий Павлович. – Так уж и паршивый, Глоткин был другого мнения!

И свободной рукой обнял её за талию.

«ДРУЗЬЯ! ПРЕКРАСЕН ВАШ СОЮЗ!»

Отклик на альбом «На тысячу верст кругом Россия»

У меня на книжной полке на видном месте стоит литературно-художественный альбом «На тысячу верст кругом Россия», изданный в 2011 году в Орле с вступительной статьей известного писателя редактора журнала «Новая книга России» Сергея Котькало. Авторы и составители альбома – известный художник российского масштаба Анатолий Костяников и большой замечательный русский поэт Геннадий Попов. В результате их совместного творческого содружества получился удивительный сплав поэзии и живописи.

На протяжении всего содержания красочно оформленного альбома словно идет соперничество, ведется дружеский спор, что значительнее, выше: перо поэта или кисть живописца? И надо признать – два высокоодаренных человека выступают на равных. Нет у Геннадия Попова усредненных стихотворений, равно как и нет усредненных картин у Анатолия Костяникова. Работа зрелых мастеров изумляет. Каждое слово поэта точно и филигранно выверено, каждый, казалось бы, даже незначительный мазок кисти художника в картине на месте.

Открывают альбом стихотворение «Сугробов стынут вереницы» и картина «Заснеженный дворик».

Сугробов стынут вереницы.
Сверкнет упавшая звезда,
Как будто огненная птица
Сорвется в бездну из гнезда.

В этих строках ощутима зима, ночь, легкий морозец и холодное небо, расшитое звездами. Не знаю как вам, а мне оно напоминает космическую поэзию М.Ю. Лермонтова «И звезда с звездою говорит». И в картине художника до боли родной и близкий пейзаж: дома и сараи с заснеженными крышами.

Новая страница – и снова не стихотворение, а шедевр!

Так незаметно расцвела сирень…
Над миром солнце отмеряет сроки,
И падает сиреневая тень
И ворошит сиреневые строки.

Под стать стихотворению и картина «Сирень цветет». Все в ней озарено сиреневым цветом: палисадник, дом, земля и небо. От сиреневой дали сиренево становится на душе.

Какую бы страницу навскидку ни открыл, тут же возникает завораживающая поэтическая красота.

Вот и снова тепло на исходе:
Лето кончилось, стынут слова.
По осенней непрошеной моде
Серебрится моя голова.

И здесь уже нет сил удержаться, чтобы не процитировать заключительное четверостишие стихотворения поэтического кудесника.

От пожарища красок немею,
Безоглядно в огонь их иду,
На осеннем ветру пламенею
И сгораю у всех на виду.

А рядом соседствует замечательная картина «Листопад». Сельская небольшая скромная церковь с золочеными куполами, их пять, увенчанная крестом звонница, а на переднем плане деревце, охваченное осенним пожаром, у подножия которого золотыми слитками лежит с десяток отпавших от него листьев. Позолочена земля, позолотой наполненный воздух.

Значительное место в альбоме отведено исторической поэме Геннадия Попова «Евпатий Коловрат», в которой с невероятной силой воспето героическое прошлое Рязанского края. И это, конечно, не случайно. Волею судьбы поэт, родившийся в Москве, из-за войны оказался в маленьком провинциальном городке Шилово, Рязанской области. Рязанщину Геннадий Попов, по праву, считает своей малой родиной: там прошли его детство и юность. На рязанских просто-

рах он впитывал все шорохи и запахи полевых раздолий, шум берез и кленов, видел ту же синь небес, которая сосала глаза гениальному поэту Сергею Есенину. И словно из глубин рязанской земли забил поэтический словесный фонтан:

Горела древняя Рязань…
Над павшими кружили птицы.
Костры, тревожные зарницы,
В кострах – святые образа…
Горели хищные глаза
На желтых лицах.
Пылала русская земля,
Шатались крепостные стены,
Под ноги ханские стеля
Плоды раздора и измены.

И здесь же картина Анатолия Костяникова о давних исторических событиях земли русской – «Судбищенская битва». Яркими мазками выписаны лица, одежда и доспехи былинных героев. Во всей красе перед нами предстает героическая Русь.

И хочется воскликнуть вслед А. С. Пушкину: «Друзья! Прекрасен ваш союз!». Прекрасно содружество великолепного поэта и превосходного художника.

Геннадий ПЕТЕЛИН.

Анатолий Костяников и Геннадий Попов.

ТАК ПТИЦЫ БОЖЬИ ПОЮТ…

(Татьяна Грибанова. Лесковка. Деревенские рассказы. Орел. Изд-во «Орлик», 2013 г. - 260 стр. Также в журналах: «Наш современник» (№ 1, 2012; №4, 2013), «Московский вестник» (№ 1, 2011; № 3, 2012), «Подъем» (№ 8, 2011; № 12, 2012; № 7, 2013), «Простор» (№ 3, 8 – 2012) «Родная Ладога» (№ 3, 2013), «Сельская новь (№ 6, 8 – 2013) и многих других)

Литература полна самых разных и противоречивых целеуказаний и знаков судьбы. Для меня ясно одно. К знамениям, посылаемым свыше, стоит прислушиваться. И следовать прекрасному, ужасному ли, но своему - гештальту. Зов свыше не бывает случайным.

Так автор двух книг стихов, с недурными отзывами, Татьяна Грибанова вдруг почти оставляет поэзию, вопреки упрекам и предостережениям друзей, и обращается к «низкому» жанру – прозе, к одной, другой вещице, и вот уже целиком погружается в стихию рассказа, пишет, верно, ночами, напролет, безотрывно и взахлеб…

Что же на выходе?

«На веранде пахло оттопленным вишневым листом. Готовились варить «царское» варенье. Усевшись на маленькую скамеечку, я с утра вычищала шпилькой крыжовник.» («Рой»)

«Окошко растворяется, и рисованные красногрудые петушки на голубых ставнях разлетаются еще дальше в стороны. Из-за тюлевой занавески слышится: «Настёна! Зорьку не прогляди!» И оттуда же:

«Наконец, хозяйки разбирают кормилиц, циркают о подойники вечёришником. Пыль опадает на росные подорожники, деревня угоманивается. Но запах молока, запах разгоряченного стада еще долго плывет по закоулкам.

Бабуля процеживает удой, сдувает пену. Ставит на стол две кружки: перед Настенной красненькую в горошек, а перед Васей – синенькую с золотой пчёлкой.

- Помочники мои безотказные!Пейте на здоровьице. Нынче молочко душицей попахивает. Видать, Петро в Ярочкиной балке пас. Там травки этой видимо-невидимо. От сорока болестей. Пейте, силушки набирайтеся».

Вот такая и проза у Татьяны Грибановой, парная еще, пахнущая молоком.

Травами и туманами. Свежая, душистая.

Вся книга, написанная словно на едином выдохе… Писалось, как выпевалось. Так птицы божьи поют по садам.

Мне бы хотелось обратить внимание именно на эту особенность письма Татьяны Грибановой, его безыскусность. И при безыскусности – безусловную красоту.

То, что кажется простым, вообще с трудом поддается нашей реакции, то есть анализу и толкованию.

Боюсь, что и сейчас не смогу дать скольнибудь вразумительного объяснения феномену языка Татьяны Грибановой. Меж тем как, по моему разумению (вообще и в данном случае, в частности), именно по нему пролегает дискурс, тот срез, через который нам чудится (или, может быть, таков он и есть) феномен Бога и образ целого мира.

Так вот. Автор не ищет слов, они сами его находят. Привычные и обыденные, принятые в быту. Но это устоявшийся быт деревенской жизни. И что же может быть проще, роднее и слаще его? Здесь каждая вещь покоится на своем излюбленном месте, в избе, на подворье (стоит и цветет в поле, прячется, темнеет в лесу). И каждая знакома до боли, на ощупь, до истертости и последней щербинки, вплоть до материала, из коего она изготовлена, вплоть до плотности его и рельефа, таких свойств, как запах, тепло… И соответственно сам народ расстарался для напевного, здесь убойного, там калиброванного, тут объемного, здесь неизъяснимого и полного тайны и прелести поименования и соответствующих единственных на земле, неповторимых определений. Так что слова эти самые округлые, самые красные и ядреные. Так народ определил их и так язык выточил их. И здесь, чтобы красно и внятно говорить о мире, ничего и не нуж-

но, как только называть вещи – своими, данными им от века именами (вот собственно чем и занимается автор настоящей книги), как только владеть данным тебе от природы языком, не предавая его забвению.

Вообще, вся наша жизнь (как она может быть наиболее верно, точно и полно выражена) – в родном для нас словаре. Все бытие.

Оттого оно так полно в книге.

Оттого так тепло и уютно здесь среди этих божниц, махоток, кринок, кубанов, кубарей, липовых прялок, пеньковых вожжей, грушевых трубочек, ореховых костыльков. Это наш русский быт. Это наш русский мир. В нем яблонька – медовая, ландыши в тени дульки (груши) – белоснежные, «вербочка – свечёная», «веснушчатые - зонтики укропа», о дно эмалированной кастрюльки звенит «ядреная рябая фасоль», «сальце – морозовое» (тут и розовость, и мороз), «самосадик с донником», «лето порскает рыжей куропаткой», а «пригорок рыжий от зверобоя», здесь слева «Косёнихин шиповник», справа «кипрейник-погорелец», посередке «зарозовело, вспенилось гречишное поле».

Здесь язык, впитанный с тем же молоком (матери). Только и всего. Нужно было не изменить ему. Здесь жизнь, которая творилась рядом, на удивленных изумленных глазах. Просто. Нужно было не пройти мимо нее. Здесь красота, разлитая в воздухе, нельзя же было не дышать ею. И затем выдыхать из себя. Здесь деревня. Наша. Среднерусская. Какой ее увидела девочка, подросток, далее городская образованная женщина, навещающая в селе каждую неделю любимых, уже предстоящих Богу, родителей (чаша будет испита до дна). Вот она, тайна «безыскусной» (да с дурманом русского языка) прозы. Да русской, как она есть, жизни. Со счастьем ее, и с ее дурманом, и с ее разором. Три поколения много вместили в себя.

Мозаика, составленная из первых проб пера, из миниатюр - зарисовок, заметок, былей, и далее уже из полновесных и полноценных рассказов, по ходу своего развертывания сложилась в целостную картину, в своеобразную повесть, или, если хотите, оду (Виктор Астафьев) русской деревне, - «Июньским вечером», «От рождества до Покрова», «Пчелиный батька»; хотите, небольшую и все-таки энциклопедию (Беловский «Лад») уклада деревенской жизни – «Преданья старины глубокой», «Рой», «Тришка», «Квас»; хотите плач по нашей деревне и русской земле – «Заноза», «На хуторе Дальнем».

Может, это авторская непосредственность, но, скорее, сознательный акт. Как бы то ни было, книга обязана автору сквозными героями, которые, являясь в одном рассказе в качестве главных, в другом выступают в роли второстепенных, вовлекая в свою орбиту новые лица, в третьем на смену им приходят их дети и внуки, и т.д. Так создается набросок своеобразной саги…

На это же работает и единство времени и пространства. Рассказы - из одного, единственного, так сказать, угла России. Если не медвежьего, не разбойничьего, то, определенно, с норовом. Не дремучего, но шибающего русским духом, на крутом замесе. И край не то что бы непролазный, как, скажем, та же Мещера, меж Клязьмою и Москвой, - посветлее (ибо Орловский), но тоже таинственный, и тоже – из самой середки державы, - еще остались, еще не перевелись такие углы, как ни странно, в самом сердце России…

Это где-то за Гнездилово. Между Закамнями и Копытцем. Меж Гнилым Болотом и Болотом Моховым. Через Леший брод, через Савин и Ярочкин лог, вдоль ручья Желтого, через Филькин овраг, вот он уже Игинский пруд да над ним Мишкин бугор с глазастой дозорной избою, откуда, если встать на заре, насквозь просматриваются окрестности. Стоят как на ладони. Так Фолкнер по толике собирал и составлял свою эпическую и грандиозную географию. Так наш автор уже собирает и обустраивает русский мир. Но здесь топонимика – составная часть и продолжение собственно народного словотворчества. Народной приметливости. Как имена давались народом, так отозвались в книге. Каждую точку легко найти и определить на месте, - здесь ничего не придумано, можно сверяться с военными картами. И снова ничего лишнего, нарочитого и литературного. Как оно сложилось, так есть. И опять же и вместе. Так просто.

Но вот, пожалуй, что в этом самое дивное. Поучительное и бесценное. Что отдает сугубо нашим национальным менталитетом, или строем души, нашей склонностью к со-

зерцательности, нашей русской предметной и неизбывной тягою к красоте, обусловленными мессианской жаждой всемирной гармонии и равновесия. Эти пространства, как они даны в книге, они в точности так же обжиты (вообще мужиком и в частности нашим автором), как у иных хозяев подворье. Натоптаны и исхожены. И как в избе каждая вещь, так здесь каждый бугор, каждая яма и даже выемка наперечет. Каждый карасиный пруд. Каждое урочище, каждый лог с зарослями куманики. Каждая дичка, вроде лесковки. Или лещинки. Каждая обласкана взглядом и обихожена. Для иного глаза здесь всякое деревце, что в избе иконка. Это почти избяной быт. Только под небом. Только обширный. Вот так было у наших предков. И даже еще и до сих пор оно может быть так. Здесь, как она была и как есть - наша жизнь. Но не в узких и тяжких поселеньях городских бетонных гробниц. Городской быт –это такое завуалированное и цивилизованное погребение, он как вживе смерть. Книга как дверь – в ясный, в солнечный, в Божий мир. Мы забываем, мы почти забыли эту русскую даль. Эту ширь. Этот воздух. Этот свет (благодатный). С ним и в нем – наше возрождение.

Конечно, все не так, чтобы вовсе уж просто. Тут ведь вот какая закавыка. Только два соображения.

Да, есть такие утилитарные, или высокие вещи, которые и вправду - на подворье, в избе - всегда на виду. Как Божница в Красном углу… Но есть и другие, они лежат до срока в подвалах, в загашниках, по овинам и в омшаниках, и обнаруживают себя только изредка, иные вообще только раз в году, но зато с особой силой и праздничностью - в соответствии с солнечным круговоротом - в сенокос, при заборе меда, во время жатвы и сбора урожая, по престольным праздникам. И вот тут уж вступает в силу категория времени, категория вечности. Она в крови у рассказчика. Это не аллегория (смотрите рассказ «От рождества до Покрова»). Отсюда же (от чувствования, от дыхания вечности) начинается философия и метафизика (Евгений Носов).

И Мишкин бугор с избою в деревушке Игино, от которого в книге все пошло, разбежалось и поехало – это ж не просто бугор, это пуп и центр, это ось, вокруг которой вращается собственная, под синим небом, теперь открывшаяся и нам Вселенная. Книга-то с космическим замахом.

Как бы то ни было, но именно здесь (где все просто) под открытым небом, через книгу для меня яснее открылся категорический императив Канта, философа, воскликнувшего со слезами на глазах: «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением… - звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

И, наконец… Ещё раз…

Отсутствие любой какой-либо «литературности» и искусственности в языке… Вот что, может быть, меня более всего привлекло и поразило в письме Татьяны Грибановой. Этот язык, как дыхание. Он вне литературы и условности. Его невозможно придумать, подделать или повторить. Широкий, вольный и чистый, он идёт откуда-то из родовых глубин самого строя русской души, из самого её певучего, сказочного существа…

Анатолий ЗАГОРОДНИЙ.

«ВЫРАСТАЯ ДО ПРЕЖНЕГО РОСТА»

(о книге Андрея Фролова «Над туманом сад плывёт»)

Стихи – как люди: все разные. И мы к ним относимся по-разному: в какие-то влюбляемся, каким-то симпатизируем, к третьим равнодушны, а к четвёртым настроены критично. Правда, многие из нас сегодня к стихам не относятся никак. А впрочем, это им только кажется – что они не зависят от них. И высказывание «Красота спасёт мир» – не совсем точное. Красота, даже разжигая страсти, давно спасает его. А стихи, вместе с другими видами творчества, вместе с Природой – и есть Красота, которая

Ни границ не знает, ни масштаба.
И в Москве, и где-нибудь в Ельце
Красота – беременная баба
С Божьим откровеньем на лице

К тому же, как говорил Н.А. Некрасов: «В душе каждого человека есть клапан, открывающийся только поэзией». И поэтому невостребованность Поэта и Поэзии в нынешней России удивительна и огорчительна. Такое невнимание обессиливает и делает бескрылыми людей, а, значит, как следствие, – и страну. И это, может быть, пострашнее однобокости нашей экономики и ужасной её зависимости от нефти. Ведь если мы жаждем построить что-то вечное, нужно, по крайней мере, чтобы в основании было вечное. Поэзия – вечна.

Конечно, нельзя не замечать и того, что невостребованность поэзии сегодня идёт рука об руку с писательской лихорадкой: если раньше наша страна была самой читающей, то теперь у нас пишут и млад и стар. Я не говорю, что это плохо. Просто забывать нельзя: не каждый пишущий – поэт; не каждая зарифмованная строфа – стихи; и уж тем более: не каждое стихотворение – поэзия… Вот Андрей Фролов – поэт. Меня в этом легко и спокойно убедил его сборник лирических стихотворений «Над туманом сад плывёт». Эта книга, не располагая к веселью, радует. И, несмотря на сказочность названия, она очень даже земная. Да и тумана в ней нет: всё здесь ясно, как в погожий осенний денёк.

Над туманом сад плывёт:
Вишни, облепиха…
Новый день больших забот
Народился тихо…
Не нагруженный виной,
Еле-еле зримый,
День растёт очередной
И неповторимый.

«Поэзия – это не веер метафор, а глубина и прозрачность». Слова Карена Джангирова, как нельзя лучше, характеризуют поэзию Андрея Фролова. В ней «всё на русском языке», всё ясно. Тем не менее, хотя и всё понятно, стихи Фролова так и тянет перечитать. Ведь он пишет не только о себе, но и о нас.

Страсть уходит. Остаётся
Ровный круг тепла и света.
Будто утреннее солнце
В самой середине лета.
Пониманье с полужеста
Молчаливая порука
И спокойное блаженство
От присутствия друг друга.

Читаешь – и понимаешь: перед нами лирик. Но любой лирик является историком своего времени, своего поколения. И в самом деле – по многим стихам Фролова можно будет в дальнейшем изучать и некоторые страницы нашей истории. И если не сами события, то уж точно – настроение народа и его отношение к этим событиям. Поэзия не врёт – в отличие от многих учебников истории.

Эпоха – где уж бесшабашней!
В такой не всякий ко двору.
Стою насквозь позавчерашний,
На злом сегодняшнем ветру.
Холодный ветер, чёрный, бранный
И… он бессилен. Я держусь
За жизнь одной мыслишкой странной:
А вдруг да завтра пригожусь?

Но книга вышла в одиннадцатом году, то есть – то «завтра» уже и наступило и прошло. И что, поэт, – пригодился? По большому счёту?... Об этом-то и речь…А кто пригодился? Кто востребован?... К тому же сегодня в нас не живёт чувство победителя, которое жило в сердцах не только после победного сорок пятого года, но и после побед в мирное время. Откуда взяться такому чувству, если нет общезначимых побед? И этим, а не только простудой объясняется сожаление автора, что «день весенний пролетел/ Без моего участья»…Да, без нашего участия сегодня проходят годы и годы…

Но, продолжая чтение лирических стихотворений Андрея Фролова, мы ещё и ещё раз убеждаемся в том, что они и в самом деле – лирические. То есть – слова для них найдены в сердце, а не в передовицах каких-то газет, не в речах «вождей», определяющих очередную генеральную линию, которая на деле, чаще всего, оказывается кривой – нисходящей кривой. А кривая дорожка – хитрая дорожка:

Издалека домой,
Упруго ставя ноги,
Шёл человек прямой,
Да по кривой дороге.
… Проделал путь большой
В мученьях и мороке
И… окривел душой…

А наш поэт идёт к своему читателю без хитростей, с открытым лицом, с доверием. Он с любовью и сочувствием относится и к героям своих произведений. Один из разделов в книге так и называется: «Мои портреты». Это, как сказано в аннотации, «любовно выписанные автором, словесные изображения людей обычных и не очень». А открывает эту картинную галерею стихотворение «Отец», в котором чётко прорисованы и обобщены, несмотря на то, что герой картины – конкретное лицо, черты русского, советского человека предыдущего поколения:

То скромен, то бедов,
Но праведен трудами.
Плоды его трудов
Весомее с годами.

И правда – «плоды его трудов» ещё кормят нас и кормят…Вообще, на страницах книги довольно много словесных портретов. Здесь и «Плотник»:

В клубах стружечного запаха
Он заходит в «общепит».
Карандаш заложен за ухо
И навечно там забыт.

Здесь и «Работяга», который «сам себе не знает цену», и «Хозяйка яблоневого сада, которая стращает «пацанву»:

- Вот ужо, кого спымаю,
Ухи-т начисто сорву!..

Из тьмы веков, как лучи, к нам пробились слова мудреца Сократа: «Заговори, чтобы я увидел тебя». И вот она заговорила, и мы увидели её – совсем не злую, а вместе с ней увидели автора, который умеет слушать и слышать:

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
- Дурна старуха –
Нешто слопать мне одной?

А портрет «Агроном» разве не хорош? Этот агроном

Просыпался с петухами,
Брился наизусть.
Ставил мерина в оглобли,
Отводил плетень,
Понукал – вороны глохли
За пять деревень.

А вот перед нами пастух. Он, зная, что «там в засаде старый волк», думает
Мне бы мясо с молоком
Сохранить колхозу

Сохраняя молоко и мясо, он, заодно, сохраняет и слово – пусть не очень старинное, но – наше: колхоз….А вот словесный портрет другого колхозника, которому совершенно некогда умереть:

Только помирать-то мне когда?

Летом вроде некогда – страда,
А зимой – для правнуков обузно.

А это уже портрет «Дедушка» – с такой концовкой, которая наверняка у многих в памяти воскресит их дедушек, (а так как рядом с дедушками всегда были бабушки, значит, – их тоже):

А большие дедушкины руки
Превращают чурочку в коня.

«Чурочка»! Уйму русских родных слов мы, торопясь то в одно «светлое» будущее, то в другое, успели растерять. Жаль будет потерять и это, воскрешающее так много родного…

Читаем – как бы идём далее – и встречаем сторожа: того, который

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою

И даже слово «колотушка», попавшее в стихи явно не из нашего века, не портит эту картину. А в картинной галерее Фролова есть ещё и «Ворожея», и «Городская», и «Отшельник», и «Кузьмич». А вот – и «Лунатик»:

Отчётливо видимый снизу
На фоне пятнистой луны,
Лунатик идёт по карнизу
И видит чудесные сны.
А каков его «Философ»!
Он затаился, как паук,
Раскинув сеть сомнений –
Неосязаемых наук
Неутомимый гений.

Правда, здесь хочется не согласиться с концовкой: «Несокрушима тишина/ Над мировой пустыней». Ведь в пространстве вращается Земля, а на Земле – мы, и значит, это уже не совсем пустыня. Скорее – полупустыня…

К «портретным» можно отнести и стихотворение «Как дед помирал». Ну, чем не русская сказка!? Собирался, собирался этот дед умирать, а

К ночи слез с печи опять:
- Собирай, мать, ужин

Многим вслед за дедом пора слезать с печи.

А вдобавок к портретам, у поэта есть ещё и «короткометражная лента»: в стихотворении «Съёмки» он рассказывает как его, солдата-срочника, с товарищами снимали в массовке фильма, где наши бились с французами. Ребята изображали французов:

Штабной московский генерал
Безмерно горд за нас.
А я бы русского играл
Правдивей во сто раз!

Как-то невольно приходит на ум то, что и нас всех сегодня заставляют играть чужие роли и ломать комедию…

О, в этой небольшой по объёму книге – много чего. Она тоже – «томов премногих тяжелей». Прочтём стихотворение «Истина»:

Видимый всем за версту,
Еду верхом.
Был на хорошем счету.
Стал – на плохом.
Виден (читай – не прикрыт)
Перед молвой.
Ночью свалили с копыт
Сивку мово.
Я погрустил о коньке,
В травку прилёг.
Не замечаем никем,
Снова – не плох.

Вот она какая – эта истина. Я бы только в название добавил определение – «горькая»: «Горькая истина».

А горького в жизни хватает. Немало ходит по Руси оглоушенных разными перестройками и всякими реформами. И большинство из них – из неприкаянных:

Если спросишь участливо: «Как ты?»
Угловато плечами пожмёт

Да, сами не ведаем – как мы? И, конечно, не в самую светлую минуту поэт выдохнул: «Хорошего в судьбе не так уж много». Но,

отдохнув душой и телом, поосмотревшись, помозговав, он завершил это стихотворение совершенно иначе, хотя изменил в той строке только одно слово: «Хорошего в судьбе не так уж мало». И этот вывод обнадёживает и читателя, добавляя ему сил и заставляя тоже приостановиться, всмотреться в пространство и время и согласиться с этим жизнеутверждающим выводом.

Но – как качели, так и жизнь: то – вверх, то – вниз. И уже герой стихотворения «Один день» - «ждёт привычных потрясений» Здесь даже частушечный, короткострочный размер вполне уместен: он как бы тоже говорит о привычности, о нашей готовности опять услышать об очередном крушении, пожаре, о затоплении, перестрелке, похищении, гибели… Но, далее, в стихотворении «Мы», поэт делает философско-поэтический вывод, к которому приходят через чащобу лет, через усталость, через «привычку потрясений»: «Смерть – явление Природы / И не более того»…

Да, в этой книге много чего есть. Например, в стихотворении «Коммуналка», рассказывается не только о «коридорной системе». Здесь, если вчитаться, возникает ассоциация с нашим недавним: вспоминается о совместном проживании «республик свободных» и об их разрыве:

И коммуналка дробится на части
Перещёлком надёжных замков

А в слове «перещёлком», если вслушаться, можно расслышать даже лязганье затворов…

Кстати: здесь, в книге, есть удивительные стихи – в том смысле, что они написаны как бы с оглядкой в нашу не очень давнюю историю, но в то же время – с заглядом в будущее. Автор пытается, если не разглядеть, то угадать грядущее. А может быть, даже предостеречь от возможности такого поворота событий…(Поворота? Или повтора?). Это стихотворения «Смута» и «Царь примерял мундир»:

Убивают холопы царя,
Свято веря в кромешное счастье

Правда, последнюю строку я, естественно – только для себя, поправил так: «Слепо веруя в скорое счастье». Но в любом случае, дай Бог, чтобы это «убивают» оставалось только историей…

Заканчивая обзор книги, мне бы хотелось процитировать стихотворение, первая строка которого стала названием моей статьи:

Вырастая до прежнего роста,
Человек возвращался с погоста.
Шли минуты, и делалось легче,
Распрямлялись ладони и плечи,
Возвращались дела и заботы,
Воскресение шло за субботой,
Всё предельно понятно и просто:
Человек возвращался с погоста.

Сильные стихи? Мне кажется – очень! «Всё понятно и просто» – нам всем пора вырастать до прежнего роста.

Конечно, прочитав книгу, многое забывается. Но – «вы прочитали и забыли. Осталось впечатление. – Это и есть содержание». Не знаю, кем это сказано, но сказано не только красиво, но и в большой степени верно. И ещё – никакой обзор не заменит прочтения книги. Тем более, что об авторе, перефразировав его самого, можно сказать: «Фролов знает дело туго».

До новых книг!

Юрий АСМОЛОВ.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

КАРТИНА РОССИЙСКОГО БЫТА

* * *

Надсадно выла автострада,
горячим выхлопом дыша –
через шоссе валило стадо
размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
как будто спали на ходу,
коровы медленную думу
жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
к людской извечной суете
в глазах косящих отражалась,
как в застоявшейся воде.

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
на окраину села.

Промелькнут по косогору –
мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
и на голый крюк берёт!

АГРОНОМ

Может, вы о нём слыхали, –
спорить не возьмусь, –
просыпался с петухами,
брился наизусть.
Ставил мерина в оглобли,
отводил плетень,
понукал – вороны глохли
за пять деревень.

Вдоль дорог стога мелькали,
ёжилась стерня.
Впереди всходили дали
в свете трудодня.
Громыхая на ухабах,
вслед за ним неслось
необъятного масштаба
бодрое «авось».

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка ведьма,
мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
да ведьмам слухи – не указ.

Вот и жила неторопливо,
мирясь со злобой языков,
и взглядом, жгучее крапивы,
стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
копной волос белым-бела
и подозрительно здорова…
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
утихомирилась молва…
А на девятый день округе
хватать не стало волшебства.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
двести семьдесят – в длину.
он не может отвлекаться
на бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
пристегнув себя к ружью,
и пугает колотушкой
тень горбатую свою.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
что у бабушки Андревны –
просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
успевает только треть
урожая у Андревны
окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
мол, коту под хвост труды, –
собирая на варенье
уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
всё стращает пацанву:
– Вот ужо, кого споймаю –
ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
и, беседуя со мной,
говорит:
– Дурна старуха –
нешто слопать всё одной?

КОЛХОЗНИК

Папиросой весело дымя,
балагурит дед возле амбара:
– Мне чего бояться, окромя,
разве что вселенского пожара?
Ты учёный, сам и посуди:
сто годков топчусь уже по свету –
столечко такого позади,
что и помирать боязни нету.
Как-никак, почти герой труда
и почётный член кооператива…
Да и помирать-то мне когда?
Летом – недосуг,
зимой – противно…

СТРОЙКА

Домишко скромный –
стена в кирпич
полгода строил
старик Кузьмич.
Село ворчало:
не тот, мол, пыл,
у Кузьмича, мол,
не хватит сил,
ровесник века –
не совладать…
Кузьмич кумекал,
где тёс достать.
Залил фундамент
и начал класть
на камень камень,
перекрестясь.
Стропила, кровля –
не на авось.
Забил к Покрову
последний гвоздь.
Приладил двери
и вытер пот:
Ну, кто не верил?
Глядите – вот…
Присел в сторонке
и вдруг… чихнул.
Как о приёмке
акт подмахнул.

БОБЫЛЬ

Под сочащимся ржавчиной краном
торопливо стирает бельё,
объявляет войну тараканам
и проигрывает её.

Вечерами вздыхает устало,
как в период страды тракторист,
и заглатывает сериалы,
поминутно влюбляясь в актрис.

Поливает щетинистый кактус,
не надеясь, что тот зацветёт.
Если спросишь участливо: «Как ты?»,
угловато плечами пожмёт.

ОТШЕЛЬНИК

Молоко в пузатой кринке,
аккуратная постель.
Ни пылинки, ни соринки –
словно ждал всю жизнь гостей.

* * *

Вырастая до прежнего роста,
человек возвращался с погоста.
Шли минуты,
и делалось легче,
расправлялись ладони и плечи,
возвращались дела и заботы,
воскресение шло за субботой.
Всё предельно понятно и просто:
человек возвращался с погоста.

* * *

Картина российского быта:
старуха с разбитым корытом,
старик тянет невод дырявый,
а рыбка грустит под корягой
о том, что со смерти поэта
два века прошло, но при этом
российского быта картина
всё та же – разор и рутина.

ЛЕОНИД АФОНИН (1918–1975)

Исследовательская и творческая деятельность литературоведа, одного из первых членов Орловской областной писательской организации Леонида Николаевича Афонина (1918-1975) весьма многогранна. Важное место в ней занимает многолетнее плодотворное сотрудничество со средствами массовой информации. Ныне нам известны более 300 публикаций Л.Н. Афонина в послевоенной газете «Орловская правда», около 40 публикаций в «Орловском комсомольце». В его публицистике особо пронзительно звучала тема сохранения богатейшего, уникального историко-культурного наследия Орловщины. Вторая половина 1960-х – начало 1970-х были знаменательны для Орла чередой юбилеев: 400-летие города, годовщины со дня рождения Тургенева, Бунина, Леонида Андреева.

Хотя Леонид Николаевич был директором музея, депутатом Орловского городского Совета депутатов трудящихся четырёх созывов, доцентом педагогического института, вполне обоснованно предположить, что именно «газетную трибуну» он считал самым важным и самым верным местом для откровенного разговора с земляками-современниками. С газетных страниц звучит его взволнованное слово о необходимости бережного отношения к историко-культурному наследию нашего народа.

Чем больше Леонид Афонин писал о минувшем, тем острее ставил вопросы о духовности в развивающемся обществе, о ржавчине равнодушия среди современников. Многие его статьи середины 1960-х годов носят полемический характер. Афонин не избегал конфликтов на газетной полосе, он говорил: «Журналистика живет не на воздухе. Она живет, когда живет общество, и замирает, когда подрезаны корни жизни в обществе». Читатели его любили и уважали не только как знатока истории и литературы, но и как честного, неравнодушного человека. И в этом, видимо, заключалось своеобразие творческой манеры Афонина-публициста. Многие его публикации впервые рассказывали массовому читателю Орловщины о разных гранях истории края, он разрабатывал новые темы, вводил в свои статьи неизвестные прежде факты. Л.Н. Афонин вместе с В.А. Громовым, В.М. Катановым, С.И. Фёдоровым, В.А. Власовым и другими краеведами создали тот особый облик «Орловской правды», который в 1960 - е годы выделил её в ряду других областных газет страны – выделил неподдельным интересом к истории родного края, к литературе и культуре. И потому тем более важно в ближайшем будущем провести монографическое исследование характера и особенностей просветительской и публицистической деятельности, которую вёл Л.Н. Афонин в газете.

Может ли кто-то в наше время повторить ту особую роль, которую играл Леонид Николаевич Афонин в орловских средствах массовой информации – роль просветителя, духовного пастыря и защитника? Откровенно скажем, что ныне это маловероятно: за почти полвека изменились и запросы аудитории, и сама роль газет и радио в повседневной жизни общества. Однако опыт сотрудничества Л.Н. Афонина с редакциями орловских газет (темы, жанры, информационные поводы, стиль и композиция статей) вполне может быть востребован молодыми ли-

тературоведами, историками, музейщиками, которые заинтересованы в диалоге с современниками, в том, чтобы наше общество не утратило истинных духовных ценностей. В подтверждение этого мы предлагаем вниманию читателей две публикации Леонида Афонина в «Орловской правде» середины 1960-х годов (печатаются с незначительными сокращениями).

Алексей КОНДРАТЕНКО.

Леонид АФОНИН.

ОРЛОВСКИЕ МЫ…

Это запомнилось мне с последних дней войны и, наверное, на всю жизнь.

Апрель 1945 года. После ожесточенного сражения позади остался хмурый Одер. Лавина наших войск покатилась вглубь Германии, к Берлину. Навстречу нам шли тысячи русских людей, избавленных Советской Армией от фашистской неволи.

И вот на перекрестке дорог повстречалась нам женщина с тремя ребятишками. Выглядела она куда старше своих сорока лет. Была измучена непосильной работой на чужих полях. «В чем только душа теплится?» - думалось, глядя на нее. Мальчишки - тоже бледные, с ввалившимися глазами, в которых еще жил испуг.

- Куда мамаша? - уважительно поинтересовались солдаты.

- В Орёл, родимые… Орловские мы… - Часа два рассказывала она, как жилось в Германии. О себе почти не говорила. Больше о том, как другим тяжко было, как детям лихо приходилось. На прощание кто-то посоветовал:

- Мамаша, подождала бы машину, подбросили бы тебя с ребятишками…

- Что ты, родной, что ты! - запротестовала она. - По Орлу соскучилась, дома теперь работы столько…

Простая орловская женщина на берегах Одера мечтала о родном городе. Ей предстояло пройти с детьми не меньше двух тысяч километров. Ее это не пугало. Скорей бы домой, где «теперь работы столько»…

Не уверен, что эта орловчанка читала Тургенева. Но смысл ее ответа показался мне сродни проникновенным словам одного из тургеневских героев: «Люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на земле?».

Святое чувство любви к родине у каждого из нас зарождается задолго до того, как мы разумом своим постигнем величие нашей Отчизны, ее славную историю, ее лучезарное будущее. Может быть, ещё в далеком детстве внезапно и навсегда вспыхнувшая радость от услышанного на майской зорьке соловьиного рокота, или восторг, пережитый при виде черемухи, осиянной луной, или всколыхнувшая сердце пушкинская строчка о загадочном и неведомом лукоморье, или удивление перед древней постройкой с замысловатыми башенками и золотыми луковками стали тем чудесным зернышком, из которого потом прорастала великая сила, что двадцатилетие назад заставляла солдат бросаться грудью на вражеские доты, а сегодня побуждает к невиданным трудовым свершениям.

И как важно сохранить, развить, сделать действенным и поистине творящим чудеса это первое ощущение родины, это начальное, еще неосознанное чувство нашей принадлежности к тому, что опять-таки, говоря словами Тургенева, «одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить»!

Однако, все ли нами - нашей школой, общественностью, нашими творческими организациями - делается ради этого? К сожалению, далеко не все, особенно, если речь идет о прошлом родного края, о его изучении, сохранении и пропаганде его исторических и духовных памятников.

Исстари наш край щедр на таланты. Здесь «в плодородном подстепье», на окраин-

ных рубежах Государства Русского, ратные люди, оберегавшие родную землю от набегов степных кочевников, слагали широкие, вольные песни про подвиги богатырские. В крепостническое лихолетье, под Кромами и Мценском, на полноводной Оке и красавице Зуше рождались заветные бывальщины про Ивана Болотникова да про атамана Кудеяра - грозных мстителей за порабощенный народ. Никогда не мирившийся с крепостной кабалой орловский мужик в сатирических сказках зло вышучивал барина и попа, смеялся над чиновничьим «крапивным семенем». В зимние, долгие-долгие вечера, при мерцании березовой лучинушки пронзительной тоской звенели голоса кромских, болховских да ливенских песельниц про цветы лазоревы, что побиты морозом лютым, про куст ракиты на могиле одинокой, безымянной, про долю женскую, бесталанную…

Обильнейшая народная поэзия земли орловской на удивление всему свету засверкала в творениях наших прославленных земляков. Как величайшую драгоценность, завещанную нам предками, самоцветы народного творчества бережно собирали и ценили чрезвычайно Тургенев, Лесков, Бунин, Калинников.

Однако кто в наши дни по-настоящему, серьезно и вдумчиво занимается песенными залежами орловского края, сказками и преданиями родных мест? Почти никто. О народном творчестве вспоминают накануне очередного смотра художественной самодеятельности. Потом интерес к нему пропадает до следующего «мероприятия». В результате распадаются едва ли не столетиями существовавшие песенные содружества, вроде знаменитого Спасско-Лутовиновского хора, который собирают лишь ради смотра или киносъемки, не заботясь о его самобытности, навязывая носителям вековой песенной традиции не свойственную им манеру исполнения. Не случайно этот замечательный коллектив, старинные, тургеневских времен песни которого широко известны, за последние годы стал хиреть, терять свою былую славу. Над этим и подобными фактами следовало бы призадуматься Дому народного творчества и вместе с кафедрой литературы педагогического института, с музыкальным училищем, с такими энтузиастами-музыковедами, как скажем, В.М. Шепелев, сделать в ближайшие годы все возможное, чтобы старинные орловские песни зазвучали в наших городах и селах, чтобы их тщательно собирали, бережно записывали, пропагандировали. Пожалуй, еще меньше внимания обращается у нас на прикладное искусство орловского края. Оно, к сожалению, почти не представлено в областном краеведческом музее. Его не увидишь в Орловской картинной галерее. Года три тому назад Институт этнографии Академии наук СССР послал специальную экспедицию в нашу область. Во Мценском районе были разысканы уникальные наряды, вышивки, домашняя утварь, будет находиться в запасниках и вряд ли когда-либо вернется в наш край, чтобы изумить и порадовать орловцев. У нас устраиваются выставки прикладного искусства зарубежных стран. Мы справедливо восхищаемся даровитостью и мастерством народных умельцев, живущих за дальними морями. А ведь может оказаться, что и орловские резчики по дереву или вышивальщицы совсем не хуже иностранцев. Надо только осмотреться, разыскать созданное нашими талантливыми земляками и хорошо, умело показать их творения.

Теперь много и горячо говорят, пишут о необходимости охранять памятники нашей истории и культуры. Вряд ли это можно рассматривать как модную тему или проходящую кампанию. По-моему, это - одно из свидетельств гражданской зрелости советского народа, который, созидая коммунистическое общество, дорожит историческим прошлым, нашей великой национальной культурой. Только мещанин, обыватель может самодовольно думать, что история начинается с его появлением на свет божий и продолжается, покуда он благоденствует. Наш современник, строитель коммунизма - не Иван, не помнящий родства. Вот почему неблагополучие в деле охраны памятников старины и мест, столь дорогих сердцу каждого русского, так тревожит нашу общест-

венность в последние годы. Думается, однако, что соответствующим организациям и должностным лицам пора реально отвечать на справедливые требования и привести в порядок немногие в нашем крае памятники старинного зодчества, в том числе Михаилоархангельскую церковь в Орле и храмы, построенные в 17-м столетии в Болхове.

По-видимому, так же, как и в капитальном строительстве, средства, отпускаемые на реставрацию памятников старины, не следует распылять на множество объектов. Кроме того, необходимо восстановительные работы вести на основе научной документации, разработанной со знанием дела, с проведением обмеров, с учетом мемориальных свидетельств.

Но есть и еще одна проблема, связанная с охраной исторических мест и сооружений. Следовало бы в школах, в печати, по радио почаще вести разговор о том, что составляет предмет нашей национальной гордости и нуждается в охране. Тогда будет больше заботливых молодых рук, которые помогут, не считаясь со временем, восстановить какое-либо мемориальное здание, украсить цветами памятное место.

(Орловская правда, 1965, 25 июня).

ОХРАНЯЕТСЯ ПАМЯТЬЮ НАРОДНОЙ

Беспокойно плещется вечный огонь в сквере Танкистов в память о тех, кто в августе 1943-го освободил Орел. Многие приходят сюда… Вглядывается в нестихающее пламя бывалый фронтовик, вспоминая однополчан. Задумался осанистый старик - может быть, припомнились ему всплески сабель в атаке под Касторной и порубанный тогда беляками его побратим в краснозвездной буденовке. Стайка ребятишек притихла - запоминает врубленные в мрамор имена героев. Сырыми очами смотрит на бессмертный огонь до времени поседевшая мать солдата, думая о сыне, чья могила далеко отсюда…

Сколько на земле орловской вот таких священных мест, где каждый из нас оказывается лицом к лицу с величием и славою прошлого, где сама история, напоминая нам о подвигах ратных, трудовых свершениях и дерзаниях творческих, властно заставляет, говоря словами Владимира Маяковского, итожить то, что мы прожили.

Одни из этих безмолвных свидетелей минувшего, известны повсеместно, даже за пределами страны Советской, о других знают лишь в том или ином городе или в селе, к третьим, но небрежению нашему, и вовсе заросла тропка.

- Что нам охранять? - риторически недовольно спросил меня недавно один житель Мценска. - У нас всего две старые церкви…

Это сказано в городе, что с Москвой одногодок или даже чуть старше столицы, в городе, где, пожалуй, каждый камень, если с пониманием и любовью присмотреться к нему, - живая летопись. Вспомните и всю округу мценскую - родовое тургеневское гнездо, фетовские Новоселки, новиковский хуторок Ильково, село Первый Воин, где увидел свет сочинитель задушевнейшей музыки Василий Калинников, село Теплое - родину стойкого большевика Николая Вознесенского, деревни, что в страшный голодный год исхожены самим Львом Толстым, сотни солдатских могил, обозначенных именами и навсегда безымянных… Разве это не памятники труда, вдохновения, беззаветной доблести воинской? А те «две церкви старые», что пренебрежительно помянул мой собеседник, разве они не свидетельство извечной одаренности народа, его трудовой сметки и такого высокого строительного искусства каменных дел мастеров, которому и ныне учиться вовсе не зазорно?

Нам есть что охранять в Орле, в Ливнах, во Мценске, в Дмитровске, Болхове, Кромах, Новосиле - повсюду, как говорили в старину, «на земле отчич и дедич», охранять все, что завещано ушедшими поколениями, начиная с названий русских городов, навеки вписанных в историю нашего Отечества.

«Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности», - писал А.С.Пушкин.

В годы дооктябрьские тогдашние «хозяева» Орловской губернии были на редкость непочтительны к тому, что является святыней национальной. «Какие хамы у нас в дворянских собраниях и думах! - негодовал Н.С. Лесков. - Отчего ни Орёл, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то заговорил о портрете Тургенева».

Советское государство, следуя ленинским указаниям, с первых дней своего существования бережет памятники старины, как всенародное достояние. На орловской земле начало этой благородной традиции положено 14 апреля 1918 года, когда к населению губернии обратилась комиссия по охране памятников старины и искусства при губсовете рабочих и солдатских депутатов. «Граждане, - говорится в этом историческом документе, - берегите то, что осталось от поколений, ушедших в вечность, что украшало их жизнь, берегите памятники творчества прошлого, они будут нам служить указателями хороших и плохих сторон жизни ушедших веков и руководством будущего. Сокровища искусства и памятники древней культуры принадлежат всем нам, принадлежат всему народу и будут служить на пользу и просвещение народа».

Многое сделано с тех пор. За годы Советской власти в Орле созданы замечательные музеи. Собираются, изучаются, стали достоянием бесценные реликвии прошлого. На всю Россию славится край Тургенева и Лескова, Пришвина и Фета, Бунина и Леонида Андреева. Сюда, к самым истокам великой литературы, приходят ежегодно десятки тысяч наших соотечественников. В спасско-лутовиновских аллеях теперь уже не редкость встретить граждан Франции и Ганы, Индии и Кубы, США и Мексики.

Это общеизвестно и отрадно.

Но сколько еще на земле орловской памятных мест и памятников истории и культуры запущенных, разрушаемых временем, а порою и руками людей, что равнодушны к прошлому своей Родины! Сколько солдатских могил неухоженных, забытых, заросших горьковатой полынью! Имена скольких безызвестных борцов за коммунизм, героев Революции, гражданской и Отечественной войн еще не засияли на граните и мраморе в орловских городах и селениях?

Не буду перечислять факты, о которых уже однажды с тревогой и болью говорилось и писалось. Не буду приводить новых примеров равнодушия, невежества, неуважения к старине. Теперь, когда создается Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, не стоит ли, как говорили в старые годы, соборно задуматься над причинами, что порождают тревожащее и оскорбляющее советского человека отношение к тому, что для нас бесконечно дорого и свято? Задуматься, чтобы устранить эти причины.

На мой взгляд, мы необыкновенно мягки и снисходительны к тем, кто не бережет памятники старины. Нередко здания, объявленные памятниками архитектуры, используются как склады. Почему же с арендаторов нет никакого спроса за сохранение этих помещений, за их своевременный текущий и капитальный ремонт?

В самом центре Орла стоит памятник архитектуры начала XIX века - церковь Михаила Архангела. На ней новенькая, только что из мастерской, мраморная доска, извещающая, что здание «охраняется государством». Право, стыдно как-то видеть эти золотые письмена на полуразрушенном здании, которое арендует база Роскультторга и Государственный областной архив. Не пора ли потребовать от этих почтенных организаций уважения к памятнику зодчества и заботы о нем?

Древние города наши бурно растут, застраиваются новыми домами. Естественно, что при этом появляется необходимость снести старые здания, иногда и исторические. Но ведь в таком случае требуются разумный подход, зрелое размышление, совет с общественностью. В Советском районе Орла недавно снесли дом Положенцева, где жил И.А. Новиков, и дом Якушкиных, где в прошлом столетии соби-

ралась революционная молодежь, где прожил не один год писатель-демократ Павел Якушкин - друг великого кобзаря. Почему архитекторы и строители решили судьбу этих исторических зданий в обход краеведов орловских литераторов?

С легкостью необыкновенной мы по нескольку раз переименовываем улицы, забывая, что наши Пушкарные, Посадские, Песковские да Стрелецкие - часть истории Орла, которую никому не позволено перелицовывать. Когда возникает настоятельная потребность в названии улицы увековечить память великого человека, в том числе и орловца, - не лучше ли сделать это в новых кварталах или за счет Безымянных, Объездных да Поперечных переулков и Стандартных проездов?

На реставрацию и ремонт памятников государство ежегодно отпускает органам культуры значительные средства. К сожалению, они распыляются по многим объектам, а порою и вовсе не используются. Может быть, следовало бы на ближайшие годы наметить реставрацию наиболее значительных памятников и памятных мест и провести эту работу, научно обосновав ее, с привлечением специалистов, с архивными изысканиями, обмерами.

До сих пор общественность по охране памятников и памятных мест привлекается, на мой взгляд, мало, эпизодически. Следует, по-моему, в отдельных случаях обращаться и к населению за добровольной материальной помощью, чтобы увековечить подвиги героев и других наших славных земляков. Так поступают, к примеру, в Ленинграде. А разве орловцы, особенно молодежь, отказались бы дать трудовые рубли на памятник орлятам - молодым героям, отдавшим свою жизнь в борьбе против фашистов! Не один год перед педагогическим институтом стоит камень, извещающий, что здесь будет памятник… Тысячи юношей и девушек каждый день проходят мимо. Не раз вспоминались горькие строчки, что прочитал писатель Сергей Смирнов на подобном же камне где-то в Крыму:

Братья, вы наши труды пожинаете,
Нам же в земле истлевать суждено.
Что же так долго нам памятник ставите?
Или забыли давно?

Охрана памятников истории и культуры станет поистине всенародным делом, если народ будет знать о них. Где хороший путеводитель по Орлу, рассказывающий о нашем городе, о его четырехвековой истории талантливо, горячо, со знанием дела, изданный на первосортной бумаге, с отличными фотографиями и рисунками? Нет таких путеводителей по Орлу, Мценску, Дмитровску, Болхову…

Прошло не одно совещание, где обсуждался вопрос, каким быть орловскому сувениру. С завистью говорилось о туляках, которые придумали в качестве тульского подарка изготовлять самоварчики - подобие того, что стоит на обеденном столе в Ясной Поляне… Но вот в Орле, на мой взгляд, были бы неплохими сувенирами изящно изданные томики Тургенева, Лескова, Бунина, Фета, Леонида Андреева. Право стыдно же, что в Орле нельзя купить «Записок охотника», бунинские стихи или андреевские рассказы…

Проблемы, проблемы…Одни из них решить легко, другие - труднее. Не все удастся сделать сразу. Но ясна большая цель, ради которой стоит потрудиться нашей общественности, - беречь то, что охраняется памятью народной.

(Орловская правда, 1966, 9 янв.)

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

К 110-летию со дня рождения Елены Александровны Благининой (1903 – 1989).

Требует высокого помина
Прошлое, всё дальше уходя…
Вижу сад и заросли жасмина
В отблесках и отсветах дождя…

Елена Благинина

Судьба и творчество Елены Александровны Благининой тесно связаны с Орловщиной. Она родилась в деревне Яковлево Орловской губернии, росла в тени липовых аллей, в окружении цветущих вишнёвых садов, в пёстром разнотравье средней полосы России. О матери Елена Александровна вспоминает как о «великой книгочейке с феноменальной памятью», от бабушки Юлии Герасимовны впервые услышала сказки и стихи А. С. Пушкина. Дед - сельский священник - организовал в селе Яковлево хор, был учителем церковно-приходской школы. А отец регулярно устраивал «леденцовые праздники» для всей окрестной детворы, на гроши выписывал детские журналы.

Первое стихотворение «Девочка с картинкой» Елена Благинина написала в восемь лет. Оно было опубликовано в 1921 году в сборнике «Начало».

После переезда семьи в Курск будущая поэтесса учится в Мариинской гимназии, мечтает стать учительницей. И поступает в Курский педагогический институт. В любую погоду, в самодельных башмаках, каждый день ходит она на занятия за семь километров от дома. В 1921-1922 годах её стихотворения публикуются в газете «Курская правда», в сборниках «Золотое зерно» и «Альманах первый», издаваемых Курским союзом поэтов.

В 1922 году семья Елены Благининой возвращается в Орёл, а она поступает на заочное отделение Высшего литературно-художественного института, возглавляемого Валерием Брюсовым. Уезжает в Москву, работает сначала в экспедиции газеты «Известия», а после окончания института, с 1925 года трудится в университете радиовещания, во Всесоюзном радиокомитете.

«Лена жила в самом центре Москвы—на Кузнецком мосту, во дворе, в подвале, в многонаселённой коммунальной квартире. У неё всегда было людно, уютно, радушно, гостеприимно, и хозяйкой была поэзия. Кроме поэзии, в этой комнате жило горе: любимый Лены, прекрасный поэт Георгий Николаевич Оболдуев. Егор, как звала его Лена, был в заключении, работал на Беломорканале...» - вспоминает литературовед Евгения Александровна Таратута.

В начале 1930-х годов имя Елены Благининой уже известно маленьким читателям журнала «Мурзилка». «Ребята любили и ее, и ее стихи — прелестные стихи о том, что близко и дорого детям: про ветер, про дождик, про радугу, про березки, про яблоки, про сад и огород и, конечно, про самих детей, про их радости и горести», — вспоминает Е. Таратута, работавшая тогда в библиотеке, где авторы «Мурзилки» выступали перед маленькими читателями. В тридцатых годах выходят в свет книги Благининой для детей «Осень» (1936), «Садко» (1936), «Вот какая мама!» (1939). А перед самой войной - «Посидим в тишине» (1940) и «Мишка-шалунишка» (1941). В 1938 году Елена Александровна Благинина вступает в Союз писателей СССР, становится одним из ведущих детских писателей.

«Как запомнилась мне весна 1941 года! - продолжает свои воспоминания Е. А. Таратута. - Никто из родных и друзей не болел. С продуктами стало полегче, карточек уже не было. В день рождения Лены, двадцать седьмого мая, у неё в подвале собралось множество друзей. Был и вернувшийся Егор Николаевич... Сколько было цветов! Пирогов! Читали стихи, пели песни. Сколько было веселья и смеха! В шкафу у нее висела нарядная меховая шубка, первая! А между тем … к нашим границам ползли немецкие танки».

… Осенью 1942 года Елена Благинина возвращается в Москву из эвакуации, с Урала. Она привозит с собой много новых стихов. Теперь в её творчество входит военная тематика, но наряду с трагическими мотивами смерти, разрушения, в её поэзии читается вера в торжество добра и правды, в неизбежность победы. В октябре 1943 года Елена Благинина собирает группу писателей и приезжает в освобождённый Орёл, чтобы «может быть, чем-нибудь помочь». Всю энергию направляет на восстановление культурной жизни родного города, продолжает писать стихи. В это время Елена Благинина начинает работу над циклом стихотворений «Золотой мост», а также над поэмой о партизане Мише Курбатове, воспитаннике Некрасовского детского дома.

После войны выходят поэтические сборники для детей «На привале» (1945), «Радуга» (1948), «Огонек» (1949). Они проникнуты пленительным обаянием образа детства, внутренней гармонией особенного, созданного Благининой художественного мира. Как переводчик, Елена Благинина знакомила ребят с поэзией Тараса Шевченко, Марии Конопницкой, Юлиана Тувима, Льва Квитко, Леси Украинки, - всего перевела более 30 книг.

Всю свою жизнь она посвятила детям, работала постоянно, была отзывчивой, искренней, много выступала. Книги Елены Благининой для детей продолжают издаваться большими тиражами по сей день - всех уже не перечислить. Чётвёртое поколение малышей с удовольствием учит наизусть «Мама спит, она устала…» или «Не мешайте мне трудиться…», ищет в библиотеках сборники «Журавушка» (1973, 1983, 1988), «Улетают-улетели» (1983), «Гори-гори ясно!» (1990). Для детей она писала не только стихи, но и пьесы («Петрушка на крыше», 1942; «Выше дружбы — счастья нет», 1980), сказки («Ганс –путешественник», «Чудесные часы» и др.)

«Весной 1954 года, когда я была реабилитирована и вернулась домой, - вспоминает Евгения Таратута, - Лена сразу приехала ко мне, а потом мы всей семьей поехали к ней. Она с Егором жила уже в новой квартире в новом доме возле метро «Сокол». Кроме этого, приобрела полдачи в Голицыне, звала меня туда, но я болела и не могла к ним поехать. Лена с Егором часто приезжали к нам. Егор Николаевич любил возиться с Таней, играл с нею. Но не суждено... Двадцать седьмого августа Егор Николаевич скончался. Так он и не увидел своих стихов в печати... Его памяти Елена Благинина посвятила прекрасные поэтические циклы.

Первая книга стихов для взрослых вышла только в середине 60-х годов «Окна в сад», даря мне которую, она надписала: «Дорогой Жене Таратута на память о нас с Егором». Лена. 17/X 66».

Первая для взрослых. А ей уже шестьдесят три года... Настоящие дивные стихи. Я почти все их помню наизусть. Но некоторые ее стихи для взрослых известны были и раньше, только ни в книгах, ни в журналах они не печатались...»

В 1973 году увидел свет ещё один поэтический сборник «взрослой» лирики Елены Благининой «Складень», позже её произведения публикуют журналы «Новый мир» (1987, № 9), «Знамя» (1989, № 12).

В 1997 году издан роман Елены Благининой «Люблю мучителя своего всё неистовее», посвященный горькой литературной судьбе ее мужа, поэта Георгия Оболдуева (1898-1954), представителя древнего дворянского рода, участника Великой Отечественной войны, увидевшего при жизни напечатанным только одно свое стихотворение (1929).

В обширную мемуарную прозу, которую Елена Благинина оставила читателям, вошел целый ряд воспоминаний о детстве, юности, 1930-х, военном и послевоенном периоде отечественной истории. «Но Елена Александровна с её высокой взыскательно-

стью и жесткой самокритичностью не так-то легко расставалась со своими рукописями, – пишет Владимир Приходько. - Вслед за Максимилианом Волошиным, её любимым поэтом и учителем, она могла бы повторить: «Приятней быть не книгой, а тетрадкой».

Использованы материалы.:
Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Том 1. с. 221-222.
Таратута Е. А. Книга воспоминаний. Ч. 2. - М. : Янус-К, 2001. - 96 с.
Приходько В.А. «Была и буду»: О творчестве Е.А.Благининой// Дошкольное воспитание.-1990.-№10.-С.74-78.

Елена БЛАГИНИНА.

НА СВЕТЕ Я ВИДЕЛА ХЛЕБА НЕ МНОГО

ХЛЕБ

На свете я видела хлеба немало-
Крестьянка его из печи вынимала
И клала на стол, осеняя крестом,
И он отдыхал, накрытый холстом,

В горнице пахло сильно и сладко,
Хлеб грозным казался, как имя отца.
За трапезой ели его без остатка –
Ни корки, ни крошки, ломоть – до конца.

На свете я видела хлеба не много.
Его отмеряли так скудно, так строго.
Его запивали крутым кипятком,
Его называли не хлебом – пайком.

С соломой, с мякиной,
с трухой, со жмыхами,
Он всё же казался желанней всего!
И матери тайно и тяжко вздыхали,
Когда на частицы делили его.

На свете я видела хлеба – разливы:
Мешки, бункера, элеваторы, нивы.
Он золотом лился, волною бежал,
Горой на токах деревенских лежал.

И если примечу кусок в небреженье –
В грязи придорожной, в подножной пыли,
То самое первое сердца движенье –
поднять и спасти это чудо земли.

ОРЁЛ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Выпало звено, и цепь распалась –
Нет ключа от города Орла…
Я ж ещё в пруду не поплескалась,
Я ж ещё в саду не побыла!

Яблочка отведать не успела,
Не доела тёплого ломтя,
Материнской песни не допела,
Не сумела уберечь дитя!

Я ж ещё с родными не простилась,
Милого звала – не дозвалась…
Утренней звездой не засветилась
И вечернею не пролилась.

Мне бы хоть немножечко подоле
Побродить среди дворов и хат!
Я бы принесла яиц в подоле,
Куры-то несутся, где хотят!

Я бы иван-чаю наломала –
Хороши орловские луга!...
Времени осталось слишком мало,
Каждая минута дорога!

Горница не прибрана, не мыта,
Рушники не вышиты – белы.
Не дожато в пыльном поле жито,
Жизнь не дожита…и спят орлы…

Спят орлы в сырой земле орловской,
Воротившие бездомным кров, -
Новиков, Благинин и Шабловский,
Заломёнков, Бухвостов, Петров…

КОЛЕЯ

Над рожью, дождиком примятой,
Стоит денек, почти сквозной...
Орловский ветер пахнет мятой.
Полынью, медом, тишиной.

Иду стеной высокой хлеба.
Иду, иду, да постою,
Любуясь, как упало небо
В наполненную колею.

На синем дне летают птицы,
Плывут печально облака…
Стою... Мне страшно оступиться.
Мне очень страшно оступиться,—
Так эта пропасть глубока!

КРЫЖОВНИК

Когда в ораторию пышного лета
Вступает цветение темой сквозной,
То первым топырится в жажде расцвета
Крыжовник, сверкая листвой вырезной.

Ещё не прозрачно, и пусто, и голо,
Лишь капли, как ноты, на ветках висят,
А он затевает зелёное соло
На весь этот мокрый, неприбранный сад.

Как будто бы знает – побегами вишен,
Сирени, черёмухи, яблонь и слив
Не нынче, так завтра, а будет услышан,
Подхвачен ликующий этот мотив.

ДЕРЕВО

Я любила проснуться
На ранней заре,
Чтоб скорей прикоснуться
К стволам и коре.

Чтобы нюхом и слухом,
Рукой и щекой
Ощутить их покой,
Насладиться их духом.

Чтобы в свежести, в шелесте,
В переплеске теней
Не забыть нам о прелести
Остающихся дней.

Не забыть нам о милости
Мира сего…
Чтобы дереву вырасти,
Нужно много всего:

Много соков земных,
Много тёплых ночей,
И горячих лучей,
И дождей проливных.

ОРЛОВСКОЙ КРАСЕ

Ты не помнишь, иль помнишь о сыне,
что погиб в чужедальнем краю
За высокую горечь полыни,
За неяркую прелесть твою?

За пруды под зелёненькой ряской,
За ракиты у этих прудов,
За немного расшатанный, тряский,
Деревянный уют городов.

За платок молодайки узорный –
Россиянки, солдатки, вдовы,
За доверчивость этой просторной,
Отражённой в глазах синевы.

И когда в помутившемся взоре
Пропадал этот свет голубой,
Плакал сын твой от скорби и горя,
Потому что прощался с тобой.

Он увидел – качнулась ромашка,
Тёплый шмель прогудел над кустом.
И упал – неуклюже и тяжко,
Распластавшись наземным крестом.

БЕЛЫЙ ОФИЦЕР

Он был немолод, смугл и тонок станом.
На денщика спросонья не ворчал,
Не бегал по кафе и ресторанам,
А если дома пили, то молчал.

Над картой мог просиживать часами,
Подтянутый и строгий, как всегда.

Лишь под его холёными усами
Улыбка шевелилась иногда.

Любил, накинув лёгонькую дошку,
Спуститься в мой захолодалый сад.
Померяет шагами там дорожку
И вскорости воротится назад.

У нас привычкой сделалось бояться,
Куда девались озорство и прыть!
При нём не смели бегать и смеяться,
Греметь посудой, даже говорить.

Однажды я бельё золою мыла
(Всех выручала в те поры зола).
Вдруг он вошёл, держа печатку мыла:
-Возьмите!
- Ни за что! – и не взяла.

Он усмехнулся:
- Этак не годится!
Вы молоды и спесь вам ни к чему.
Вам нечем, моя милая, гордиться!
- А вам тем паче, - я в ответ ему.

Он побледнел:
- Поосторожней, детка,
Вы несмышлёныш, видно по всему!
Забыли? Существует контрразведка!
- Разведка тоже, - я в ответ ему.

Он вышел. Дверь захлопнулась сердито,
Взлетела занавеска на окне,
На табуретке дрогнуло корыто,
И что-то вдруг оборвалось во мне:

«Какая же я всё-таки дурёха.
Зазнайство это, больше ничего!
Зачем я раззадорила его,
Теперь не мне одной придётся плохо!»

…Развешанные на дворе рубахи,
Закаленели, сделались, как жесть…
Я с той поры жила в великом страхе,
Мне не хотелось спать и даже есть.

Меж тем зима мела за вьюгой вьюгу,
Скуля и воя, как голодный волк.
Деникинцы откатывались к югу,
Захлопотал и Черноморский полк.

Наш постоялец уходил под вечер.
Он жестом меня вызвал на крыльцо.
Сказал:
- Вы правы, мне гордиться нечем.
И поднял кверху тёмное лицо.

- Да, молодости вашей дни тревожны…
Но я хотел сказать вам о другом:
Когда придётся говорить с врагом,
То будьте осторожны…

Он помолчал и, повернувшись круто,
Сбежал с крыльца в крутящуюся тьму.
И вьюга взвыла на голос, как будто
Затеяла поминки… по нему…

СТАРИКИ

Спят старики и не боятся стужи,
Укрытые последней тишиной.
Старуха дремлет, думая о муже,
А он лежит к своей судьбе — спиной.

...Через детей и внуков он — вернувший
Великое младенчество своё...
Он тут, он рядом, не навек уснувший,
Не навсегда покинувший её.

Теперь она с бессонницей не сладит:
Кому из них и скоро ль уходить? ...
И край его рубашки гладит...
Так - еле-еле, чтоб не разбудить.

Стихотворения Елены Благининой публикуются по: Благинина Е.А. Окна в сад. - М.: Советский писатель, 1966.
Благинина Е.А. Складень. – М.:Советский писатель, 1973.

Публикацию подготовила Е. Машукова.

ИМ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ…

РУСТАМ АГИШЕВ – 100 лет

Агишев Рустам Константинович родился 26 (13 по ст. ст.) июня 1913 г. в селе Старое Тимошкино Симбирской губернии (ныне – посёлок Старотимошкино Барышского района Ульяновской области) в семье служащего суконной фабрики.

В 1920 г. семья Агишевых переехала в Среднюю Азию – в Ташкент, позднее в Бухару, Коканд. По окончании средней школы в 1930 г. Рустам Агишев работал на радио и в редакциях республиканских газет Алма-Аты и Ташкента. С 1932 г. был журналистом в Узбекистане, Казахстане, а с 1936 г. – в Комсомольске-на-Амуре. Вместе с женой С.К. Плисецкой он был одним из первостроителей этого дальневосточного города.

Первая повесть Рустама Константиновича «Оуэнга» (о жизни амурских нанайцев) была опубликована в 1939 г. в дальневосточном журнале «На рубеже». В 1940 г. на страницах этого же журнала появилась его вторая повесть «Дед Пермяк» («Даурская роза»), рассказывающая о жизни строителей Комсомольска-на-Амуре, где Рустам Агишев работал литературным сотрудником городской газеты и городского радио до начала Великой Отечественной войны.

В годы войны военный журналист капитан Агишев находился в рядах действующей армии. Его очерки и рассказы печатались в различных военных газетах. Летом 1943 г. в составе Брянского фронта Рустам Константинович участвовал в освобождении Болхова и Орла от фашистских захватчиков.

После окончания Великой Отечественной войны Р.К. Агишев вернулся в Хабаровск, где работал в редакции журнала «Дальний Восток» (ответственный секретарь), одновременно активно сотрудничая с редакциями газет «Правда», «Сельская жизнь», «Литературная газета».

В 1948 г. был издан его сборник «Амурские повести», куда вошли довоенные произведения, затем в 1954 г. - роман «Зеленая книга» (четырежды переиздавался в Москве и Хабаровске). Тогда же, в 1954 г., Агишев стал членом Союза писателей СССР.

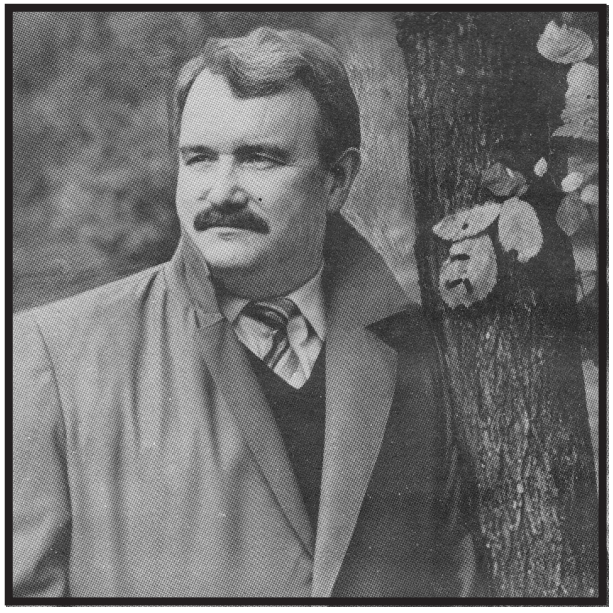
Отдельное издание повести Агишева «Оуэнга» (1956) было переведено на немецкий и чешский языки. В издательстве «Советская Россия» вышли в свет роман «Луна в ущельях» (1967) и сборник рассказов «Руэлла» (1968). Рустам Константинович был известен и как автор очерков, его перу принадлежит большое количество литературно-критических статей и рецензий, которые в основном появлялись на страницах журнала «Дальний Восток».

В 1968–1973 гг. Рустам Константинович Агишев жил в Орле. В это время вышли в свет его книги «Сын тайги» (М., 1968), «Бей, барабан!» (Тула, 1968), «Сказание о любви» (в соавт. с С.К. Плисецкой; Улан-Удэ, 1970), «Возвращение» (Тула, 1972).

Последние годы жизни писателя прошли в Калинине (ныне Тверь), где он. трудился над новым романом «Естествоиспытатели».

Рустам Константинович Агишев умер в августе 1976 г.

ИМ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ…



ЛЕОНИД МОИСЕЕВ – 80 лет

Леонид Юрьевич Моисеев родился 31 октября 1933 года в с. Белоусовка Кировского района Восточно-Казахстанской области.

В 1951 году Л.Ю. Моисеев с золотой медалью окончил среднюю школу в Усть-Каменогорске, в 1956 году – Московское театральное училище им. Щепкина. Работал артистом драматического театра в Таганроге, театра юного зрителя в Алма-Ате, режиссёром Алма-Атинского телевидения, главным режиссёром Норильского телевидения. Позднее Леонид Моисеев работал режиссёром в Курском и Пермском драматических театрах. Окончив Высшие режиссерские курсы, стал главным режиссёром театра в Белгороде. С 1978 года работал главным режиссёром одного из старейших театров России – Орловского драматического театра им. И.С. Тургенева.

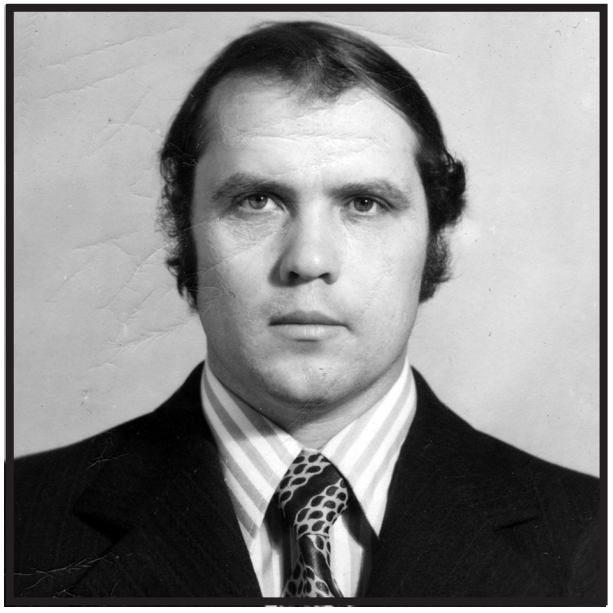
Первая пьеса Л.Ю. Моисеева «Иней на стогах» была опубликована в 1971 году в журнале «Театральная жизнь» и впоследствии поставлена в двадцати трёх театрах СССР. Пьеса «Багряный бор (1976) была сыграна более чем в 20-ти театрах страны и в Болгарии. Затем на театральных сценах появились: «Ранние трамваи» (1971), «Утро для тебя» (1972), «Колокол громкого боя» (1973), «Её личная жизнь» (1974). Пьеса «Правда сердца» отмечена премией Союза писателей СССР.

Л.Ю. Моисеев – член Союза писателей России с 1978 года, с 1989 по 1995 годы занимал пост ответственного секретаря Орловской областной писательской организации. Он стал инициатором газеты «Вешние воды» и её редактором, выступил одним из создателей в 1990 г. орловского издательства «Вешние воды». Во главе орловских писателей Л.Ю. Моисеев принимал первый выездной пленум Союза писателей России, состоявшийся в Орле в октябре 1994 года. Этот пленум стал знаковым, объединительным для писателей России, на нём Правлением Союза писателей России и администрацией Орловской области были учреждены первые региональные литературные премии: имени И.А. Бунина, Н.М. Карамзина и А.А. Фета.

Леонид Моисеев – автор книг: «Юмористические рассказы» (1993), «Осколки» (1993). Драматург, заслуженный деятель искусств РСФСР (1981).

Сердце Леонида Юрьевича Моисеева остановилось 19 февраля 1995 года. Похоронен на Наугорском кладбище г. Орла.

ИМ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ…



ВЛАДИМР ПЕРКИН – 70 лет

Владимир Петрович Перкин родился 26 декабря 1943 года в городе Новотроицке Оренбургской области в семье рабочих.

После окончания средней школы Владимир Перкин учился в Уральском государственном университете. Затем окончил факультет журналистики Московского государственного университета – МГУ (1970).

Первые стихи Владимира Перкина были опубликованы в 1959 году в газетах «Гвардеец труда» (Новотроицк), «Комсомольское племя» (Оренбург). Известный советский поэт С. Викулов выделил Владимира Перкина среди начинающих поэтов того периода за свежесть художественной мысли его стихов, остроту поэтического зрения, гражданственность. В дальнейшем публикации стихов В. Перкина появлялись на страницах «Литературной России», в журналах «Советский воин», «Север», «Наш современник», в альманахе «Поэзия» и в др. изданиях.

В Орле Владимир Перкин работал в газете «Орловская правда» (1970–1976), старшим редактором Орловского отделения Приокского книжного издательства (1977–1986).

Владимир Перкин – член Союза писателей СССР с 1976 года. Автор книг стихотворений: «Стихи о пережитом» (1973); «Чистый цвет» (1975); «Высокий день» (1980); «На долгие годы»; «Крыло радуги» (1992); «Такая в сердце грусть...» (1997); «Солнечная гора» (1998).

Последние годы жизни Владимир Перкин прожил в Москве – работал главным редактором издательства «Современник» (1986–1990), главным редактором издательства «Московский писатель» (1990–2000).

Владимир Петрович Перкин умер 24 декабря 2002 года.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Игорь МАЛЫШЕВ

* * *

Сколько ни слышал я звон колокольный –
Строгий, густой или звонкую трель, –
Сердце сжималось – ни сладко, ни больно,
Знал только: будет особенный день…

Мимо церквей не ходил я иначе,
Как устремив свой восторженный взгляд
В синее небо, где золотом плачет
Древних крестов драгоценный обряд.

Верю ль я, Господи? Верю, наверно,
В мудрость людей и в священную Русь.
Может не так глубоко и смиренно,
Как подобает… Но я научусь.

В СТАРОМ ТРАМВАЕ

Старые москвички в стареньком трамвае
О своём, о бабьем, тянут разговор:
– Дочь вчера звонила…
– Ишь, не забывает. Где она?
– В Тюмени.
– Что ты! До сих пор?!
– Да, уже лет десять. Говорит, неплохо.
Вкалывает, правда, до ночи с утра.
– А мои – в Самаре. Тоже – слава Богу.
Не Тюмень, конечно, но и не дыра…

Помолчали. Тряско в стареньком трамвае.
Взвизгнула сирена где-то в стороне.
– Ты скажи мне, Соня, я не понимаю,
Что там обещает Прохоров стране?
Сашенька, ну что он может дать народу?
Всё, что сохранили, разметелит в прах.
Посмотри на эту новую породу –
Где ты видишь совесть? Он же олигарх…

– Да, совсем забыла – заходила Мила,
Говорит, что будто Зойка померла.
Ну, ты помнишь, та, что в «котике» ходила,
А потом напротив Зотовых жила…

Замолчали снова. Может, из-за Зойки,
Может, потому что просто вышел пар.
Двадцать третий номер
шёл по рельсам бойко,
Хоть и был, пожалуй, как москвички, стар.

ОЖИДАНИЕ

В ожидании – вот в чём, милая,
Бесконечный разгул тревог,

Неприкаянность и уныние,
И безумие, не дай Бог.

В ожидании часто сходятся
Устье времени и исток.
И разлучница в нём, и сводница,
И попутчица, не дай Бог…

ПРОВОДНИЦА

Текут красивые ресницы
Устали гнать тяжёлый сон.
И мой пиджак на проводнице -
Давно исчерпанный фасон
(Не мной придуманный фасон?)

Стол сервирован по–простому:
Коньяк, конфеты, банка шпрот.
Я мчусь домой, она - из дому,
А может быть, наоборот.

Её бодрят мои рассказы
Про океан, про севера…
А я ведь не был там ни разу,
Я только выехал вчера.

Её открытые коленки
Смешно торчат из-под стола,
Звенят казённые тарелки
Из второсортного стекла.

Такого важного застолья
Давно не знал дорожный мир:
Я для неё не просто Толя,
Я – первый левый пассажир!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как весной возрождается жизнь
В колыбелях безмолвной природы,
Как мечта устремляется ввысь,
Износившись за долгие годы,

Так и я возвращаюсь к тебе
После поисков правильных истин,
Тыщу раз усомнившись в себе –
Постаревшим, уставшим, но чистым.

Я, как путник, что, сбившись с пути,
Вдруг находит дорогу обратно.
Я к тебе возвращаюсь. Прости,
Как прощала уже многократно.

Пусть в заплечной суме – ничего,
Но и камня в груди больше нету.
Я узнал, что страшнее всего –
Не вернуться…
Как просто всё это.

Виолетта ФОКИНА

* * *

Уедем туда, где живут
низкорослые домики,
И утро осеннее вязнет в высоких дубах.
Из наших непрожитых дней
подари мне хоть толику –
С кислинкой антоновских яблок
на теплых губах.
Давай убежим за ворота
бессонного города,
Едва просветлеет под утро его горизонт.
Одетый в пальто с неуклюже
приподнятым воротом,
Ты будешь держать
надо мною растрепанный зонт.
Измерим шагами безлюдные,
узкие улочки
Немой деревушки,
затерянной где-то в лесах.
И в комнатке нашей
с букетом из листьев на тумбочке,
Мы будем молчать
об оставленных дома делах.

ПОПУТЧИК

Седоватый, сгорбленный,
аккуратно выбрит,
Выгребает мелочь
– карманы пальто навыворот
У кассирши просит билет
на ближайший в пригород,
Высыпая горсть монет одного калибра.
Не спеша подходит к платформе,
на самый край её,
И угрюмо смотрит вдаль
на пустые рельсы…
По перрону скачет откормленное вороньё,
И под птичий крик он ждёт одиноко рейса
Четверть часа, а может статься немногим более…
Вот состав, вагон, заскользила станция,
На соседних креслах – сплошь дачники сердобольные
Терпеливо едут свою дистанцию.
Он устало дышит, очки протирает тряпочкой,
Его вид нелеп, даже слегка печален.
Он, домой вернувшись, наденет старые тапочки,
Билет на пригородный смяв отчаянно.

* * *

В глиняной вазе
– поздний цветок шиповника,
Тени кленовые режут паркетный пол.
Свежие письма, как и всегда по вторникам,
Облюбовали скромный журнальный стол.
Ты, по привычке, пишешь мою фамилию
Девичью. Также с ошибкою в букве «о».
Пишешь про непогоду – снега в изобилии,
Просишь, чтоб я одевалась всегда тепло.
Пишешь про то,
что ждешь с нетерпеньем отпуска,
Что, без сомнения, выкроишь пару дней,
Что у твоих друзей подрастают отпрыски,
И как «ужасно» хотел бы иметь детей.
Что разыскал по книжкам
трактаты Кеплера
И каждый день читаешь их перед сном.
Что, говорят, полезно пить чай из клевера,
И непременно больше ходить пешком.
Пишешь про то, что стал
без конца рассеянным:
Вечно теряешь записи и ключи,
Что твои письма, видно, в пути посеяны…
И на полях отчаянно: «Не молчи…».

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ

Устало покосившиеся двери,
Ничейный дом, оставленный ветрам.
Быть может – невеликая потеря
В сравнении с желанным «где-то там».
Сквозь щели обветшалого забора
Пробился пышной вязью виноград,
Разросшийся не к месту и не в пору,
Когда уже никто ему не рад.
И два окна, забитые крест-накрест
Давным-давно прошедшим ясным днём,
С трудом дождей выдерживают натиск,
Спасая старый деревенский дом.

Зоя ДЯКИНА

* * *

Позволь насмотреться на небо и землю,
Грозой надышаться,
Ведь это безделье похоже на зелье
Последнего шанса,

Ведь эта тоска так похожа на воздух,
И ветер – как жажда…
А что остаётся? Полночные звёзды
За миг до пожара,

И десять звонков, и последняя кружка
Остывшего чая…
А прошлое сложено меленькой стружкой
Поближе к печали,

И, чтоб не свихнуться от груза истерик,
Стыда и кошмара,
Взамен кавалеров кидается в Терек
Царица Тамара.

Вячеслав ГАВРИЛИН

В КОНЦЕ ПУТИ

Босиком по колючей стерне,
Даже цыпки на пальцах не в счёт,
Из забытой деревни ко мне
Вдоль по тропочке детство идёт.

Как хотелось бежать и летать
Над землёй, над водой, над травой.
И такой молодой была мать!
И отец улыбался - живой.

Всё прошедшее – явь или сон?
До заката дотронусь рукой.
Подожди, перевозчик Харон,
Дай проститься с живою рекой.

Расступись предо мною, волна,
Дай дорогу усталым ногам.
Надышавшись чужбиной сполна,
Возвращаюсь к родным берегам.

Расстелись подо мною, трава.
На зелёный ковёр упаду.
Уплывают года, как в туман острова.
Вечер синий затеплил звезду.

Станет птицей душа в небеси,
Станет тело землёй и травой.
Ты не падай, звезда, повиси,
Над моею седой головой.

Иван МЕРЦАЛОВ

* * *

Бег саней по первопутку,
След полозьев на снегу,
Кем-то брошенную шутку
Позабыть я не могу.

Сани мчатся вдоль обрыва,
А под ним бежит река,
Всё слилось в одном порыве:
Сани, снег и облака!..

Ждёт ли кто меня? Не знаю…
Не спросить о том коней…
Впереди – лишь даль сквозная
Русских, радостных полей.

Константин ГВОЗДКОВ

ОДНО МГНОВЕНИЕ ИХ ЖИЗНИ

Он увидел ее…. Никогда еще так он не смотрел на женщину. Взгляд его был подобен свежему ветру. Так смотрит истосковавшийся по земле мореплаватель, чуть завидев на горизонте сушу. Необходимость надежды возникла в его существе, с каждым мгновением перерастая в бушующую необходимость взаимности.

Она почувствовала это. Словно дитя шелохнулось под сердцем.

По нему можно было все угадать сразу. Он распахнулся, словно стал во весь рост перед вражеским дзотом.

А она как будто ничего. Женщина не спешит раскрыться. Хотя внутри уже просыпался неведомый новый мир.

Он стал искать ее. А она стала ждать, ища. Ведь то, что уже случилось между ними важнее того, что может случиться потом.

Они стали сбываться.

* * *

Так в чем же эта разница между любовью и пожирающей страстью? Между телесным влечением и вселенской тягой? Можно ли ощутить эту разницу своим чувством? Можно ли сохранить эту силу? Ведь и вселенское влечение можно по нерадению испортить – человек похотлив, к сожалению.

Он ощутил сразу. А она вечерами разговаривала с ним, пела ему, задавала вопросы, хотя рядом его материально не было. И вообще, они не знакомы и даже не знали имен друг друга. А меж ними, уж все свершилось.

Он стал искать ее.… Нашел. Она вскачь на лошади пересекала поле, покрытое медовым разнотравьем. Янтарные локоны ее, подобно волнам, плескались в границах небесного океана. Ничего красивей он, пожалуй, и не видел. Гармония человека, животного, природы. Казалось, не девушка на лошади, а вся вселенная скачет пред ним, со всеми тайнами, загадками и смыслом… С ума можно сойти, если долго смотреть.

Он пожелал остаться незамеченным и скрылся в молодом орешнике, который начал отцветать, осыпаясь золотистой пыльцой.

* * *

Весь следующий день он думал, как предстать перед ней. Как-то необычно хотелось ему поступить.

То он думал, что выплывет из реки, когда она будет идти по мостику. Но тем самым можно напугать ее и создать много лишних брызг.

Затем он вознамерился украсть «ероплан», кожаный шлем и очки у одного летчика. И с поднебесья спикировать к ней, рассыпая цветы и птиц.

Много еще чего выдумывал наш герой. Целый день ходил, нервничал… Нет! Все не то!

Ближе к ночи спустился он к реке и без жалости расстался со всеми своими пустыми выдумками, отправив их по течению, в сторону омута.

- Утро вечера мудренее, - вслух подумал он и пошел спать.

* * *

Утро оказалось действительно мудрым.

Он проснулся. Через раскрытое окно, вместе с солнечными звуками, до него донеслось непонятное фырканье и сопение. Просунув голову в оконный проем, стоял конь. Да-да красавец конь. И смотрел самым открытым взглядом, и пускал теплые парные струйки в остывшую за ночь комнату.

Надо же! Вот тебе и ответ, как предстать перед ней. Как же он сразу не додумался… На коне. Она на лошади, а он на коне. Вот те раз!

Они сразу сошлись: животное и человек. Поняли друг друга без слов и жестов – глазами.

«Видно, Бог мне тебя послал», - подумал он.

«А кто ж еще», - подумал конь.

* * *

У мельницы, на краю жил старый шорник. Он знал про лошадей все, да и не только про лошадей. Мудрый был старик – готовился к вечности, и вечность ждала его. К нему-то привел наш герой своего коня, чтоб научил дедушка, как управляться с ним, да помог оснастить его грамотно.

- Повезло тебе с конем, - отвечал шорник. - Не всякому доводится держать промеж своих ног целую степь. Это не конь – это степь. Теперь самое главное, чтоб ему с тобой повезло. Знай! Ты, не наездник – это конь тебя везет. А один писатель сказал, что самые лучшие люди на земле – это лошади! Смотри, животное оно благородное, поэтому используй его только в благородных делах. Я помогу тебе!

Степь была обуздана.

* * *

- Добрый мой друг, верный мой конь! Сейчас сольемся мы с тобой в вихорь, и ветер

будет разбиваться о нас. Неси же меня мой конь! Неси в брод, неси по перелеску, неси сквозь травы, по косогору. Неси меня к ней! Я знаю, она ждет. Дверь приоткрылась, осталось в нее войти. Так вперед, родной ты мой! Не могу терпеть я больше! – так говорил он коню, перед тем как отправиться в путь.

В это утро она проснулась вместе с солнцем. Пела с птицами. Умывалась росою. Вплетала цветы в золотые косы. И говорила:

- Боже! Благодарю Тебя за это утро! Я знаю, что сегодня встречу его. Я знаю, что это Твоя воля. Так сбудется же она на нас!

И несли их кони, несли навстречу друг другу. И не было преград, ведь Сам Бог был с ними. С ними чистота, с ними любовь. Две вселенные неумолимо неслись друг к другу.

Остановились.… Встретились среди молодых хлебов.

- Это, ты! – сказал он ей.

- А это, ты! – ответила она ему.

Нет слов, не существует их, чтобы описать счастье двух людей, гармонию человека, животного, природы!

И несутся счастливые на своих конях сквозь брызги мелких рек, сквозь ветви старых лесов, сквозь облака горячего неба, и это есть танец – танец жизни.

* * *

К ночи расположились они в березовой роще, на пригорке. Костер раскидывал тепло на их красивые лица. Лошади стояли в стороне, жевали траву, шептались о чем-то, а над их торчащими ушами выплывала луна. Вальдшнепы сновали тут же, их тянула к себе роща. В котелке заваривались душистые травы, вот-вот собираясь стать медовым чаем. В низину кто-то, из большой кринки, подлил сливочного туману… Ночь…

Он развернул тряпицу и достал темный, суховатый хлеб. Разломил на две части. Что побольше отдал ей.

Долго разговаривали эти двое, слушали сказки сумерек. Целую ночь. Так мало.

Он рассказывал ей об отце, матери, древних пращурах. Рассказывал о старом шорнике, ведь тот много поведал ему секретов. Но часть он оставил себе, ведь тайны есть тайны. Она смотрела на него и любила.

Утром, искупав коней, они отправились в ее дом. Их там ждали. Он слегка волновался. Не без этого. Но она взяла его за руку и порог остался позади. Запах родного, как из детства, обнял и успокоил. Войдя, он увидел милую бабушку, ухватом достающую из большой печи круглый горячий хлеб. Его поразило, что лицо бабушки и хлеб были одинаковы. То ли хлеб был красив, как доброе лицо, то ли лицо, как вкусный хлеб.

- А теперь мы разломим хлеб в моем доме, в знак того, что все мое стало твоим, - сказала она.

И волнения ушли прочь, и понял он, что здесь все свои и что за этими дверьми всегда будут его ждать.

* * *

Оставим мы их на некоторое время. Не будем мешать и подглядывать. Пусть там они сами.

Только через некоторое время, ради любопытства, заглянем ненадолго.

Видим раннее утро, начало нового дня, новой жизни. Вот стоит он. Немного позади его – она. Но их стало больше. Он держит на вытянутых руках нового рожденного человека, простирая его к небу, и говорит:

- Ты видишь, нас уже трое! Вот мы перед Тобой! Ты подарил нам продолжение. Благодарю Тебя за страдания, за радости; за трудности и тишину штиля; за соленый пот и полный амбар. Благодарю, что не даешь мне спуску. А мы пойдем дальше, и весь наш путь будет путем благодарения Тебе!

Он посмотрел на нее:

- Дай руку, родная! Видишь горизонт? Идем!!! Вперед!!!

Предлагаем вниманию читателей главу из романа «Письма» молодого орловского прозаика Фёдора Маслова. В сентябре 2013 года он был приглашён на Первый Всероссийский Некрасовский семинар молодых писателей в Нижегородскую область, где его произведения вызвали интерес руководителей секции прозы.

Публикуемая глава, являющаяся одной из центральных в романе, изображает сцену разрыва отношений между двумя главными героями: Максимом Власовым и Линой Логановой. Они с детства считались друзьями, хотя в душе Лины жила страстная любовь к Максиму. Логанова многие годы её скрывала, из гордости не желая признаться в своих чувствах. И в школе, и в университете Максим и Лина поддерживали близкие дружеские отношения, даже несмотря на то, что Логанова в какой-то момент начала вести далеко не праведный образ жизни. Однажды в семье Власова случилось несчастье: умер его отец. Эта трагедия по-новому заставила посмотреть Максима и Лину друг на друга. Они изменились. Беда сблизила их безмерно, и когда казалось, что Власов и Логанова наконец-то примут друг друга такими, какие они есть, произошёл роковой разрыв, нравственная катастрофа.

Что стало её причиной? Нравилось ли им мучить друг друга? Мог ли Максим полюбить Лину за её страдания? Могла ли Логанова избежать своего морального надрыва? Влюбился ли Максим в неё? Страдала ли Лина духовной слепотой? Какое предательство она не смогла простить Максиму? Ответам на эти вопросы и посвящена глава романа.

Фёдор МАСЛОВ

ИСПУГАЛАСЬ
(глава из романа)

В комнате было серо и прохладно. Лина проснулась очень рано. Наскоро умывшись и причесавшись, она отворила форточку и стала ходить из одного угла комнаты в другой, скрестив на груди руки.

Логанова не сняла с себя платье, в котором была вчера. В нём и легла спать. Она хотела переодеться, но мысли слишком занимали её, и она не желала их спугнуть.

Лицо смотрелось свежим, даже детским. Ясно было в душе. Все мысли упирались во Власова, точно у них не было иного хода. Чувство к нему было очень трепетным и дорогим, как своё прошлое. А оно было соединено с Максимом неразрывно. И чувство к нему ничуть не было изменено прошлой ночью. Лину тянуло к Власову, но теперь ещё и с какой-то нежностью и ласковым, снисходительным прямодушием.

Как и прежде, она его любила, но теперь уже другой любовью. Лина вспомнила, что нечто похожее она испытывала и ранее. Любовь к Власову всегда была одной силы, никогда не ослабевала, но всегда щекотала с разными оттенками. И с появлением каждого нового такого оттенка Логанова ощущала какое-то обновление души, её перевоплощение. Лина приободрялась одной лишь этой свежестью, несмотря на то, что много лет не было причин радоваться отношениям с Максимом. Что это были за оттенки? Иногда она его любила с нежностью; иногда грубо, стараясь искать в его поведении полное к ней равнодушие, и тем самым настроить себя против него; иногда с самоосуждением за то, что разлюбить его она не могла; иногда восхищаясь справедливостью того, что его к ней не тянуло; иногда с ревностью;

иногда с дружеской добротой и прохладой; иногда, как врага: боясь и раболепствуя; иногда со злостью, готовая расцарапать ему лицо своими длинными, накрашенными перламутровым лаком ногтями, когда в её присутствии он заговаривал с Катей и сам же в душе корил себя за это, принимая её прямоту и кокетливую стеснительность, шедшую в оборот вместе с податливостью в речах, которая была порождена точно одним только желанием побыстрее избавиться от тягостной беседы, доставлявшей Чертогаевой такое смущение; иногда в смирении и покорности, застывшим, улыбавшимся взглядом наблюдая за ним, словно храня его для себя и без посягательства на его чувства.

Сии перемены спасали Логанову от мыслей самых страшных. Она и сама ощущала, что чувства к Власову заряжали её хотя бы иллюзией будущего, иллюзией ожидания. И оттого Лину ещё сильней к нему влекло. Оттого она и не переставала его любить, любить разной любовью, которая была занимательна и спасительна ещё и тем, что и проявлялась по-разному. Были случаи, когда Логанова по самой чистой искренности побуждения своей души то хвалила Максима; то беспричинно начинала на него ругаться и клеветать; то улыбалась при встрече; то вовсе не здоровалась, в наигранной задумчивости отворачивая голову, а порой даже и не утруждая себя делать вид, что его не замечает; то открывала ему такие подробности своих увлечений, которых не открывала никому; то не хотела говорить с ним о самых пустяках; то каблуком сильно наступала ему на ногу или, неслышно подкрадываясь сзади, кусала его за ухо; то беседовала с ним часами; то неделями не отвечала на простейшие вопросы, проходя мимо Власова или почти убегая от него, высоко поднимая голову и сама не зная причины своей обиды. Лина гордилась тем, что она его любила во всё время их знакомства, но презирала себя за то, что он ей не принадлежал, видя в этом свою вину.

Она вспоминала всё это и сказала себе, что сие исходило не только из её характера. Будь Власов в любви такой же, как и она, ничего бы подобного не ощущалось. Логанова не могла чувствовать радость вполне, если она не виделась в глазах своего любимого совершенством, человеком, которого не тронули жизненные неурядицы и фиаско. Лина не могла броситься в объятия страсти Максима, чувствуя за спиной тень прошлой неудачи, даже если он о ней и не знал. Здесь собственные её ощущения волновали Логанову более всего.

Она с нежной насмешкой вспоминала те свои прошлые чувства, но не желала уйти от их тени, как будто без мыслей о том, что было, она не могла вполне ощутить всю яркость того, что есть сейчас. Примечательно, что и теперь, и тогда Лина не хотела говорить Максиму в глаза о каких-то обвинениях в его адрес. Недвусмысленный взгляд обиды она бы посчитала проявлением слабости. Если бы Лина никого не обвиняла в своей неудаче, то все её причины вкладывались бы в её собственное устройство, и нежелание кого-либо унижать из-за её поражения говорило бы о полном к нему равнодушии ввиду как единственности оного, так и множества побед.

Она увлеклась мыслью о повторении чего-то, ставшего для неё самым страшным. И повторение должно было быть ещё более несносным сейчас, чем нечто схожее, что было в первый раз. Лина незаметно подошла к моменту, когда тревога разом обрушилась на её сердце. Если бы это произошло постепенно, она бы приноровилась к страху, свыклась с ним. Он бы её не мучил, не томил, и она бы не испугалась, что Максим её бросит. Этот страх был безумен, беспорядочен; он сам ничего не боялся, и оттого был ещё более властен унижать Логанову

своим беззаконием и тиранией. Лина испугалась, что Власов её бросит первым. Она как-то вдруг, на краткий миг ослепла душой. В глубине её она даже не верила, что разрыв возможен. Но Лина теперь не могла прозреть то, что вертелось в её душе. Логанова даже не пыталась себя убедить в собственном ослеплении, в его скоротечности. Разрыв виделся ей неизбежным исходом.

Лина захотела опередить Максима. Миг ослепления прошёл. Но он и не должен был уйти без следа. Логанова что-то видела в пучине своей души, догадывалась, что это сияние есть лишь сияние чего-то тёплого, а не другое светило ослепления. Она его видела, но не знала наверняка, что это. Логанова стала бояться быть брошенной Власовым сильнее, чем всегда желала близости с ним. Что-то определённое мелькнуло перед воображением Лины, но от этого она ещё больше помрачнела. Логанова вновь ощутила унижение от слабости надежды, которая, казалось бы, оставила её навеки. Лина чуть не заплакала. Она опять стала утешаться надеждой, причём точно такой же, как и прежде. Лина даже не успела в этом утреннем уединении насладиться свободой от неё, радостью избавления от неё, счастьем оттого, что она её не обманула.

Логанова понуро подошла к окну спальни. Воздух из форточки обдал её утренней сыростью и прохладой. Лина без движения во взгляде смотрела на безлюдную, казавшуюся серой от асфальта и набежавших на небо туч улицу. Так она и думала простоять со сложенными на груди руками и прислонённым к стеклу холодным лбом часа два или три, или четыре; всё равно, сколько времени. И вдруг она встрепенулась, прищурилась, увидев подходившего к её подъезду Максима. Логанова, переведя дух, недолго постояла у окна и пошла к двери.

В возбуждении и нетерпении Власов поднимался по лестнице, стараясь догадаться, как себя поведёт Лина, но прекратил думать об этом, как только оказался на её этаже. Ему всё стало безразлично, потому что он увидел сверкнувшие глаза Логановой, которая только что отворила дверь.

Они прошли в её спальню. Максим посмотрел в серое окно. В комнате было свежо. Власов насторожился. В окно билось ненастье. Утро грустило, готовое зарыдать.

Лина подняла на Максима глаза. Ярко-зелёные и отчего-то испуганные.

- Как дела? Чем занимаешься? - спросил Максим, но как бы и не любопытствуя вовсе, а с оттенком безобидной иронии, предвосхищая взаимный тон шутливости.

- Я вот тут думаю… В кого же влюбиться?

- Ну, кто же в жизни об этом не думал!- словно удивившись, развёл руками Власов.

Лина засмеялась. Голос её задрожал:

- Жизнь… Ну давай поиграем в жизнь! Отчего же не поиграть!

Лина сильно сморщила губы. Они порозовели. И даже приобрели особенную прелесть, покрывшись тоненькими, словно еле видимыми ниточками, морщинками.

Власов с трудом отвёл ястребиный взгляд от Лины. Она разжала губы, и на них вновь легла глянцевая, коралловая гладь.

- Любовь в тебе говорит всегда. В каждой частичке твоей души – любовь,- сказал Максим, в задумчивости почёсывая пальцем левую бровь.- Она согревает.

- Разве без неё замёрзнешь?

- Да.

- А я-то думала, что она обжигает, а не согревает.

- Не обжигает, а растапливает.

- И оттого что она обжигает, меня и любят.

- Отнюдь не все. Многие боятся тебя любить.

- Таешь тут… И ты передо мной…

- Мне приятно тебе покориться.

Они оба засмеялись, хотя и понимали, что этот смех неискренний и что всё было сказано серьёзно.

Лина подняла руку, начав делать имита-

цию покушения на пощёчину Власову. Но увидев, что он заулыбался, выдохнула и, радуясь его догадке, бережно погладила ладонью свои волосы.

- Я тебе хочу кое-что сказать…- произнесла Лина, потирая руки, медлила говорить далее, и отошла к окну. - Нам… Мы не можем быть вместе. Не можем. Нам лучше с тобой вернуться назад. Я хочу, чтобы мы всегда были только друзьями. Не более.

- Я так понимаю, что Чертогаева тут ни при чём,- наклонил голову Власов.

- Ах, эта… Признаюсь… Если бы она от тебя отреклась, мне было бы легче. Не могу я без равенства. А твоё отношение к ней – это какая-то насмешка. Не затоскуешь ты от такой радости?

- Не о том ты говоришь… За рубль ты не продаёшься, а сама хочешь за этот рубль приобрести. За рубль, за который сама никогда не продашься. Не о том ты говоришь.

- А кто о том? Ну скажи… Как можно трепетать перед кем-то за добро? Или тебе нужно, чтобы не было зависти? Но ведь если её нет, то нет и гордости в человеке. Хотя и не всегда, конечно. Как можно трепетать? Как? Ну уважать… Это я понимаю. Но трепетать… Как?

- Не нуждаюсь я в ней, ты ведь должна это понимать. Это не то… Послушай… Она не свой человек для меня, но не свой не в том смысле, в котором ты думаешь, а в противоположном. Тогда я был вынужден тебя избегать.

- Ах, вот как!.. Никто тебя не вынуждал! Никто! Зачем ты вообще так говоришь? И как же девушка должна с этим мириться?

- Так же, как парень может над этим плакать. Это не нужно. Это больше нам не нужно. Сейчас всё иначе. Ты перестала хотеть, и у тебя всё получилось… Нельзя так сильно хотеть, а то ничего никогда не получится… Удастся тому, кто всё делает с непринуждённостью или хотя бы с её видимостью. Ты даже перестаралась. Я ведь твою душу знаю лучше, чем ты знаешь её сама. Я очень сильно чувствовал твою близость. И даже стал чувствовать, что во мне тебя больше, чем меня в тебе. А ты очень долго искала. Искала… Я бы не смог так долго. Да и не к чему это. Находит тот, кто не ищет. А кто приступает к поиску, у того этот поиск становится вечным, проклятым. После долгого ожидания обязательно придёт разочарование, какой бы сильной любовь ни была. Разочаруешься из-за потерянных сил. Какой бы сильной любовь ни была, ты бы её восприняла со спокойствием, - Максим говорил тихим, торопливым, словно чириканье птиц, голосом, как будто он горячился поскорее всё сказать, чтобы предостеречь или спасти от чего-то.

- Всегда так… Со спокойствием. А сейчас ты играешь с чувствами. Поверь. Этого нам не нужно. И ты ещё осмелился мне говорить такое. Как ты меня взбесил!

- Это ничего. Невозможно, чтобы ты злилась на того, кого ненавидишь. А если не злишься, это значит равнодушие. Если не злишься, значит ненавидишь. И я ведь тоже злюсь на тебя. И ещё сильнее тянусь к тебе. Ты вся как один сплошной огонь!

- Хватит. Ты меня хочешь жизнью заразить… Но поздно. Мне эта жизнь не давала радоваться. Так не мешай ей мне позволять огорчаться. Ты у меня всё украл. Я даже мечтать теперь не смогу, - щёки Логановой начинали розоветь. Она была взволнована, скорее взбешена; медленно Лина приходила в самое мучительное исступление, мучительное тем, что не вовлекало её в полное забвение. - Что ты меня своими чувствами согреваешь? Они для меня теперь бессмысленны. Я отказываюсь!

Она сначала подошла к Максиму, а потом мигом от него отскочила.

- Отказываюсь! - Лина страстно, надрывно прокричала и вонзила пальцы в свои густые волосы.

- Успокой себя. Что ты делаешь? Зачем ты

мне это говоришь?- выпалил Максим и двинулся к двери, чтобы уйти.

- Я хочу, чтобы ты это слышал. Отказываюсь! Ото всего! И не внушай мне ничего… Не тебе меня учить. Уже никому меня нельзя учить. Это бесполезно, бессмысленно.

- Я не учил тебя. Ни тогда. Ни даже теперь. Верь мне, верь!..

- Не могу!

- Можешь!

- Нам надо разойтись… Мы с тобой начнём друг друга презирать когда-нибудь! Ты слишком ненавидишь любить, а я слишком люблю ненавидеть.

- Пока не поздно, остановись! Ты и меня за собой тянешь! Ты и меня губишь!..

- Всё! Всё ничтожно стало! Всё! И ты меня никогда не забудешь! Ты будешь вечно меня помнить! Будешь вечно помнить мои глаза, которые сейчас видишь! И моё сердце разбитое станет твоей могилой.

Она трижды ткнула пальцем в грудь Максима, затем подошла к нему вплотную.

- Не смогла, не смогла!- опустошённо, отчаянно выдохнул он.

Лина прижалась к нему и, оторвав лицо от груди Максима, заплакала ему в лицо и тихо сказала:

- Не в меня!... Не в меня влюбился! Не в меня, а в падение моё влюбился! В падение моё влюбился! Не в меня!... Как ты мог? Ты дважды предатель!

Логанова, укрыв своё лицо руками и рыдая, вновь прижалась к Максиму. И руками обхватить крепко-крепко ему хотелось Лину, и казалось, что душа его разорвётся, если он этого не сделает, и не мог Власов её обнять, своим сочувствием расширив её рану. Они услышали, как на подоконник закапали слезинки серого неба, словно оно не удержалось и заревело, глядя на этих стоявших лицом к лицу двух великих страдальцев.

Через какое-то время Логанова перестала дрожать. Из глаз, однако, по-прежнему текли слёзы. Она отошла к окну.

- Тебе теперь нужно уйти. И я прошу тебя, не надо меня жалеть! Прошу, хотя бы не унижай меня. Не надо меня унижать. Не жалей меня. Умоляю. А теперь уходи. Я не хочу тебя больше видеть.

- Да мы и не увидимся больше.

Они переглянулись, и как будто ими была понята какая-то загадка и обида слов Максима. Логанова закивала головой. Уголки рта Власова дрогнули. Он отвернулся, открыл дверь спальни и пошёл ко входной.

Логанова, вновь задрожав, прислонилась спиной к стене. Веки опухли от слёз. Она плакала и билась головой о стену. Так больно в ту минуту, как ей, не могло быть даже тому, кто видел бы её в этом состоянии.

Выйдя в подъезд, Максим выдохнул и провёл ладонью по лицу. Он хотел закричать, но понял, что был не в силах это сделать, когда открыл рот и вместо ора выскочил из груди какой-то непонятный, почти бесшумный, хриплый звук. Максим начал спускаться по ступенькам. Ноги ослабли, его шатало. Власов шёл, держась за перила. Он только сейчас до дна проникся в Логанову, только сейчас понял, какая это была душа. И вот когда Власов это понял, он её лишился.

Ему казалось, что его сердце вырвали из груди, бросили на пыльные, оплёванные ступеньки, наступили на него, проткнули карандашом, попинали его ногами, словно мячик, кинули в угол подъезда, где льдинками лежали острые стёкла выбитого окна, поковырялись в нём перочинным ножиком и вставили обратно. Ему даже в голову не пришло зайти в лифт. Наконец, показался серый ручей света. Наконец, доковылял до выхода из подъезда неровным, шатким шагом - ни человек, ни покойник, никто.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ
Ирина Семёнова. Ермолов. Поэма. 3
Елена Машукова. Где сумерки пахнут мятой... Стихи....20
Светлана Голубева. Шёл снег…....48
Владимир Ермаков. Жизнь на краю света. 67
Валентина Корнева. И вновь звонят колокола.....72
Анастасия Бойцова. Из поэмы «Троянский цикл».....88
Виктор Садовский. Орёл за дымами времён.....109
Николай Перовский. Не выплакать память жестокого века.....100
Елена Ковалёва. Заметки на полях календаря.....132
Антонина Сытникова. И бредят Русью васильки. 140
Андрей Фролов. Картина российского быта.....165

ПРОЗА
Юрий Оноприенко. Анисим. Ласковый Зина. Рассказы.....7
Анатолий Загородний. Тайна откровения (Путешествие по разуму). 51
Татьяна Грибанова. Наследство. Рассказ. 118
Андрей Шендаков. Островки. Миниатюры.....135
Михаил Турбин. Артистический человек. Рассказ. 143

ОЧЕРК, КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА
Геннадий Попов. Поэзия наших дней (Литература, поэт, действительность). 13
Вячеслав Лютый. Рождественская ель (Юрий Кузнецов и христианство). 24
Алексей Кондратенко. Сергей Беляков и его книга об Орле.....27
Алексей Шорохов. Тургенев: русский ответ откладывается…....43
Валентина Амиргулова. Орёл – город первого салюта. 69
Геннадий Тюрин. О «России без креста»: творческие диалоги писателя и художника. 93
Леонард Золотарёв. Казаки. Дети солнца. «Мы идём с конём по полю вдвоем».....104
«Друзья! Прекрасен ваш союз!» (Отклик на альбом «На тысячу вёрст кругом Россия») 156
Анатолий Загородний. Так птицы Божьи поют….....158
Юрий Асмолов. «Вырастая до прежнего роста» (О книге А. Фролова)....161
Леонид Афонин. Орловские мы. Охраняется памятью народной. Заметки писателя. 168

У НАС В ГОСТЯХ
Юрий Асмолов. На колокольный голос Веры. Стихи.....36
Геннадий Петелин. Черная лебедь. Рассказ.....74

ПАМЯТНЫЕ ЮБИЛЕИ
Елена Благинина. На свете я видела хлеба не много.....174
Рустам Агишев – 100 лет.....179
Леонид Моисеев – 80 лет.....180
Владимир Перкин – 70 лет. 181

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
Игорь Малышев.....182
Виолетта Фокина. 183
Зоя Дякина.....184
Вячеслав Гаврилин.....185
Иван Мерцалов.....185
Константин Гвоздков. 185
Фёдор Маслов. 188

ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Ежегодник Орловской областной организации
Союза писателей России.
Выпуск 10.

Главный редактор – А.И. Кондратенко
Корректор – П.А. Гапоненко
Верстка – А.Е. Плетнёв

Издательский Дом «ОРЛИК»
(Орловская литература и книгоиздательство)
г. Орел, ул. Пушкина, 20а. Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.
E-mail: zakaz@orlik_id.ru | www.orlik-id.orel.ru

Издатель Александр Воробьёв
Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г., выдана Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 22.05.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,36. Тираж 1200 экз. Заказ № 023.
Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьёва: г. Орёл, пер. Новосильский, 1.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.